

№ 9 (2008)

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
выходит один раз в год

Редакционная коллегия: О. В. Бударagina, В. В. Зельченко,
В. С. Синельников

Компьютерная поддержка: К. Б. Катенин

Эмблема журнала: Елизавета Дмитриева

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
<i>Тит Макций Плавт.</i> Монолог из комедии “Купец”. Перевод с латыни Н. Кузнецовой	2
<i>А. Кузнецова.</i> Сон о слоне	3
Заседания кружка “Классика” в 2007/2008 учебном году	7
<i>О. Нэш.</i> Два стихотворения. Перевод с английского И. Нахмансона	8
Сказки, рассказанные пятиклассниками	9
<i>Л. Я. Лурье, А. В. Гладкий.</i> Памяти Натальи Марковны Ботвинник	13
<i>И. Козлова.</i> Латинские надписи в Петербурге	16
ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР: “Несоветская драматургия. Юрий Олеша”	17
<i>Е. Л. Ермолаева.</i> Euroclassica в Петербурге	24
<i>В. В. Зельченко.</i> “Хлеб, рыба, волосы...”	27
<i>Б. Мороз.</i> Шесть древних мужей	33
<i>Мелеагр Гадарский.</i> Влюбленный комару (AP V, 152). Переводы с древнегреческого <i>Н. Кузнецовой, К. Егоровой</i>	34
<i>А. К. Гаврилов.</i> Последний дар Изоры	35
<i>Carmina Rutenica.</i> Перевод на латынь Д. Кейера	39
<i>Гораций.</i> “Сатиры”, II, 1. Коллективный перевод	40
<i>А. Григорьев.</i> Труба-в-трубе	41
<i>Ф. Г. Лорка.</i> Песня всадника. Перевод с испанского А. Горбовой	42
<i>Д. Кирьянов.</i> Боевая колесница у Гомера: такси или тачанка?	43
<i>Флавий Филострат.</i> Жизнь Герода. Перевод с древнегреческого и комментарий <i>Ф. Беневича, А. Ветушко-Калевича и А. Резниковой под редакцией Е. Г. Рабинович</i>	48
<i>К. Кавафис.</i> Ирод Аттик. Перевод с новогреческого А. Григорьевой	57
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (2007 г.)	59
<i>А. К. Гаврилов.</i> А. А. Фурсенко и классическая гимназия	60

На первой странице обложки: фото В. Б. Жижиной

На четвертой странице обложки: Одиссей — хитрый, сильный, умный. Рисунок Саши Княгинина

НОМЕР ИЗДАН ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ОАО «ВЫМПЕЛ-КОММУНИКАЦИИ»

Редакция благодарит за содействие В. Б. Жижину, С. К. Егорову, Д. В. Кейера и С. Н. Полякову

Формат 60×90 1/8. Офсетная печать. Тираж 450 экз. Зак.

От редакции

“А теперь переведите это (на русский, на латынь, на древнегреческий, на английский, на немецкий, с ионийского диалекта на аттический, из прямой речи в косвенную, в шестнадцатеричную систему счисления и т.д.)...” В гимназии, где изучают четыре языка, отнюдь не пренебрегая ни математикой, ни словесностью, эта фраза звучит, вероятно, чаще, чем любая другая — включая даже “Сколько до звонка?” и “Булочку с корицей, пожалуйста”. В самом деле, переводят гимназисты не покладая рук: вольно и невольно (т. е. по заданию), врозь и парами, устно и письменно, мучительно-буквально (“Долго и тщетно Геркулес в лесу дикого зверя искал. Потом дикого зверя нашел...”) и артистически-вдохновенно, гекзаметром и в рифму, для себя и для вечности. Забавные ошибки в переводах, однажды прозвучав на уроке, надолго становятся легендой (такова, например, версия ст. 77 еврипидовской “Алкестида”: “Будет ли когда-нибудь тихо перед дворцом?” или монументальное “И ибо...”, которым гимназист NN имел обыкновение передавать каждое встретившееся на его пути καὶ γάρ). Памятный переводческий семинар В. А. Дымишица собирал в 2004–2005 учебном году не меньше взрослых, чем детей; а в ежегодных конкурсах стихотворных переводов наравне с учениками состязаются не только учителя, но даже и родители. Мало того: оканчивая школу, наши выпускники не оставляют благоприобретенной привычки и продолжают переводить, добавляя к четырем “гимназическим” языкам также и новогреческий, испанский, французский, иврит... Иными словами, pruritus convertendi вот уже девятнадцать лет является одним из главных недугов гимназии — причем таким недугом, от которого никому не хочется выздоравливать.

“Абарис” и прежде щедро предоставлял свои страницы переводческим опытам; в этом году, однако, редакция почувствовала, что накоплена своего рода критическая масса, которой необходимо дать выход. Поэтому переводы стали главной темой лежащего перед вами номера: эмблему соответствующей рубрики, переосмысляющую дежурно-канцелярское VERTE!, любезно согласилась нарисовать выпускница 1997 г. Софья Егорова.

Школьный перевод ценен для нас не только как развивающее упражнение или гуманистическая забава. Во-первых, добросовестные переводчики — это внимательнейшие читатели: как заметил еще Плиний Младший (Epist. VII, 9, 2), quae legentem fefellissent, transferebant fugere non possunt. Во-вторых, перевести — значит сопоставить (а то и познакомиться) две языковые и литературные традиции, между которыми подчас зияет пропасть в две тысячи лет. Недаром первым произведением римской словесности стала “Одиссея” Ливия Андроника, а в переводческих баталиях Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова решилась судьба новой русской поэзии. Если переложить латинскими дистихами “Письма римскому другу” Бродского, получится ли похоже на Марциала? как подобрать русский аналог вычурному стилю Филострата? можно ли без потерь передать безразмерные строки американского поэта Огдена Нэша, строго соблюдая число слогов? — эти и другие эксперименты ставят на страницах “Абариса” записные гимназические переводчики.

Уходящий 2008 г. был отмечен печальной вехой: не стало Натальи Марковны Ботвинник, которая не только много лет читала с гимназистами-старшеклассниками Вергилия и Петрония, рассказывала о Пушкине и новейшей советской истории, но и была университетским наставником большинства учителей-классиков нашей школы. Помимо мемориальной подборки, с Натальей Марковной так или иначе связаны многие страницы журнала: одна из “взрослых” статей, исследующая истоки образа пушкинской Изоры, посвящена ей, а другая родилась как реплика в длинном разговоре с нею — речь шла о том, как лучше объяснять гимназистам правило рода III латинского склонения. Два последних доклада Натальи Марковны (на международной конференции школьных учителей древних языков “Classica Petropolitana” и на заседании гимназического научного кружка) были связаны как раз с “переводческой” темой — преломлением мотивов Горация и Овидия в поэзии Пушкина. Пусть номер “Абариса”, отданный переводам, будет данью ее памяти.

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Тит Макций Плавт

Монолог из комедии “Купец” (стт. 830–841)

Несчастный влюбленный прощается с родным домом

Limen superum inferumque, salve, simul autem vale:
hunc hodie postremum extollo mea domo patria pedem.
Usus, fructus, victus, cultus iam mihi harum aedium
interemptust, interfectust, alienatust. Occidi.
Di penates meum parentum, familiai Lar pater,
vobis mando, meum parentum rem bene ut tutemini.
Ego mihi alios deos penatis persequar, alium Larem,
aliam urbem, aliam civitatem: ab Atticis abhorreo;
nam ubi mores deteriores increbescunt in dies,
ubi qui amici, qui infideles sint, nequeas pernoscere
ubique id eripiat, animo tuo quod placeat maxime,
ibi quidem si regnum detur, non cupita est civitas.

Вам привет, порог и двери — и прощайте, порог и дверь!
Я сегодня покидаю навсегда родимый кров.
Быт, удобства, наслажденья комнат дома моего —
Всё украли, всё убили, всё сломали. Я погиб!
Вам, родимые Пенаты, Лар-хранитель алтаря,
Я родителей вручаю: берегите их от бед.
Ухожу к другому Лару и другому очагу —
Их я, Аттику покинув, отыщу в чужой стране.
Где обычаи дурные процветают с каждым днем,
Где неясно, кто товарищ, и неясно, кто предаст,
Где легко того лишиться, что душе всего милей, —
Там ты даже за корону не захочешь долго жить!

Перевод Наташи Кузнецовой, 9 класс

Фото: В. Б. Жижина, выпуск 2002 г.

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Алиса Кузнецова

9 класс

СОН О СЛОНЕ

(Артемидор, II, 12)

Артемидор Далдианский — греческий писатель II в. н. э., под именем которого сохранился сборник толкований снов (ὄνειροκριτικά). Начиная с эпохи эллинизма жанр сонников привлекал как серьезных писателей, так и авторов “массовой литературы”; книга Артемидора — единственный античный сонник, дошедший до нас целиком. Этот трактат оказал влияние на формирование средневековых представлений о природе сновидений, причем не только в Византии, но и на арабском Востоке. К материалу, собранному Артемидором, прибегал еще Зигмунд Фрейд.

Сам Артемидор считал, что пишет ученый труд, цель которого — поставить искусство толкования снов на прочную научную основу, защитив его от разного рода шарлатанов. Собирая сведения для книги, Артемидор, как он сам говорит в предисловии, во-первых, прочитал труды своих предшественников, а во-вторых, много лет, “не пренебрегая рассказами оболганных рыночных гадателей”, выслушивал их в Греции, Азии и Италии. В результате возникла целая разветвленная система толкований. Артемидор различает обычные сновидения (ἐνύπνια) и вещие сны (ὄνειροι). Первые — всего лишь отражение наших дневных чувств и переживаний; Артемидор достаточно искушен в психологии и понимает, что голодному обычно снится еда,

а влюбленному — предмет любви, и такие сны толкованию не подлежат: “они содержат не предсказания будущего, а представления о настоящем”.

Внутри вещих снов Артемидор выделяет “прямо-созерцательные” (θεωρηματικοί) — когда вы видите именно то, что с вами случится, — и аллегорические, в которых предсказание дается в завуалированной форме. Аллегорические сны, в свою очередь, делятся на “касающиеся сновидца”, “касающиеся других”, “общие”, “общественные” и “космические”. Кроме того, сны могут предсказывать многое через малое, малое через многое, малое через малое и, наконец, многое через многое; как видим, Артемидор применяет в толковании снов научную терминологию и сложные классификации. В то же время он считает снотолкование не только наукой, но в равной мере и искусством. Чтобы суметь объяснить сновидение, толкователю, по мнению Артемидора, необходима не одна выучка, но и природное дарование; как врач, он должен не только пользоваться книгами, но и собирать сведения о том, как сбылись те или иные сны, а также проявлять интуицию.

“Сонник” делится на пять книг. Наше внимание будет привлекать небольшой раздел о слонах внутри главы, посвященной сухопутным животным (II, 12):

Ἐλέφας ἔξω μὲν Ἰταλίας καὶ Ἰνδίας ὄρωμενος κίνδυνον καὶ φόβον σημαίνει διὰ τὸ χρῶμα καὶ διὰ τὸ μέγεθος· φοβερὸν γὰρ τὸ ζῷον, καὶ μάλιστα τοῖς μὴ ἠθάσιν αὐτοῦ· ἐν Ἰταλίᾳ δὲ δεσπότην σημαίνει καὶ βασιλέα καὶ ἄνδρα μέγιστον. Ὅθεν ἐπειδὴν βασιτάζη ἀφόβως πειθόμενος τῷ ἐποχομένῳ, τὰς ἀπὸ τῶν τοιούτων εὐεργεσίας μαντεύεται· ὅταν δὲ βλάβη, τὰς ἀπὸ τῶν τοιούτων βλάβας. Πολλάκις δὲ ἐλέφας διώκων καὶ ἀπειλῶν νόσον προαγορεύει. Καὶ καταλάβων μὲν καὶ διαχρησάμενος τῷ ἰδόντι θάνατον σημαίνει, μὴ καταλάβων δὲ εἰς ἔσχατον κίνδυνον ἐλάσαντα σωθῆσθαι· καὶ γὰρ φασὶ τὸ ζῷον ἀνακεῖσθαι τῷ Πλούτῳ.

Слон, приснившийся вне Индии и Италии, предвещает опасность и страх — из-за своего цвета и величины: ибо это страшное животное, особенно для тех, кто к нему не привык. А в Италии слон означает властителя, и царя, и значительное лицо. Поэтому если слон, подчиняясь седоку, спокойно носит его на спине, сон сулит благодеяния от подобных людей (т. е. царей и т. п. — *А. К.*); если же слон причиняет вред, то сон означает ущерб от них же. Преследующий и угрожающий слон часто предвещает болезни. Настигший и умерщвляющий слон пророчит сновидцу смерть, а не настигший — спасение от смертельной опасности: ведь это животное, как говорят, посвящено Плутону.¹

Ассоциации, которые вызывает у Артемидора слон, частично основаны на географических и зоологических сочинениях, а частично на народных поверьях;

Две стороны медной пластины (*aes signatum*) с изображением слона и дикой свиньи. Рим, III в. до н. э.

это же сочетание научного и фольклорного материала можно наблюдать в других местах его труда. Поэтому прежде всего нужно оценить, что могли знать о слонах греческие современники Артемидора.

После походов Александра на восток, после войн эллинистических монархов, после италийской кампании Пирра и Пунических войн, в которых слоны широко использовались не только на поле битвы, но и во время триумфальных шествий, облик слона стал для греков и римлян привычным, хотя о самом животном слагалось множество недостоверных легенд. Аристотель пишет, что слоны могут достигать двухсотлетнего возраста, говорит об их великодушии, сообразительности и кротости (*НА VIII*, 630 b, 18), — например, ходила история о том, как один мальчик уколол слоновий хобот, а животное схватило ребенка, подняло высоко в воздух и поставило, испуганного, обратно на землю; или о слонихе, которая не соглашалась идти в сражение, чтобы не бросать своего сына. Мавританский царь Юба уверял (*Plin. NH VIII*, 2; *Ael. NA IV*, 10), что слоны поклоняются луне и для этого в новолуние собираются у водопоя (в XIX в. африканцы объясняли эти собрания уже не религиозными воззрениями зверей, а “военным советом против ужасных двуногих”).² Доходило до того,

что слонам приписывалась способность давать клятвы и понимать человеческий язык. “Это самое большое из животных, — прославляет слонов Плиний Старший (*VIII*, 1), — и самое близкое к человеку по способности чувствовать; ведь им присуще понимание языка, повиновение приказам, память об обязанностях, которым их научили, жажда любви и славы, более того — редкие даже в человеке честность, благонравие, справедливость, религиозное чувство по отношению к светилам, то есть почитание солнца и луны”.

В то же время античные авторы (напр., *Ael. NA X*, 1; *XV*, 15) пишут и о вспыльчивости слонов, о жестоких битвах между ними. Еще в одном отношении “их характер считался не таким уж приятным: находя в земле бивни мамонта и ошибочно принимая их за слоновьи, древние говорили, что зверь закапывает бивни

из жадности, лишь бы они не достались человеку”.³ Таким образом, общераспространенные представления о слонах в эпоху Артемидора были неоднозначны и противоречивы.

Бросается в глаза двойственность в толковании сна у Артемидора: слон может означать и смертельную опасность, и правителя. Почему?

С одной стороны, слон — опасное животное, навещающее ужас на врага и приносящее победу тому, кто использует его в битве. В самом деле, слоны ценились полководцами не столько из-за своих боевых качеств, сколько как средство устрашения противника, не видавшего их прежде. Напротив, тем, кто уже научился не бояться слонов, было довольно легко напугать их самих — выпустив на поле боя мышей или свиней либо закидав животных стрелами и копьями; более того, в панике боевые слоны могли побежать назад и растоптать собственное войско.⁴

С другой стороны, слон, как и другие крупные животные, — символ могущества, царской власти, вечности. У того же Артемидора в разделе о частях тела сказано (*I*, 37; пер. М. Л. Гаспарова и В. С. Зилин-тинкевич): “Видеть во сне голову льва, волка, барса или слона вместо своей к добру: сновидец возьмется

за дела, которые выше его возможностей, добьется успеха, и одоление пойдет ему на пользу — он будет страшен врагам и приятен близким. Многие, добивавшиеся должностей и начальствований, после этого сна их достигали”.

В самом деле, цари и полководцы нередко использовали слонов для демонстрации своего величия. Ювенал даже уверяет (12, 106–109), что слоны от природы призваны служить царям, а не частным лицам. В 327 г. до н. э. Александр Македонский получил в подарок от города Таксила 25 слонов, а в следующем году — еще 35. После битвы при Гидаспе захваченные в плен слоны приняли участие в триумфальной процессии, прославлявшей Александра как сына то ли Зевса, то ли Аммона и как властителя Азии. Слонов держали при царских дворах на Востоке, а у римских императоров был слоновий питомник около города Ардея в Лации: этих слонов можно было увидеть в торжественных процессиях и цирковых битвах, а их изображения нередки на монетах императорской эпохи.⁵ Наконец, из слоновой кости (древние узнали ее много раньше, чем самих слонов) изготавливались дорогие украшения, ритуальные предметы, ножи жрецов для жертвоприношений, курульные кресла, а также другие знаки отличия и власти.

Итак, по логике Артемидора, слон как объект снотолкования обладает двумя основными свойствами — он, во-первых, означает опасность, а во-вторых, величествен и символизирует царя. Второе свойство проявляется в том случае, если первое нейтрализовано; а нейтрализуется оно в тех странах, жители которых умеют обходиться со слонами и заставлять их повиноваться. При этом к числу таких стран Артемидор относит, помимо Индии (это понятно), также и Италию!

Прежде чем попытаться разрешить эту загадку, обратим внимание на двусмысленность сочетания “слон, увиденный вне Индии или Италии, предвещает опасность”. Кто должен находиться за пределами названных стран: сновидец или же приснившийся слон? В книге Артемидора конструкция “ὄρῳμενος ἐν + dat.” может определять как место (время) действия сна, так и местонахождение спящего. Первый случай представлен, напр., в главе II, 26: “Навоз, увиденный на площади, и на агоре, и во всяком общественном месте, предостерегает от посещения соответствующих мест”; уснуть на рыночной площади затруднительно, так что речь явно идет об обстоятельствах сновидения. В качестве примера второго рода приведем отрывок II, 8: “Снег и лед, увиденные в подобающее время года, не означают ничего: душа даже в спящем теле помнит о холоде, испытанном днем”. Может быть, справиться с этой маленькой проблемой поможет следующее наблюдение. Сперва Артемидор заявляет, что слон опасен вне Индии и Италии, а потом, объясняя, где он безопасен, называет только Италию, Индию же опускает.

Если бы “в Индии в Италии” находился увиденный во сне слон, Артемидору было бы одинаково важно еще раз упомянуть обе страны. Если же там находится сновидец, то для практикующего толкователя имеет значение только Италия: ведь едва ли кому-нибудь из коллег Артемидора приходилось консультировать индийцев.

Почему слон безопасен не только в Индии, но и в Италии? Задавшись этим вопросом, издатель Артемидора Рудольф Герхер заключил, что оба упоминания Италии, возможно, являются простыми ошибками переписчика. Вместо ἔξω μὲν Ἰταλίας καὶ Ἰνδίας ὄρῳμενος Герхер предложил читать ἔξω μὲν Λιβύης καὶ Ἰνδίας (“вне Ливии⁶ и Индии”), а вместо ἐν Ἰταλίᾳ δὲ δεσπότην σημαίνει — ἐν Ἰνδίᾳ.⁷

Герхер, очевидно, рассуждал так: слоны привычны там, где они водятся. В Италии слонам взаться неоткуда, а в Африке, как и в Индии, их приручают и используют для военных и мирных нужд. Наоборот, в непривычной обстановке (“вне Индии и Ливии”) слон означает что-то невиданное, дикое и неконтролируемое. Что касается механизма искажения, то Герхер, как можно предполагать, считал его двухступенчатым. Сперва переписчик случайно написал ἐν Ἰταλίᾳ вместо похожего по начертанию ἐν Ἰνδίᾳ во втором случае. Затем испорченный текст попал в руки следующего писца, который заметил в нем несоответствие: получилось, что слон опасен “вне Индии и Ли-

Пирр. Конец IV — начало III в. до н. э.

вии”, а безопасен “в Италии”. Стремясь придать фразе логическую связность, этот переписчик (уже осознанно) поставил Италию вместо Ливии в первом случае.

Таким образом, поправка Герхера хорошо обоснована и остроумна: в комментариях И. А. Левинской к русскому переводу “Сонника” она названа “весьма правдоподобной”.⁸ Однако нельзя ли попробовать защитить Италию — упоминание которой засвидетельствовано не только всеми рукописями Артемидора, но и средневековым арабским переводом его трактата?⁹

Подобная попытка однажды уже предпринималась. Американский филолог Роджер Пэк, издавший Артемидора через сто лет после Герхера, сохраняет рукописное чтение и объясняет его так: говоря, что слон означает царя в *Италии*, Артемидор намекает на тот самый слоновник римских императоров под Ардеей, о котором мы уже упоминали.¹⁰ У этой гипотезы, однако, есть два минуса. Во-первых, слонов держали и при дворах других правителей (в первую очередь на ум приходят персидские и эллинистические монархи), так что ассоциация слона с царем не может считаться специфически римской. Во-вторых, толкование Пэка не дает объяснения словам $\mu\eta\ \eta\theta\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$: нужно искать именно такой народ, который сумел свыкнуться со слонами и научился избегать исходящих от них опасностей.

Так почему же Италия “приручила слона”? Как мы предполагаем, это представление могло быть внушено драматичной историей борьбы римлян с Пирром.

В 280 г. до н. э. царь Пирр с наемным войском пришел на помощь Таренту, греческой колонии на юге Италии, в войне против Рима. Именно тогда римляне первый раз столкнулись с боевыми слонами; так как сражения с Пирром проходили на территории области Лукания, этих диковинных животных прозвали “луканскими быками” (*boves Lucae*). Поначалу, деморализовав римское войско, слоны принесли Пирру успех, хоть и с огромными потерями (“Пиррову победу”). Римляне, однако, быстро преодолели испуг и весной 275 г. в битве при Беневенте разбили армию Пирра. По оценке Т. Моммзена, “исход сражения снова решили слоны, на этот раз в пользу римлян: эти животные были приведены в замешательство прикрывавшими лагерь стрелками и устремились на сопровождавшую их прислугу”.¹¹ Римляне даже захватили в плен четырех слонов, и консул Курий Дентат торжественно провел их по улицам Города в триумфальной процессии.

Война с Пирром многократно описывалась в латинской патриотической литературе: ведь благодаря ей Рим впервые вышел на мировую арену. При этом именно победа над *слонами* Пирра рассматривалась как важнейшее доказательство мужества римлян. Так, Плутарх в биографии Пирра (гл. 25) превращает удачную атаку на слонов при Беневенте в поворотный пункт всей римской истории: “Это не только принесло римлянам победу, но и решило спор о том, кому будет

Боевой слон со слоненком. Италия, III в. до н. э.

принадлежать верховное владычество над Италией. Доказав в этих битвах свою доблесть, они обрели уверенность в собственных силах и, прославив непобедимыми, вскоре захватили всю Италию, а через некоторое время и Сицилию”. Другой историк, Дион Кассий (IX, 40, 24), тоже приписывает особую важность тому, что римляне при Беневенте смогли побороть естественный страх перед слонами. Дион говорит об этом неожиданно подробно, с психологическими деталями: “Когда римляне, поначалу оказавшиеся бессильными перед слонами, поскольку никогда их не видели, осознали их смертную природу и то, что никакое животное не сильнее человека, но уступает ему если не мощью, то уж во всяком случае умом, они приободрились...” — далее римляне забрасывают слонов копьями и те начинают давить собственное войско. Наконец, Флор (I, 13), описывая три сражения римлян с Пирром, делает постепенное преодоление страха перед слонами главным мотивом своего рассказа. При Геракле слоны внушают панический ужас; при Аускулуме римскому легионеру удается отрубить хобот одного из животных и тем самым доказать, что они смертны, — хотя битва и проиграна, но “страх перед слонами стал меньше”; наконец, при Беневенте римляне уже храбро атакуют слонов, и это предрешает победу.

Тот же мотив побежденного страха отразился и в легенде о невозмутимом Фабриции; ее изложение у Плутарха (“Пирр”, гл. 20) знакомо гимназистам по учебнику “Пропилеи”. Когда Гай Фабриций явился к Пирру для переговоров, тот сперва пытался подкупить его, но безуспешно. Тогда Пирр выбрал другую тактику: на следующий день, “желая поразить римлянина, никогда не видевшего слона, он приказал поставить самое большое из этих животных позади послов, скрыв его занавесом.

По знаку царя занавес отдернули, слон неожиданно протянул хобот над головой Фабриция и оглушительно затрубил. Но тот, спокойно обернувшись, улыбнулся и сказал: «Право, сегодня вид этого чудовища смутил меня не больше, чем вчера — золото»».

То, что именно победа над слонами стала для римлян своего рода эмблемой всей войны, доказывают монеты и другие изображения, изготовленные в честь триумфа над Пирром; их описания и репродукции подобраны в книге Дж. М. Тойнби.¹² Так, на одной стороне медной пластины III в. до н. э. (*aes signatum* — аналог монеты) представлен индийский слон, а на другой — итальянская дикая свинья (см. выше с. 4): визг свиней пугал слонов, обращая их в бегство. На блюде из Капены в Лации, относящемся к тому же времени (см. с. 6), изображен боевой слон с башенкой, в которой сидит погонщик.

Итак, мы считаем, что упоминание Италии в главе Артемидора о слонах не нуждается в исправлениях. Определяя Италию, наряду с Индией, как страну, где усмирили слонов и научились их не бояться, Артемидор мог иметь в виду патриотическую традицию о войне с Пирром. Напоследок заметим, что элементы лести Риму встречаются у Артемидора не только в нашем отрывке.¹³ Так, в главке о полетах читаем (II, 68; пер. М. Л. Гаспарова): «Для рабов взлететь во сне в самое небо означает переход в лучшие дома, а то и к царскому двору; для свободных же, по моим наблюдениям, часто означает путешествовать в Италию, даже вопреки их желанию, ибо как небо есть обитель богов, так Италия — царей».

Руководитель доклада — В. В. Зельченко
Фото: В. Б. Жижина, выпуск 2002 г.

¹ Здесь и ниже все переводы, кроме оговоренных, выполнены нами.

² Во время обсуждения доклада на заседании кружка «Классика» семиклассник Никита Томленов объяснил истинную причину такого поведения слонов: боясь, что в темноте на них нападут хищники, слоны в ясные лунные ночи собираются там, где светлее, — а именно у больших водоемов, в которых отражается луна.

³ O. Keller. Die antike Tierwelt. Bd 1. Leipzig, 1909. S. 381.

⁴ См.: Г. Дельбрюк. История военного искусства. Т. 1: Античный мир. СПб., 1994. С. 395–396.

⁵ Thirteen Satires of Juvenal / With a comm. by J. E. B. Mayor. Vol. 2. London, 1900. P. 241.

⁶ Так греки называли всю известную им часть Африки.

⁷ Artemidori Daldiani Onirocriticon libri V / Ex rec. R. Hercheri. Lipsiae, 1864. P. 103, in app.

⁸ Артемидор. Сонник / Под общ. ред. Я. М. Боровского. СПб., 1999. С. 169. Прим. 28–29.

⁹ См.: E. Schmitt. Lexikalische Untersuchungen zur arabischen Übersetzung von Artemidors Traumbuch. Wiesbaden, 1970. S. 243.

¹⁰ Artemidori Daldiani Onirocriticon libri V / Rec. R. A. Pack. Lipsiae, 1963. P. 123, in app. («Fort. respicit imperatorum Romanorum elephantos olim Ardeae servatos: *Inv. Sat.* 12, 105–107»).

¹¹ Т. Моммзен. История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 328.

¹² Нам был доступен немецкий перевод: J. M. C. Toynbee. Tierwelt der Antike / Übers. von M.-R. Alföldi, D. Mißbeck. Mainz am Rhein, 1983. S. 26–27.

¹³ Артемидор всюду употребляет слово «Италия», а не «Рим» — имея в виду все великое государство, с которым никакое другое, в том числе и Греция, уже не могло соперничать.

Заседания кружка «Классика» в 2007–2008 учебном году

1. Рассказы гимназистов о летних поездках (Херсонес, Афины, Рим)
2. Дэвид Хантер (Оксфорд). Латынь и греческий в современной Англии
3. Торжественное заседание, посвященное 2050-летию Овидия:
 - Маша Якерсон (9 класс). О календарях и годовщинах, или Какого числа Овидию исполнилось 2050 лет?
 - В. В. Зельченко. Рай зверей у Овидия
 - Н. М. Ботвинник. Овидий в стихотворении Пушкина «К чему холодные сомненья?..»
 - Люба Лукина, Ксения Егорова, Алиса Кузнецова, Настя Маврина, Наташа Кузнецова (9 класс). Переводы элегий Овидия
4. Алиса Кузнецова (9 класс). Сон о слоне (Артемидор II, 12). Рук. В. В. Зельченко
5. Наташа Кузнецова (9 класс). Тот самый Сабазий. Рук. Е. В. Желтова
6. Денис Кирьянов (10 класс). Функции боевой колесницы у Гомера: такси или тачанка? Рук. Е. Л. Ермолаева

Два стихотворения

Перевод с английского Ильи Нахмансона, выпуск 1996 г.

Чистая совесть никогда не спит

Есть чувственный опыт, который многим из нас знаком,
 Он так же приятен, как в горле ком.
 И есть чувство, что вредно и жестоко,
 И от него нет толка.
 Из-за него сон теряют сони,
 Из-за него, как знать, в ночи кенар с соловьем не поют джаз в унисоне;
 Бедняк не чувствует голода;
 Вспотевшего гимнаста знобит от холода;
 Распутные юноши сознают: они на распутьях,
 И стойки говорят речи, но, по счастью, никто не понимает суть их.
 Стыд и совесть —
 Да, о вас моя печальная повесть.
 Лучше жилось бы в сто раз
 Мне без вас.
 Ведь совесть ужасней, чем проказа и чума,
 И я не знаю, как ее лечить, загадочную язвину ума.
 Ведь не все, что плавает в море, рыба, и не все, что летает в небе, птица:
 Нет такого греха, что всех бы заставил стыдиться.
 Так что в итоге выходит, что совесть наш пакостный мир не делает лучше, —
 Раскаянье травит души.
 Ведь совесть мучит тех, кто безвреден для других, в этом все проклятие!
 А знаками “Осторожно, яд!” нужно срочно отметить тех людей, кто не знает, где взять ее.
 Что, Нерон, христианку бросив львам, испытал стыд и, каюсь, всю жизнь не мог успокоиться?
 Да во всем Колизее одну лишь бедняжку и мучила совесть из-за того, что она раз задремала на службе
 через две недели после Троицы.
 Отчего лишь тот, кто совесть в себе сохранил, ею и мурьжим?
 И когда уже коммунисты разработают план, как отбирать раскаянье у честных и отдавать его бесстыжким?

Дело в шляпке

— Это что? Мешок?
 — Это шляпка, дружок!
 — Эта занавесь? Эта тряпка?
 Ты считаешь, это шляпка?
 Может, позвонить в лечебницу?
 Дорогая, это хлебница,
 Иль готический собор,
 Но не головной убор.
 Вещь в хозяйстве пригодится:
 Сделаем кормушку птицам,
 Или бредень для рыбалки,
 А то чехол к качалке?
 Я повержен в шок!
 Это точно не мешок?
 Чем-то шляпник был твой очень
 Озабочен.
 Был он грустен? Нездоров?
 Ел ли бешеных коров?
 Увидев страшный сон,
 Создал фасон?

Он остался без обеда?
 Слушал ночью храп соседа?
 Или это был злодей,
 Ненавидящий людей?
 Шляпку сделал темный гений
 Из гнусных побуждений?
 А вдруг это оплошность,
 А вовсе не нарочность?
 И вспомнив этот фетр,
 Страдает он как Вертр?
 А глядя на эгрет,
 Шепчет: “Что за бред!”
 Ненастья и несчастья
 Ждут тебя, безрукий мастер!
 Готовит черт арапник
 Для тебя, безумный шляпник!
 Надеюсь, ты женат, мой друг:
 Имеешь пятьдесят супруг.
 Ошляпь полсотни гурий —
 Узнаешь ярость фурий!

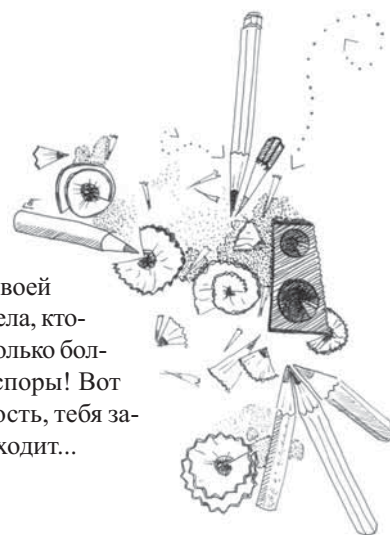
СКАЗКИ, рассказанные пятиклассниками

Ли́за Ша́трова

Из дневника точилки

17.02. Вы даже не представляете, как тяжело быть точилкой! Эти карандаши прямо в душу к тебе лезут! А потом, пока их точишь, они начинают рассказывать разные истории из своей жизни. Кто-то писал повесть, кто-то лежит без дела, кто-то... А вот во мне происходит самое ужасное. Столько болтовни от этой стружки! И все время какие-то споры! Вот слушаешь все это, а когда приходишь в негодность, тебя забрасывают куда-нибудь... Так вся жизнь и проходит...

И́лья Ры́женко

Служанка великой стихии

Жили в одном старом доме ребенок, его мать и мать его матери. У них было много того очень важного, на что мы внимания не обращаем. Это были спички.

Спички, как принято, живут в коробках. И там их обычно тридцать шесть штук. Спички думали, что их долг — гореть и приносить пользу и радость. Молодые спички мечтали зажечь свечи, начать пышный бал с девушками в кружевных платьях и их кавалерами в камзолах с золотыми пуговицами. Пожилые спички хотели поджечь камин, ведь тогда приходила бабушка и начинала читать сказки своему маленькому внуку. Она засыпала, и он тоже.

Спички и поленья всегда были в дружеских отношениях. Обитатели камина поведали им страшные вещи. “Есть самая великая стихия — огонь. Если огонь злится и дотрагивается до чего-либо, то все сгорает. Вы, спички — служанки великой стихии, а мы всего лишь те, на ком Он срывает свой пыл”.

Спички дня два шуршали в коробке об этом разговоре. До этого никто не знал, что огонь — очень опасная стихия. Они общались с ним как с малой безобидной зверушкой. Как они ошибались!

И вот накануне сочельника, когда взрослые всегда чем-то заняты, мальш, который ничего не знал о великой стихии, решил поиграть со спичками. Он взял коробок, а в нем уже радовались спички:

— Ура! Я зажгу камин, и бабушка опять продолжит читать сказку!

— Нет! Я зажгу свечи и начну бал! — кричали спички наперебой.

Но когда они увидели, что это мальчик достает спичку, им стало понятно, что мальчик не знает всей мощи великой стихии и что может произойти.

Та несчастная спичка, которую он взял, умоляла его: “Не делай этого! Злой огонь разрушит дом!” И вдруг она поняла, что ее не слышат и что все, о чем она грезила, не сбудется.

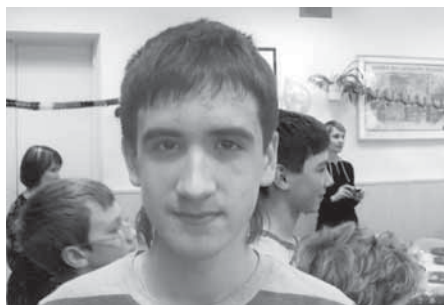
Не будет она зажигать первую свечу главного бала-маскарада в году, хотя он скоро начнется.

Спичка знала, что от ее правильного решения зависит судьба ее сестер и хозяев... Мальчик чиркнул по боку коробки спичкой, и... она сломалась... Обиженный мальчик бросил коробку на каминную полку и убежал.

“Все хорошо”, — подумала спичка, падая в камин.

Саша Княгинин

Сказка о фигурке мыши, стоявшей на телевизоре

“Я фигурка мыши и состою из чистой меди! Хотя бронзово-оловянная собачка на соседнем столе утверждает, что я из сплава. Но мне лучше знать! Ведь я приехала сюда с Востока, из Китая. Меня поставили на самое почетное место, на телевизор. Каждый день вся семья садится на бархатный диван и любуется мной. Я такая красивая! Но злоязычная бронзово-оловянная собачка говорит всем вещам, что люди не рассматривают меня, а глядят в телевизор. Надеюсь,

никто не верит этой глупости. Телевизор — только подставка! Мне же все завидуют. Я гораздо красивее и лучше бегающих в старом подвале мышей. Они грязные и вонючие.

Но что это?! О нет! Вокруг меня новые фигурки животных! Как они хвастаются, как они хвастаются! Ха! Да они все из сплава! Вон идет хозяйка с фигуркой китайского божка в руках. Видно, хозяин снова из Китая приехал. Много таких божков я повидала на родине. Стоп! Что она делает?! Не надо!”

Женщина взяла фигурку мыши, перенесла ее на стол рядом с бронзово-оловянной собачкой и поставила на ее место статуэтку божка. Фигурка мыши грустно посмотрела на мужчину, ребенка и женщину на диване и изумилась: “Но они глядят не на хвастливые фигурки, а в телевизор! Значит, они и раньше смотрели не на меня...” Фигурка опустила глаза на себя и удивленно пробормотала: “А я и правда из сплава. Собачка была права во всем. Когда-нибудь тот индийский слон-франт окажется на моем месте и поймет, что я думала тут”.

— Вот-вот, — сказала собачка, — теперь, ты, надеюсь, все поняла.

— Да-а... Давай смотреть телевизор. Тут удобнее.

— Конечно, согласна! Там комедия идет!

Аня Лыхмус

Собачий поводок

Привет! Меня зовут Поводок. Живу в самом обычном доме, с самой обычной собакой, с самыми обычными людьми.

Три раза в день меня прицепляют к моему хорошему другу — ошейнику, который в свою очередь прицеплен к собаке. После этого хозяйка, я, ошейник и собака выходим на улицу. Тут начинается самое неприятное: любопытная собака натягивает меня так, что я скоро разорвусь. Хозяйка кричит: “Пойс, рядом!” Я тоже пытаюсь сказать: “Пойс, рядом!”, но я не умею говорить. После прогулки мы идем домой, и меня кладут на комод. Мне нравится лежать на комоду и видеть все, что творится в квартире.

Так продолжалось десять месяцев. Но в один прекрасный день собаку засунули в клетку, а меня вслед за ней! В клетке было очень темно. Нас два часа везли где-то, а потом куда-то понесли. Куда? Я услышал слово “выставка”. Знаю-знаю... Там всякие медальки зарабатывают. Нас поставили.

И вдруг я услышал какой-то шорох, обернулся и увидел шнурок. Я спросил:

— Как тебя зовут?

Шнурок ответил:

— Ринговка.

Я снова спросил:

— А ты для чего?

На что ринговка возмущенно ответила:

— Я помогаю выставлять собак! Я не прячу их красоту, как вы, неуклюжие поводки! А мы такие стройненькие!

Тут ее вытащили из коробки, а я лежал и обиженно думал, думал... и заснул. Проснулся я на своем комоду. Через месяц мы опять поехали на выставку, но я больше не завожу разговоров с ринговками: уж очень они о себе воображают!

Аня Калинина

Черный атласный плащ

В зале одного замка жил атласный плащ, сам весь черный, а подкладка красная. Все люди, которые посещали замок, первым делом обращали внимание на него. “Ах, какой прекрасный черный атласный плащ!” — говорили они восхищенно, прибавляя что-то про редкость черного атласа. Он был очень горд собой!

Про себя плащ говорил: “Я самый аристократичный, самый великий!” Но он гордился не только этим. В него облачалось огромное количество важных персон. Например, леди Элеонор, которая сбежала из-под венца в этом плаще, или сэр Джейкоб, который помешался и с тех пор затаился в замке: пугал посетителей, размахивая руками, будто они облачены в плащ. Впрочем, это мог быть его призрак...

Но однажды случилось то, что навсегда изменило плащ.

Дело было вечером. По кровле замка барабанил ливень, и раздавались раскаты грома. С восточной башни по винтовой лестнице спустилась молодая леди в длинном черном платье. Проходя через зал, в котором висел

плащ, она накинула его. Плащ подумал: “Наверное, эта леди уличила своего мужа в измене и хочет отомстить ему. На меньшее я не согласен!” Выйдя на крыльцо вместе с леди, плащ увидел роскошную карету с тройкой вороных скакунов, кучером и двумя лакеями. Все они почтительно поздоровались с леди по-французски. Плащ заявил про себя: “Если бы она не была одета в меня, то эти служаки не были бы так почтительны”. Пока леди шла к карете, дождь залил весь плащ. “Какое неуважение ко мне!” — негодовал он. Леди села в карету, и кони понесли ее по дороге к особняку молодой вдовы пэра. Плащ был безумно удивлен, потому что мыслил себе сцену ревности по крайней мере во дворце. Карета остановилась именно у особняка. Леди сквозь ливень быстро прошла через палисадник к роскошному жилищу. У порога ее встретила вдова: “Наконец-то ты пришла, Жаклин!” — воскликнула она. “Да, Колин, я опоздала, но очень торопилась”, — был ответ леди. “А где плащ?” — спросила Колин. “На мне”, — ответила Жаклин. “Ты издеваешься надо мной? Это же ведь обычная красная атласная тряпка, а не старинный черный плащ!” — заявила вдова. “Я же тебе говорила, что мой двоюродный прадед Джейкоб просто испортил прекрасный плащ чернилами! Ты проиграла пари!” — парировала леди.

Так в чем же было дело? Под дождем плащ намок, и черная краска начала литься с него. А может, плащ негодовал, потому что леди приехала в нем, только чтобы поболтать с сестрой? Так или иначе, он увидел себя в зеркале, причем не черным, а красным. “Медики правы: волнение вредит любому организму”, — решил он. Если говорить честно, то его самолюбие было изрядно подпорчено. Ведь он оказался обычной красной атласной тряпкой, которая не выдержала первого дождя.

Кирилл Карташов

Такие разные судьбы

В обувной мастерской, на полке, стояли два ботинка и разговаривали. Прислушаемся к их разговору.

Один, который был старше другого, рассказывал свою историю младшему собрату:

— Я уже не молод и много повидал на своем веку, поэтому не первый раз здесь. А были времена, когда я был совсем юн. Меня в паре с братом-близнецом купили в магазине и принесли в квартиру. Открыли коробку, примерили еще раз и положили обратно. Мой двойник на другую ногу совершенно замучил меня вопросом “Почему?”, но я-то сразу понял, что мы станем парадными ботинками! Это же огромная честь!

И вот наконец настал день, когда меня и моего брата вытащил из коробки и надел наш хозяин, чтобы идти на праздник. Нас смазали гуталином для большего блеска, и мы в первый раз пошли по улице. Мне было очень приятно. Когда мы возвратились, хозяин протер нас влажной тряпкой, и мы снова стали чистыми, а затем положил в коробку. После этого нас еще много раз доставали из нее (ведь праздников у людей много!), и мы верно служили своему хозяину как парадные ботинки.

Но время шло, я старел, блестел уже меньше, подошва моя стала отрываться, и мой партнер старел вместе со мной. Нас уже не надевали по праздникам, но все равно ухаживали за нами. Теперь мы предназначаемся для повседневных прогулок, и после очередного дождя мы оказались здесь. Нас немного подремонтируют, и мы снова будем служить нашему хозяину.

Но что же скажет молодой ботинок, который впервые оказался в мастерской?

— Какая завидная у вас судьба! Меня только вчера купили, даже без коробки, и в этот же вечер я попал на футбол. Моя подошва тут же отошла, шнурки развязались, и после очередного удара по мячу я оказался на дереве. Оттуда меня сбили камнями, и я упал в озеро. Меня выловили спиннингом, и хозяин догадался сдать меня сюда. Что же со мной будет дальше?

Вот такие истории можно услышать в обычной обувной мастерской. А какие истории расскажут ваши ботинки?

Влада Чернышева

История одного гвоздя

В старом доме жил-был гвоздь. Он был очень длинный. И была у него нелегкая работа — держать две тяжелые балки. Конечно, ему помогали и другие гвозди, но все они были короче и тоньше него.

“Я уже совсем не такой, как прежде, покрылся ржавчиной и прогнулся. За что мне такой тяжелый труд?” — спрашивал гвоздь. “Мы ведь тебе помогаем и тоже стали кривыми и ржавыми”, — отвечали ему гвозди-соседи. Однако они не понимали, как страдает длинное тело старого гвоздя.

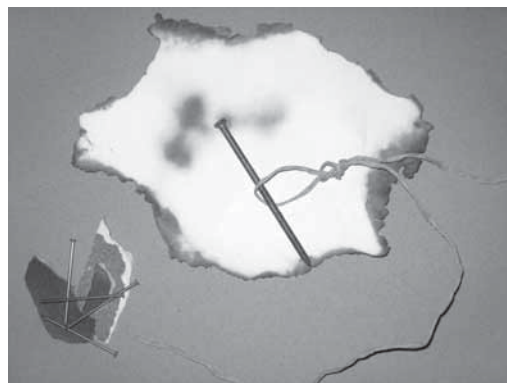
Шло время. Дому требовался ремонт, и решили старые балки заменить на новые. Наш гвоздь был выкинут с балкой во двор. Он лежал в открытой поленнице и очень мерз. “Почему мне так холодно и что меня ждет дальше?” — думал гвоздь.

Но вот дошла очередь до его балки, и он оказался в печи. “Как стало тепло. Наверное, меня решили погреть”, — сказал гвоздь. “Ой, ой!” — кричали маленькие гвоздики.

Вдруг все деревянные оковы свалились с гвоздя. Слезла ржавчина, и он даже выпрямился. Стал как молодой. Короткие и тонкие гвозди совсем расплавились. А наш гвоздь достали вместе с золой и стерли с него сажу. Хозяин вспомнил его и очень обрадовался. Гвоздь напомнил ему молодость: время, когда только-только началось строительство дома. Хозяин отнес гвоздь в дом и положил его на полку.

“Теперь я просто буду лежать, отдыхать и ничего не делать. А на меня будут смотреть и вспоминать былые времена. Мне так давно хотелось просто жить в тепле и быть маленькой вещью этого большого дома”, — размышлял гвоздь.

Все мечты нашего героя сбылись, и он много-много лет провел на полке и был свидетелем разных историй.

Коллажи Ильи Рыженко, 5 класс

Рисунки Кати Никифоровой, 7 класс

Фото: В. М. Ярош и В. Б. Жижина, выпуск 2002 г.

Памяти Натальи Марковны Ботвинник

Л. Я. Лурье:

Марк Наумович Ботвинник был учеником моего деда, Соломона Яковлевича Лурье, и ближайшим другом отца — Якова Соломоновича. Семья Ботвинников моей семье — родная, Наташа и ее сестра-близнец Ноэми приходились мне кем-то вроде кузин. Это были старшие девочки, которых я видел на всех семейных торжествах, заходил к ним запросто в гости — вначале на Стремянную, а потом на Рубинштейна. Наташин сын Рома — закадычный приятель моего сына Дани. Писать некролог родственнику — трудно; Наташа была мне привычной и близкой, существовала в моей жизни, сколько я себя помню.

Я бы выделил две черты, особенно, как мне кажется, отличавшие Наталью Марковну: витальность и отзывчивость — общественную и личную.

Потрясающий рассказчик, она знала невероятное количество историй про близких и дальних; ее устные характеристики, иногда сатирические и злоречивые, а иногда (прежде всего когда рассказ касался детей) трогательно-комические, представляли собой эпическую картину современности. Картину всегда персонафицированную, населенную множеством главных и эпизодических героев. Ее искусство комического строилось на отстранении любой пошлости — от претензии на интеллигентность до начальственного пустословия. О родном филологическом факультете она слагала бесконечную уморительную сагу. Ее можно было слушать часами, задыхаясь от смеха. За огромным обеденным столом в семейном доме Ботвинников всегда концентрировались восторженные слушатели этих *table-talks*. И, собственно, юмор Натальи Марковны, профессионально занимавшейся Пушкиным, был близок временам русского Просвещения — дневнику и письмам Александра Сергеевича, записным книжкам Вяземского.

Наташа родилась и выросла в семье бывшего политического заключенного, большинство ее друзей отличались осознанными антидеспотическими убеждениями. Многие — сидели, почти все испытывали те или иные неприятности от советской власти. В этой среде было принято писать письма и отправлять посылки в лагеря и ссылку, давать приют преследуемым, кормить голодных и утешать потерпевших. Семья Ботвинников всегда была ячейкой сопротивления. Наталья Марковна по убеждению и воспитанию — стойкий и непреклонный борец. И главным ее мастерством было, выражаясь нынешним языком, поддерживать независимые социальные сети.

Дом Ботвинников служил независимой юридической консультацией, приютом, питательным пунктом, биржей труда, подпольным университетом — это была не квартира, а институция. Наташа вместе с отцом, матерью — Ириной Павловной Суздальской, мужем — Евгением Грузовым образовывала существовавшую не на гранты, а на скромные интеллигентские зарплаты негосударственную общественную организацию, которая пережила времена Брежнева и Андропова.

Падение ненавистного режима повергло многих борцов в растерянность: прежний враг исчез, новый мир менялся очень быстро. У Наташи один за другим ушли из жизни сестра, отец и мать. Но институция “дом Ботвинников” продолжал существовать. Наташа пристраивала, обогревала, окормляла и старых, и новых друзей. Все также за столом собирались восторженные слушатели, люди, нуждавшиеся в помощи, дружеской поддержке, умном совете. Свет, шедший от Натальи Марковны, освещал многих. Мне особенно приятно, что последние годы ее жизни были связаны с нашей гимназией. И учителя, и ученики никогда не забудут этого яркого, веселого, бодрого человека.

А. В. Гладкий:

С семьей Ботвинников я познакомился в 1980–1981 гг. — сначала с Ноэми Марковной, потом с Натальей Марковной и их родителями, Марком Наумовичем Ботвинником и Ириной Павловной Суздальской. Это была семья со старыми петербургскими корнями, сохранявшая традиции русской интеллигенции: Марк Наумович был историком древнего мира, Ирина Пав-

ловна — биологом. Дочери пошли по стопам родителей: Ноэми стала биологом, Наташа филологом-классиком. Окончив университет, Наталья Марковна осталась на кафедре и проработала там почти сорок два года, до последних дней жизни.

Ноэми и Наташа были близнецы, в детстве и юности их подчас путали собственные родители. Схожи они были и характерами: обе были очень жизнерадостны, темпераментны, остроумны, обе были очень интересными собеседницами, и обе были необыкновенно деятельны и энергичны, несмотря на слабое здоровье (с детства они страдали тяжелой астмой). Об их детских проделках ходили легенды. Ирина Павловна рассказывала, что когда девочки в пятом классе перешли в новую школу, она спросила у классной руководительницы, как ведут себя ее дети, и та ответила: “Ноэми и Наташа ведут себя хорошо, а Нелли — ужасно”.

С обеими сестрами я подружился, а с Наташей вскоре появились общие научные интересы. На кафедре классической филологии Ленинградского университета одним из главных научных направлений с давних пор было изучение связей между античностью и русской культурой; этим занималась и Наталья Марковна, и особенно ее интересовало влияние античной поэзии на творчество Пушкина. А я пытался понять, какую роль играет у Пушкина “переплетение слов” (гипербат) — особенность синтаксиса, возникшая под явным влиянием латинской поэзии. Я математик и лингвист, но не литературовед; поэтому сотрудничество с Натальей Марковной было для меня исключительно удачной находкой — тем более что о “переплетении слов” она уже знала от своего учителя Я. М. Боровского: он был первым, кто обратил внимание на самый яркий пример “переплетения” в “Евгении Онегине”.

Как могли учителя поверить в существование ужасной Нелли, осталось для Ирины Павловны загадкой.

Жизнерадостность и энергия не изменили сестрам даже в годы тяжелой и неизлечимой болезни, которые пришлось пережить обеим. Первый удар судьба нанесла Ноэми Марковне: в 1989 г. она заболела раком и в конце 1993 г. скончалась. Болела тяжело, перенесла несколько операций. Последний раз я ее видел меньше чем за полгода до смерти; она уже не вставала с постели, хорошо понимала, что умирает (мне врезался в память обрывок фразы: “Я как человек умирающий...”), но по-прежнему помогала советами друзьям и отдавала распоряжения по хозяйству. А десять лет спустя той же болезнью заболела Наталья Марковна.

Совместную работу мы начали с выявления всех “переплетений” в “Онегине”, посылая друг другу по почте или с оказией карточки с выписками (персональных компьютеров и электронной почты тогда не было). Работа затянулась на целых двадцать пять лет: в простой публикации собранного материала, хотя он и сам по себе был интересен, мы не видели большого смысла, а как этот материал обобщить и найти пути продолжения работы, долго было неясно. Потом появилась еще одна область общих интересов — школа.

В 1989 г. благодаря усилиям в том числе и сотрудников кафедры классической филологии в Ленинграде возникла уникальная средняя школа — классическая гимназия. Наталья Марковна с самого начала принима-

ла в ее делах живейшее участие, а с 1995 г. начала там преподавать и стала заместителем директора по научной работе. Незадолго до того я тоже начал преподавать в школе, и опыт петербургской гимназии, где основательное изучение древних языков сочетается со столь же основательным изучением математики, был мне очень интересен. Еще в 1993 г. Наталья Марковна познакомила меня с несколькими учителями гимназии, а потом я два раза побывал на ее уроках латинского языка, совершенно великолепных (хотя это были не “ударные”, а обычные, рядовые уроки) и на уроках математики у А. Ю. Алексеева, которые мне тоже очень понравились. При всех встречах мы с Наташей обменивались школьными впечатлениями и много разговаривали о школьных проблемах. К двухтысячному году нам, наконец, стало ясно, как продолжить работу о “переплетении слов”; возник план, требовавший расширения материала: кроме “Евгения Онегина”, нужно было исследовать некоторый, хотя бы небольшой, корпус латинских стихов (мы взяли несколько од и “Юбилейный гимн” Горация). Работа сдвинулась с мертвой точки, но скоро прервалась снова: тяжело заболела моя жена, и через два года ее не стало. Только в начале 2004 г. дошли руки до продолжения совместной работы, но Наташа была тогда на больничном, почти все время лежала, и мы смогли только обсудить в общих чертах дальнейшие планы. Вскоре, однако, она встала, вышла на работу и до самых последних дней не бросала ни кафедру, ни гимназию. Продолжалась и наша совместная работа; материалами мы обменивались по электронной и обычной почте. (Возникшие при этом технические трудности удалось преодолеть только благодаря помощи Евгения Николаевича, мужа Наташи.)

Потом я еще четыре раза приезжал на зимние каникулы в Петербург и часто звонил Наташе из Москвы. В каждый приезд я много с ней общался, и меня поражала ее стойкость. Ей сделали несколько операций, каждую неделю приходилось ездить в онкологический центр на очень тяжелую “химию”. Она знала, что ее болезнь неизлечима. Но при всем том Наташа тянула всю привычную работу с прежней энергией и добросовестностью, и обычная жизнерадостность ее не оставляла. На кафедре у нее была полная учебная нагрузка, а сверх того и в университете, и в гимназии хватало разнообразных дел и поручений (одно из них мне запомнилось: доклад на заседании школьного научного кружка, посвященном юбилею Овидия). И это далеко не все. Например, только благодаря усилиям Натальи Марковны в эти годы были впервые изданы в России две замечательные книги историка Я. С. Лурье, друга семьи Ботвинников, опубликованные в советское время под псевдонимами за границей. Фактически это книги о судьбе русской интеллигенции в самую тяжелую для нее эпоху — предреволюционные годы и первые десятилетия после революции. В них расска-

зана правда, противоречащая всем расхожим штампам, и потому после крушения советской системы они оказались, как теперь говорят, “невостребованными”.

В июне 2007 г. мы поставили последнюю точку в статье о “переплетении слов”, обмениваясь необходимыми для завершения материалами по телефону (до выхода статьи Наташа, увы, не дожила). Последний раз я видел Наташу Ботвинник в феврале нынешнего года. Приехав на очередные каникулы в Петербург, я несколько раз к ней приходил. Как и прежде, за столом собирались хорошие люди; как и прежде, говорили обо всем, что волнует людей нашего круга, о последних событиях в мире, в стране, в Петербурге и в гимназии, вспоминали прошлое. Наташа была так же жизнерадостна и остроумна, как всегда, и успевала хлопотать по хозяйству. Но часто она бывала занята: то придет дипломница, то учителя, которым нужно было срочно обсудить возникшие в школе организационные проблемы, то еще кто-то из коллег по неотложному делу. Три или четыре раза за эти неполных две недели Наташе пришлось побывать в онкологическом центре для обследования, и на вопрос о результатах она ответила коротко: “Ничего хорошего”.

Пятого мая я позвонил Наташе, чтобы поблагодарить за только что полученный от нее последний выпуск гимназического журнала “Абарис”, в котором был напечатан отрывок из ее перевода византийской повести об Александре Македонском. Разговор получился долгий, Наташа подробно рассказала, в обычном своем оживленном тоне, как она над этим переводом работала. И только когда я стал ее уговаривать опубликовать перевод полностью (и сразу об этом пожалел), с горечью в голосе сказала: “Я ведь неизлечимо больна, Алексей Всеволодович”.

Эти горькие слова, произнесенные за десять дней до смерти, до сих пор звучат у меня в ушах; но я не сомневаюсь, что кто-нибудь из учеников Натальи Марковны возьмет на себя труд подготовки перевода к публикации. Издание его важно не только как дань памяти Натальи Марковны, а почему еще — не мне это объяснять филологам.

Невыразимо горько, что нет больше среди нас светлого человека — Натальи Марковны Ботвинник. Утешает одно: ее влияние на учеников, на коллег и вообще на всех вокруг нее было огромно, и это усиливает надежду, что не оборвется ниточка культуры, которая у нас на глазах становится все тоньше.

*Фото: Иван Харитонов, 11 класс
и В. Б. Жижина, выпуск 2002 г.*

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕТЕРБУРГЕ

39. IOSEPHO KOENIG / SCHOLARUM AD SANCTAE ANNAE RECTORI / COLLEGAE DISCIPULI AMICI / PIETATIS ERGO. 1845–1910 (“Йозефу Кенигу, ректору училища при [церкви] Св. Анны, благоговейно коллеги, ученики, друзья. 1845–1910”).¹

Латинская эпитафия замечательного педагога Иосифа Иосифовича Кенига сохранилась на его надгробии на Смоленском лютеранском кладбище. Он родился 14 декабря 1845 г. в австрийском селеении Шварцвассер. Окончив в 1863 г. гимназию, юноша стал студентом Венского университета, где изучал классическую филологию и юриспруденцию. До приезда в российскую столицу он руководил образованием детей графа Штакельберга, русского посла во Франции, а после его смер-

ти переехал в Петербург. В 1873 г. Кениг получил в университете Дерпта диплом учителя древних языков, а уже через год молодого преподавателя пригласили в петербургское училище Святой Анны (Annenschule) вести занятия по латыни и философской пропедевтике.

Об этих уроках с благодарностью вспоминает выдающийся филолог-классик, выпускник, а одно время и преподаватель Annenschule Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944): “Собственно в школе мое положение после вторичного поступления к Майеру заметно улучшилось, и в наступающем 1874 г. там случилось нечто, что имело решающее значение для моей последующей жизни. Учитель, который до сих пор кое-как учил нас латыни, был назначен инспектором в русскую гимназию, и его часы были отданы молодому австрийцу, только что прибывшему в Петербург, ученику Хартеля и Фалена — Иосифу Кенигу. Вместе с прочим наследством своего предшественника он получил также и наши первые латинские статьи — о *Pompeiana* Цицерона — в качестве каникулярного чтения. На одном из первых уроков после нового года они были подвергнуты новым учителем критике и розданы ученикам. Я был немало удивлен, когда на первом месте было названо мое имя. И неудивительно, что с тех пор латинский язык сделался моим любимым предметом. Во втором полугодии читали Саллюстия; я до сих пор вижу перед собой чистые тетрадки, разлинованные на четыре части и приготовленные для чтения: две средних колонки для перевода, левая крайняя для моих заметок, крайняя справа для комментариев Кенига. Наконец-то я встретил учителя, который был мне необходим: хороший знаток, притом энциклопедически образованный, элегантно проводивший занятия, живой, интересный; и самое главное, что все его существо излучало учительскую радость” (*Mein Lebenslauf*, гл. 6; пер. с нем. А. И. Рубана).²

В 1884 г. Кениг был единогласно избран ректором Annenschule, которая в то время носила официальное название “Училище Святой Анны в составе мужской и женской гимназий, реального отделения, мужской и женской элементарных школ”. Эта одна из старейших (основана в 1736 г.) и знаменитых школ Петербурга, чьи традиции сегодня с успехом продолжает 239-й физико-математический лицей, достигла при новом руководителе подлинного расцвета. Сформулированный им самим принцип гласил: “В постоянном контакте с родительским домом, предпочитая воспитание образованию, не допуская рутины и не гоняясь за модой, следовать прогрессу педагогической науки”. За время 26-летнего заведования Кенига в школе значительно увеличилось количество учеников, а ее помещения расширились. Так, в 1889 г. ректор инициировал строительство гимнастического зала (арх. В. А. Шретер), который получил золотую медаль на Всероссийской гигиенической выставке 1893 г. и долгое время оставался лучшим спортивным залом Петербурга. Преемники Кенига относили к нему слова Светония об Августе: “Он получил Рим кирпичным, а оставил его каменным”.

Ира Козлова, 7 класс
Фото: О. В. Бударagina

¹ За указание на эту надпись редакция благодарит Е. А. Поликарпова.

² Полный перевод автобиографии Ф. Ф. Зелинского готовится к публикации в четвертом выпуске петербургского альманаха “Древний мир и мы”. — *Ред.*

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР

“Несоветская драматургия. Юрий Олеша”

В мае этого года гимназический театр показал очередную премьеру. Беспрецедентное трехчасовое действо (семьдесят участников — от пятиклассников до учителей!) по воле режиссеров оборачивалось то средневековой мистерией, то массовым советским праздником тридцатых годов, то мизансценой мейерхольдовского “Ревизора”, то Дантовым адом, то общежитием и бараком, то ареной цирка, а то выцветшей групповой фотографией или футбольным матчем. В оригинальном сценарии образ “несоветского писателя” Олеша (название спектакля отсылает к знаменитой работе театра “Советская драматургия. Выпуск 1” 2002 г. и кроме того, по-видимому, полемизирует с известной книгой Аркадия Белинкова) складывался из его романов и рассказов, пьес, гимназических стихов, записных книжек, черновиков, а также из документов эпохи — вроде стенограмм репетиций Мейерхольда или протоколов допросов НКВД. Мы публикуем впечатления зрителей и актеров, собранные после спектакля, и текст его программки.

Н. В. Савельева (Пушкинский дом),

А. А. Савельев (научная библиотека СПбГУ):

— Кого из нас, даже учившихся в очень хороших школах у прекрасных учителей-словесников, при воспоминании о школьном театре не охватывает ощущение той томительной скуки и страшной неловкости, сопровождающей все эти самостоятельные театральные действия? Кому не пришлось зазубривать и произносить, стоя посреди огромного актового зала, может быть, и прекрасные классические тексты — или наоборот, терпеливо выслушивать произносимое, исполняя роль внимательного, но скучающего зрителя? К счастью, ничего этого нет и не было в гимназической театральной студии. Это театр, безо всяких скидок на время и место, театр самобытный и действительно профессиональный. Юрий Олеша в школьном театре? Возможно ли это, учитывая, что участники спектакля в основной своей массе кроме “Трех толстяков” ничего прежде об Олеше не знали, а эпоха, которая предстает перед читателем-зрителем, отделена от актеров глубокой хронологической пропастью? Казалось бы, невозможно. И все же столь сме-

лый замысел режиссеров осуществился, и осуществился замечательно.

Главная причина успеха — виртуозно сотканный монтаж разносюжетных и разножанровых произведений Олеша, панорамно представляющих всю жизнь автора от наивных детских восприятий бытия до трагических размышлений пожилого человека. Этот монтаж был бы нарочитым и многошумным без тщательно продуманной организации сценического пространства. Все действие происходит на постоянно меняющемся (совершенно неуловимыми движениями) фоне: это и буфет в советском учреждении, и футбольное поле, арена цирка и квартира совслужащего, бульвар провинциального городка, средневековый замок и мрачная комната в коммунальной квартире. Все это многомерное пространство заполнено таинственными, живущими своей жизнью предметами, по ходу действия обретающими все новый и новый смысл (огромная кисть руки — юбка — воротник средневекового комедианта — челюсть...). Достоверность картины дополняет аутентичный действию звук: шипящий патефон,

буколическая флейта, звонкий пионерский горн, трагическая виолончель, божественная мелодия языка Данте. В этот калейдоскоп красок, звуков и предметов актеры вписываются как оживший реквизит, представляя живые картины, меняющиеся по взмаху невидимой палочки дирижера-постановщика. В этом калейдоскопе нашлось место каждому участнику действия. Распределение ролей произведено настолько удачно, что каждый из семидесяти актеров, детей и взрослых, играет в свою, равную ему игру. В нее органично вписываются и пятиклассники, которые ловко гоняют мяч, запускают воздушного змея, прыгают и кувыркаются на арене цирка и с неподдельной искренностью изображают героев «Трех толстяков»; и гимназисты постарше, бойко перечисляющие моральные качества комсомольца и проникновенно рассуждающие о любви. И если даже многие из юных участников спектакля, возможно, не понимают пока ни глубокого напряжения мысли автора, ни трагического тона эпохи, эмоционально они абсолютно верно выдерживают общую тональность постановки и наравне со взрослыми актерами поражают порой истинным сценическим мастерством. И пусть дети задают вопросы! И пусть то, что сейчас кажется непонятным, когда-нибудь вспомнится и обретет новый смысл! Спасибо всем!

Б. А. Рогинский, учитель словесности, участник спектакля:

— Олеша творил не в лихорадке. Если писал пьесу, значит, она была сценична. Если рассказ — он не был сценичен.

Поэтому в спектакле все, что взято из драматургии — получилось, из эпического жанра — не очень.

Огромное количество бутафории расхолаживало. И если бы не великолепные актеры, спектакль мог выйти скучноватым.

Хорошие актеры в этом спектакле делятся на две группы: те, кто берут фактурой, и те, кто берут актерством, перевоплощением.

Фактура несомненна у Антона Борисова, Глеба Борисова, Андрея Гнедова, Оли Матушкиной. Лицедействовали по-настоящему Анатолий Ульянов, на котором держался спектакль, Наташа Кузнецова-младшая (лучшая роль в спектакле), Даша Буреева, Алеша Семин.

А. А. Гнедов, учитель математики, участник спектакля:

— Это ощущение совместного творчества, когда схематично задуманный сценический образ обретает реальные черты, трудно с чем-то сравнить. Это просто счастье. И отдельные номера-миниатюры, из которых состоял наш спектакль, давали возможность полноценного самовыражения каждому участнику: нужно было найти правильную линию поведения, правильно прочувствовать каждого персонажа — и своего, и окружающих. Играть на сцене перед зрителями — самая захватывающая часть всей работы. А когда в начале второго действия закончилось мое участие в спектакле как актера и я вышел в зрительный зал, то спектакль меня по-настоящему захватил. Играли просто замечательно, а многоплановая постановка, когда одновременно на сцене происходит несколько разных действий из разных пьес — это очень здорово. И мастерская игра исполнителя роли Олеша (и еще нескольких второстепенных ролей) Анатолия Владимировича Ульянова просто поражает. Даже трудно сказать, что мне самому понравилось больше — играть или смотреть. Я хочу поблагодарить наших режиссеров — Елену Васильевну и Елену Николаевну — за великолепный спектакль. Жаль, что он был показан всего два раза и больше никогда не повторится.

И. М. Амитина, учитель математики:

— Этот театр — противостояние времени, когда четырнадцатилетний мальчишка убежден, что “Зенит” купил победу над “Баварией”. Дети, играющие в спектакле, приобретают немодный ныне опыт памяти, совести и сопереживания.

Глеб Шмидт (10 класс), участник спектакля:

— Помню, как после премьеры у меня была эйфория. Хотелось, чтобы все вокруг меня тоже радовались и восхищались спектаклем. И все восхищались. Бессловесно. Лицами, улыбками, глазами. Говорить было трудно. Сложно было облечь в слова столько эмоций и чувств. Но это было только первое ощущение.

Роман “Зависть” я прочитал только после спектакля. И вот тогда-то я понял, насколько точно, как мне показалось, но вместе с тем самобытно передано настроение автора, с каким талантом и умением этот спектакль построен. Я безмерно горд тем, что и мне удалось внести в его создание свою лепту.

Л. П. Мозговой, заслуженный артист России:

— Спектакль понравился энтузиазмом его создателей. Может быть, можно было чем-то пожертвовать в этой сложной мозаичной постановке, где не все понятно без либретто, изложенного в программке. Но как постижение основ театрального искусства и приобщение детей к миру театра — замечательно.

Наталья Кузнецова (9 класс), участница спектакля:

— В театре я играла в первый раз. Пришла я туда потому, что, во-первых, меня очень интересует возможность по тексту реконструировать живого человека, его интонации, жесты; а во-вторых, в прошлом году мне понравился спектакль “Словарь Даля”. В театре меня встретили дружелюбно, даже дали роль в первой же сцене, что было несколько рискованно — первая сцена должна как-то расшевелить зрителя, а это не очень просто. Елене Васильевне пришлось меня отдельно “натаскивать”: по средам мы вдвоем читали пьесу Олеси “Черный человек”. По ощущениям — моим, во всяком случае, — результат себя оправдал: у меня даже голос на сцене в какой-то момент прорезался, а сначала я говорила очень тихо.

На репетициях царил атмосфера поиска. Каждая сцена могла кардинально измениться буквально за одну репетицию, причем актеры в этом процессе участвовали отнюдь не

пассивно. Уже перед самым спектаклем, например, Олеша попросил футболистов наскакивать на него и хлопать по плечу, когда он забьет гол. На премьере нас, похоже, преследовал какой-то домовой: предметы падали, свет не включался. Но наши актеры (хочу сделать им комплимент) играли так, как будто все шло абсолютно нормально. Я после своей сцены сидела в зале как на иголках: обойдется или не обойдется? Обошлось, вроде бы. Зато во время второго показа, на следующий день — ничего подобного. У всех с самого утра было творческое настроение, мальчишки даже пели в столовой за обедом, а на прогоне реплики отсутствовавших читались наизусть, хором, из разных углов. Даже погода была вдохновенная: град с ветром и молниями посреди мая. Мне кажется, в следующем году надо тоже показывать новый спектакль 14 мая. У меня крепнет убеждение, что этот день для нашего театра благоприятен особенно — ведь это день рождения сразу и Елены Николаевны, и моей старшей тетки Натальи Александровны Кузнецовой. В целом удовольствие я получила, и немаленькое. Это если говорить коротко, потому что уж об этом-то можно написать страниц десять и все равно не закончить.

Л. А. Литягина, учитель словесности:

— Трудно всесторонне оценить такое многообразное явление, как школьный спектакль. У него есть своя история, свои периоды роста, за которыми очень интересно наблюдать; он решает в своем становлении множество задач — все это может быть предметом исследования.

Именно поэтому казавшееся рискованным построение сценария — от драматургии к рассказу — не только не ослабило внимания к происходящему, но, как мелодия, истончаясь и замирая, произвело ту ноту высокой печали, которая для меня и определила значение спектакля. Мне кажется, что к финалу его вполне приложимо классическое понятие катарсиса.

Спасибо тем, кто строил спектакль, кто играл, кто жил им, — они создали, по-моему, ту незабываемую атмосферу, которая впоследствии поможет юным актерам по-настоящему прочитать и понять произведение Юрия Олеши.

Антон Борисов (выпуск 2005 г.), участник спектакля:

— Для меня с каждым годом играть в театре становится все труднее. И дело совсем не в более сложных постановках и интересных ролях, но в огромном количестве молодых дарований и уже открывших в себе актерские та-

ланты старшеклассников, играть с которыми на одной сцене для меня — настоящий вызов. Соответствовать им в последнее время очень тяжело. Но стараюсь, как могу. А когда спрашивают совета “как сыграть лучше”, я словно чувствую — есть еще порох в пороховницах! И пока будет живо это чувство, мы, выпускники, и впредь будем зажигать театральную сцену спортзала.

Моя задача скромнее — определить общее впечатление от увиденного, которое мне хочется выразить так: получилось нечто очень значительное. В каком смысле? Прежде всего в том, что на сцене перед нами предстала эпоха. И дело не только в любовно и тщательно подобранных предметах реквизита, несомненно знаковых; не только в продуманно-хаотично организованном пространстве сцены; и даже не в выразительном исполнении многих ролей — но в качестве литературного материала. Слово высокого художественного достоинства определило значение спектакля. И представлено оно было вдохновенно, с большим мастерством.

Второе: эпоха тридцатых годов предстала перед нами в личностях — Олеши, Маяковского, Мейерхольда. Трагедия художника, “заговор чувств”, который, как всякий заговор, обречен на поражение в конкретном времени, но побеждает, переступая через время.

А. В. Ульянов, учитель истории, исполнитель роли Олеши (из письма к режиссерам):

— В голове вертятся обрывки монологов, а в жизни стало меньше смысла, т. к. было какое-то интересное дело — т. е. буквально *inter-esse*, особый способ бытия-между, между ребятами, мной и другим Олешей, который лишь мой фантазм. А сейчас — дыра... Спасибо вам.

“НЕСОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ. ЮРИЙ ОЛЕША”

Юрий Карлович Олеша — Анатолий Ульянов

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Эпизод первый. “Черный человек”: Сорокина — Наташа Кузнецова-мл., Сорокин — Алеша Семин, Занд — Глеб Шмидт, Бржозовский — Антон Борисов, буфетчицы — Галина Борисова и Наталья Бродоцкая, официантки — Ксения Пашковская и Саша Гнедова, писательницы — Даша Доброходова и Катя Никифорова, Офелия — Нина Малахова, футболисты — Игнат Зайцев, Никита Каспрук, Миша Жмерик, Андрей Григорьев, Лара Азарскова, Коля Хайлов, Настя Захарова, Дима Зеленский; статуи — Маша Вершинина, Настя Захарова, Аня Калинина, Ксения Литвиненко, Люда Ворончихина

Интермедия. Клоуны — Галина Борисова и Наталья Бродоцкая

Эпизод второй. “Три толстяка”. Бегство Просперо. Торт: доктор Гаспар Арнери — Глеб Борисов, кукла — Лиза Макарова, Тутти — Никита Каспрук, трубач — Юлия Бровкина, продавец шаров — Аня Лыхмус, первая знатная дама — Лара Азарскова, вторая знатная дама — Аня Калинина, капитан — Ганя Тремпольская, гвардейцы и повара — Варя Шувалова, Ксения Жестоканова, Игнат Якупов, учитель танцев Раздватрис — Саша Второва, Тибул — Андрей Григорьев, воздушный змей — Катя Давыдова, сердцевина торта — Юлия Мирошникова, толстяки — Коля Хайлов, Галина Борисова, Наталья Бродоцкая, палачки — Даша Доброходова, Катя Никифорова, оружейник Просперо — Анатолий Ульянов

Эпизод третий. “Мейерхольд — тетушка из сказки”: Мейерхольд — Глеб Борисов, Зинаида Райх — Софья Лурье, Офелия — Нина Малахова, палачки — Даша Доброходова, Катя Никифорова

Эпизод четвертый. “Три толстяка”. Превращения: тетушка Ганимед — Ира Козлова, доктор Гаспар Арнери — Глеб Борисов, Тибул — Андрей Григорьев, кукла — Лиза Макарова, учитель танцев Раздватрис — Саша Второва

Эпизод пятый. Юношеские стихи Олеша: Офелия — Нина Малахова, циркачки — Ксения Пашковская и Саша Гнедова, наездница — Наташа Кузнецова-мл., рыжий — Анатолий Ульянов, воздушный змей — Катя Давыдова

Эпизод шестой. “Заговор чувств”. Король мертвецов. Четвертак: Иван Бабичев — Андрей Гнедов, Витя — Всеволод Зельченко, сильно пьяный гость — Алеша Семин, менее пьяный гость — Глеб Шмидт, хозяйка — Ксения Якупова, ее дочь — Оля Матушкина, Михал Михалыч — Борис Рогинский (Ярослав Болдинов), его жена — Елизавета Варганова, Андрей Бабичев — Антон Борисов, Кавалеров — Андрей Олейник, Валя — Даша Буреева, Офелия — Нина Малахова

Эпизод седьмой. Овечки. Директор гимназии. “Ад”: Данте — Михаил Позднев, Беатриче — Елизавета Варганова, овечки — Юлия Бровкина, Саша Второва, Катя Давыдова, Аня Лыхмус, Аня Калинина, Лара Азарскова, Ксения Жестоканова, Варя Шувалова, Ганя Тремпольская, Лиза Макарова; директор — Игнат Зайцев, лучники — Глеб Шмидт и Алеша Семин, буфетчицы — Галина Борисова и Наталья Бродоцкая, официантки — Саша Гнедова и Ксения Пашковская, дворничихи — Ксения Якупова и Оля Матушкина

Эпизод восьмой. “Список благодетелей”. Гражданка нового мира: Елена Гончарова — Софья Лурье, Татаров — Владислав Бигдай, Мейерхольд — Глеб Борисов, жительницы барака — Галина Борисова, Наталья Бродоцкая, Ксения Якупова, Оля Матушкина

Эпизод девятый. “Строгий юноша”. Моральный комплекс ГТО. Стенограммы обсуждений спектаклей и доносы. “Ад”: комсомольцы — Света Стругацкая, Люда Ворончихина, Ксения Литвиненко, Аня Михайлова, Маша Вершинина, Ксения Пашковская, Саша Гнедова, Настя Захарова, Даша Доброходова, Катя Никифорова, Наташа Кузнецова-мл., Ира Козлова, Илья Коробицын, Коля Хайлов, Никита Ефремов; жительницы барака — Галина Борисова, Наталья Бродоцкая, Ксения Якупова, Оля Матушкина; Мейерхольд — Глеб Борисов, Зинаида Райх — Софья Лурье, пионеры — Андрей Григорьев, Миша Корешков, Вася Петрунькин

Санитарный час (20 минут)

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Эпизод десятый. “Заговор чувств”. *Химия любви*: директор фабрики — Сергей Жестоканов, Валя — Даша Буреева, Андрей Бабичев — Антон Борисов, Иван Бабичев — Андрей Гнедов, Кавалеров — Андрей Олейник, Офелия — Нина Малахова

Эпизод одиннадцатый. *Мейерхольд. Репетиция*: актеры труппы Мейерхольда — участники спектакля, Всеволод Мейерхольд — Глеб Борисов, Зинаида Райх — Софья Лурье, энкавдэшники — Алеша Семин и Глеб Шмидт, актеры в курилке — Илья Коробицын, Коля Хайлов

Интермедия. *Гамлет и Офелия*: Гамлет — Софья Лурье, Офелия — Нина Малахова, Мейерхольд — Глеб Борисов

Эпизод двенадцатый. “Список благодарностей”. *Общезитие*: Ибрагим — Андрей Гнедов, Сапожков — Анатолий Ульянов, Славутский — Андрей Олейник, Елена Гончарова — Софья Лурье

Эпизод тринадцатый. *Маяковский*: Маяковский — Антон Борисов

Эпизод четырнадцатый. “Строгий юноша”. *Я тебя люблю*: Катя — Аня Михайлова, Гриша — Илья Коробицын

Эпизод пятнадцатый. “Ад”. *Франческа да Римини*: Франческа — Соня Савельева, Джанчотто Малатеста — Глеб Шмидт, Паоло Малатеста — Алексей Семин, Данте — Михаил Поздnev, Беатриче — Елизавета Варганова, карнавальные маски — Софья Гудкова и Ярослав Болдинов, рыцарь Ланцелот — Миша Жмерик, бесы — Даша Доброходова и Катя Никифорова

Эпизод шестнадцатый. “Строгий юноша”. *Человек не должен подавлять своих желаний*: Катя — Аня Михайлова

Эпизод семнадцатый. “Любовь”: Шувалов — Миша Шарков (Ярослав Болдинов), Леля — Аня Фатеева (Ксения Литвиненко), дальтоник — Александр Иванов, девушки — Ксения Литвиненко, Света Стругацкая, Соня Савельева, Ксения Пашковская, Юлия Бровкаина, Аня Михайлова

Эпизод восемнадцатый. “Иволга”: героиня — Маргарита Тарасова, девочка — Ксения Жестоканова, солдаты — Сергей Жестоканов, Анатолий Ульянов, Андрей Олейник, Ярослав Болдинов, Александр Иванов, Всеволод Зельченко

Эпизод девятнадцатый. “Лиомпа”: героини — Наталия Кузнецова-ст., Люда Ворончихина

Эпизод двадцатый. *Зеленые шары*: в роли Юрия Карловича Олеси — Анатолий Ульянов

АВТОРЫ СПЕКТАКЛЯ

Художник спектакля: *С. Н. Полякова* при участии *А. Ю. Енбековой, Е. С. Варгановой* и *Дарьи Буреевой*.
 Автор росписи Рук, живописных работ к рассказу “Любовь”, афиши к спектаклю: *Ирина Разумовская*.
 Художник по гриму: *Екатерина Никифорова*.
 Автор Яблока и фотоаппарата из рассказа “Любовь”, а также крысиных хвостов из рассказа “Лиомпа”: *Л. А. Литягина*.
 Бумажные цветы изготовили ученики 5 класса с помощью *Л. А. Борхвардт*.
 Модели самолетов, фотофонари, старый таз и патефонные пластинки — из домашней кладовой *Глеба и Александра Шмидтов*.
 Летний шлем принадлежит *Ярославу Болдинову*.
 Газеты сталинского времени сохранила *Н. Б. Аржеухова*.
 Велосипед, графины, старинный кубок, саквоаж, железный ящик из-под немецких боеприпасов, географический атлас РКА, рисунки ленинградского художника *А. Я. Малкова* припасла для театра *Т. Н. Малахова*.
 Серебряные подстаканники принесла *С. Е. Кокина*.
 Лисий воротник пожертвовала *Н. А. Цуринова*.
 Опасной бритвой поделилась *Е. М. Молоствова*.
 Пиджак со своего плеча сняла *Е. И. Белова*.
 Шляпы, платье, пальто, шубы, зеркала, светильники принесли в дар *бесчисленные друзья театра*, наша благодарность которым безмерна, но поименное перечисление невозможно.
 Портфель для роли писателя, портсигар и раскладушка принадлежат *Г. И. Борисовой*.
 Портфель для директора фабрики сберег *А. И. Рубан*.
 Патефон с настоящей молью принесла патриот театрального движения *Л. А. Литягина*.
 Платье для ящерицы подарила театру *А. Б. Борисова*.
 Алюминиевые ложки временно несены из школьной столовой.
 Машинка “Зингер” спасена во время ремонта из квартиры *Л. Н. Сергеевой*; Людмилой Николаевной также подарен костюм для роли Олешки.
 Ситцевое платье с белым воротничком для героини “Черного человека”, а также еще одни брюки для роли Олешки отыскала *Н. А. Рогинская*.
 Платье для героини “Лиомпы”, советскую резиновую шапочку для бассейна и другие домашние реликвии подарила семья *Якуповых*.
 Настоящие довоенные женские ботинки принесла *Л. П. Радченко*.

Кукла с резиновой головой и ватным телом для “Заговора чувств” найдена на помойке и возрождена к жизни и смерти *Е. В. Вензель*.
 Кринолин для Куклы-Суок лежал на проселочной дороге, ведущей на дачу *Е. Н. Грачева*.
 Офицерское белье, советские майки и домашние тапочки подарены *Ю. А. Паиковской* и *Н. Б. Аржеуховой*.
 Валенки и галоши любезно предоставил *Античный кабинет*.
 Шляпки и очки подарены *И. Ю. Борисовой*.
 Трости принес *Илья Коробицын*.
 Бутафорские яблоки для рая добыл *А. В. Иванов*.
 Мундштуки оторвал от сердца трубач *Миша Корешков*.
 На куклу надела парик *Юля Бровкина*, на доктора Гаспара — *Катя Давыдова*, на клоуна — *Софья Вензель*.
 Рыцарский костюм, принесенный *Катей Никифоровой*, напоминает Кате ее детство, а кабинетная лампа и военный планшет *Н. А. Бродоцкой* — прошлое ее страны.
 Птичка для рассказа “Иволга” и искусственные цветы и листья заимствованы из кабинета *завучей*.
 Колбы и пробирки для “Заговора чувств” одолжила *М. Ю. Брук*.
 Маски и бутафория — из театрального наследия прошлых лет.
 В емкостях из-под алкоголя — вода, “Беломор” — настоящий.

Музыка: *Сергей Кройтору* — баян, *Александр Ткаченко* — саксофон, *В. В. Зельченко* — блок-флейта, *Михаил Корешков*, *Василий Петрунькин* — труба, *Александр Сахненко* — гитара.
 В спектакле звучат фрагменты Концерта № 1 для виолончели *Д. Д. Шостаковича* в исполнении студента Петербургской консерватории *Евгения Когана*.
 Песни исполняют: *Екатерина Давыдова, Ярослав Болдинов, Андрей Григорьев, Маргарита Тарасова*.
 Хореографы: *Софья Гудкова, Н. А. Кузнецова*.
 Сценарий: *Е. Н. Грачева*.
 Режиссерская группа: *Н. А. Кузнецова, Маргарита Тарасова, Е. С. Варганова, Ольга Матушкина*.
 Правая рука режиссера: *С. Е. Кокина*,
 левая рука режиссера: *И. В. Жестоканова*.

Постановка: *Е. В. Вензель* и *Е. Н. Грачева*.
 Театральная школа *Б. Ю. Понизовского*.

Спектакль был показан 13 и 14 мая 2008 г.

Фото: *С. В. Бурячко, А. А. Шмидт*
 и *Константин Корешков*, выпуск 2006 г.

EUROCLASSICA

“Свое выступление перед представительной международной аудиторией Сергей Владимирович Бурячко, директор Санкт-Петербургской классической гимназии, прочитал... на латинском языке. И около сотни человек не только оценили экстравагантность выступления, но и поняли его речь. Еще бы: ведь он приветствовал участников *Classica Petropolitana* — международной конференции общеевропейской ассоциации преподавателей древних языков *Euroclassica*...”

Так начинается статья “Преимущества классической системы образования: Диалог России с Европой” в октябрьском номере журнала “Санкт-Петербургский университет” за 2007 г. Репортеры охотятся за сенсациями; поэтому когда в рукописи статьи, любезно присланной автором для просмотра, я убрала слово “экстравагантность” и, наоборот, добавила имя автора латинской речи М. М. Позднева, журналист поблагодарил — но, как потом выяснилось, оставил свой текст без изменений. Впрочем, репортерам нужны также и факты: для чего собралась эта “представительная аудитория” и что такое “Евроклассика”? А поскольку я была организатором конференции, мне же пришлось и отвечать. И вот что я ему рассказала.

19–22 сентября в Санкт-Петербурге впервые в России прошла ежегодная международная конференция ассоциации *Euroclassica*. Ее устроителями стали кафедра классической филологии СПбГУ, Эрмитаж, наша гимназия и фонд поддержки классического образования “Анабасис”.

“Евроклассика” — это международная ассоциация преподавателей древнегреческого и латыни; она построена по принципу федерации, объединяющей национальные ассоциации разных стран Западной и Восточной Европы. Ассоциация возникла в 1991 г. в Люксембурге, и сегодня в ее состав входят 22 страны. В задачи “Евроклассики” входит распространение идей классического образования, обмен информацией, учебниками, программами; лоббирование, контакты с представителями власти на разных уровнях в целях пропаганды и поддержки древних языков в европейских школах; наконец, подготовка единых стандартов преподавания греческого и латыни. С проектами и программами “Евроклассики” можно подробнее ознакомиться на ее сайте (www.euroclassica.org). Наша гимназия уже больше десяти лет регулярно участвует в международных олимпиадах и летних школах, проводимых под эгидой ассоциации; “Абарис” неоднократно писал об этом.

Конференции “Евроклассики” ежегодно проходят в одном из государств, входящих в ассоциацию: эти встречи предполагают своего рода презентацию преподавания древних языков и изучения античности в стране-организаторе. В Петербург приехали 33 представителя из 14 стран Европы (Англия, Германия, Бельгия, Австрия, Чехия, Испания, Македония, Португалия, Швеция, Швейцария, Голландия, Дания, Хорватия и Румыния), а также США и Чили. Кроме того, конференция собрала преподавателей древних языков из разных городов России и Украины (Москва, Пермь, Саратов, Томск, Петрозаводск, Симферополь). Живое участие в организации и работе конференции приняли петербургские преподаватели, ученые, студенты.

Первый день конференции 19 сентября проходил на филологическом факультете СПбГУ. Участников приветствовали президент ассоциации “Евроклассика” Франческо де Оливейра (Португалия), директор *Bibliotheca classica Petropolitana* А. Л. Верлинский, директор фонда “Анабасис” Е. К. Юзбашян и, как уже было сказано, директор нашей гимназии С. В. Бурячко. С докладами по-английски и по-французски выступили петербургские, московские, а также зарубежные ученые и преподаватели. Акад. Н. Н. Казанский (Институт лингвистических исследований РАН, СПб.) представил собравшимся краткий очерк истории классического образования в дореволюционной России, а проф. А. В. Подосинов (РГГУ, Москва) рассказал о преподавании греческого и латыни в школах и вузах России современной. Проф. А. К. Гаврилов (Институт истории РАН, СПб.) посвятил свое выступление Я. М. Боровскому (1896–1994), выдающемуся ученому и новолатинскому поэту, учителю многих поколений петербургских классиков. В. В. Зельченко представил Санкт-Петербургскую классическую гимназию. Следует отметить прекрасно иллюстрированный доклад О. В. Будагаиной (СПбГУ) о латинских надписях Петербурга,

В ПЕТЕРБУРГЕ

а также сообщение В. И. Мажуги (Институт истории РАН, СПб.) о латинских рукописях в библиотеках нашего города. Проф. Антон ван Хофф (Голландия) поделился воспоминаниями о контактах “Евроклассики” с Россией начиная с 1991 г.

Заседание в Эрмитаже 20 сентября открылось приветственной речью директора музея акад. М. Б. Пиотровского. Старший сотрудник Отдела античного мира Н. К. Жижина рассказала о программах и методике работы Эрмитажного кружка, который знакомит школьников и студентов с искусством и культурой античности. Аспирантка ОАМ, учительница нашей гимназии А. С. Намойлик сделала сообщение о греческих надписях Северного Причерноморья. Доклад проф. М.-Э. Ятраку (Греция), прочитанный Хосе Наварро (Испания), был посвящен истории русско-греческих связей и вызвал бурную дискуссию. Об интерпретации сложных мест известной оды Горация III, 30, а также о ее переводах на русский язык — в первую очередь о пушкинском “Памятнике” — рассказала доцент СПбГУ и преподаватель гимназии Н. М. Ботвинник. Наконец, гости из Австрии Андреас Тиль и Петер Глац устроили презентацию сайта “Евроклассики”, а Ладислав Большази (США) представил слушателям серию учебников *Artes Latinae* на DVD. С текстами докладов, а также с сопровождавшими их иллюстрациями можно познакомиться на упомянутом сайте; там же помещена и фотогалерея конференции.

Вечером 20 сентября участники конференции посетили гимназию и Античный кабинет; после этого их ожидал спектакль на древнегреческом языке по мотивам диалогов Лукиана, разыгранный девятиклассниками под руководством Е. К. Юзбашян. Затем Е. В. Желтова и ее ученики исполняли песни на латинском языке. Когда дело дошло до битловской *Yellow Submarine* в переводе М. М. Позднева и В. В. Зельченко, гости, которым раздали текст, стали воодушевленно подпевать; этот порыв можно было бы назвать своего рода катарсисом конференции:

Municipio meo
Fuit nauta nobilis;
Ille rettulit nobis
Laete vivi sub undis.

Ergo solvimus rates:
Perge, rector, donec stes,
Ubi nos, si placet dis,
Condat unda viridis.

Flava nave manemus sub mari,
Imo sub mari, imo sub mari... etc.

По традиции, последний день конференции был отдан генеральной ассамблее “Евроклассики”, в которую входит по одному официальному представителю от каждой страны. Заседание это проходило в гимназии. Обычно оно занимает целый рабочий день: каждый член ассамблеи обязан представить письменный отчет о состоянии преподавания древних языков в школах и университетах своей страны, а также откомментировать его и ответить на вопросы коллег. Кроме того, обсуждаются программы и проекты “Евроклассики”, ее бюджет. В этом году, в частности, был утвержден проект Европейского сертификата по латинскому языку — системы тестов, проводимой on-line. Состоялись перевыборы президента организации: им стал Альфред Райтермайер (Австрия), в новый комитет были избраны Поль Йевен (Бельгия), Ядранка Багарич (Хорватия), Хосе Наварро (Испания) и Елена Ермолаева (Россия). В это же время гости из Англии, США и Голландии посещали уроки латыни и греческого в школе.

В рамках конференции 21 сентября 2007 г. в Античном кабинете состоялся круглый стол российских участников. Было принято решение принципиальным образом расширить представительство России в “Евроклассике”, сделав его из петербургского — общероссийским. Была образована Российская ассоциация школьных преподавателей древних языков (*Societas Russica magistrorum linguarum classicarum*), координаторами которой стали А. В. Подосинов, Е. Л. Ермолаева и В. В. Зельченко.

Цели ассоциации — контакты, обмен информацией, лоббирование, объединение для защиты, сохранения и развития школьного классического образования; одна из первых задач — составление базы данных по изучению латыни и греческого в российских школах. Информация о работе ассоциации размещается на сайте www.librarius.narod.ru. Членство в ассоциации — личное; вступать в нее приглашаются не только преподаватели латыни и греческого, но также и все, кто заинтересован в поддержке классического образования в России. Члены ассоциации получают информацию о проектах “Евроклассики” по системе электронной рассылки, которую осуществляет С. Э. Андреева.

Я рассказала журналисту, что все латинисты и грецисты гимназии принимали активное участие в проведении конференции: кто-то пел на латыни, а кто-то (не будем называть Веру Борисовну по имени, но это была именно она) синхронно переводил на английский экскурсовода в Публичной библиотеке; Анна Владиславовна и Ольга Владимировна заботились об учительницах из Бельгии и Румынии, которые жили у них дома; Екатерина Сергеевна на безупречном французском занимала гостей из Швейцарии; Ангелина Николаевна и Александра Юрьевна встречали опоздавших и доставляли их в Эрмитаж; Екатерина Анатольевна и Нина Александровна регистрировали участников конференции — всего не перечислишь.

Конечно, помогли и наши выпускники: Маша Журбина провела экскурсию по городу по-немецки, Саша Дмитрикова подготовила для гостей карту Петербурга, Глеб Богатский сделал макет бейджика с эмблемой “Евроклассики”, а Миша Ермолаев придумал эмблему конференции — изображение фанаторийского сфинкса из Эрмитажа.

Особая благодарность нашим эрмитажным покровителям — М. Б. Пиотровскому, М. М. Дандамаевой и Н. К. Жижиной: сессия в эрмитажном зале заседаний, экскурсия в Античный отдел и Золотые кладовые стали украшением конференции. На самых разных этапах работы неоценимую и деятельную помощь оказывала Е. К. Юзбашян.

Впрочем, я ничего не сказала журналисту о наводнении, которое случилось в первый же день конференции. “Экскурсия по рекам и каналам невозможна”, — сообщила мне туристический агент в ту самую минуту, когда гости направлялись к автобусу, чтобы ехать к пристани. Тогда мы решили на свой страх и риск отправить их по Неве в открытый залив. Никто не заметил перемены программы: острые ощущения плюс невероятной красоты закат, который все старались сфотографировать, спасли ситуацию.

Вот такие события произошли на берегах Невы в школе, где директор-математик приветствовал на латыни школьных учителей древних языков из разных стран Европы.

*Е. Л. Ермолаева
Фото автора и И. О. Гальминой*

В. В. Зельченко

“Хлеб, рыба, волосы...”

Латинские мнемонические стихи в русской литературе

Жизнь не знает правил без исключений; то же можно сказать и о грамматике — науке, описывающей жизнь языка. Правила желательно осмыслять, исключения приходится заучивать. Идея укладывать перечни важных слов и имен в стихотворный ритм, облегчая тем самым усилие памяти, принадлежит еще античной педагогике¹ и дожила до наших дней. Большинство таких “стихов на случай” лишены каких-либо литературных достоинств: по-немецки они выразительно именуются “ослиными мостиками” — *Eselbrücken*.² Впрочем, порой сочетание ритмизованных слов обретает поэтическую убедительность и эмоциональное напряжение — как это произошло, например, с известным каждому набором неправильных глаголов (“Гнать, держать, смотреть и видеть...”), который неспроста попал в эпиграф одного из драгоценных русских романов истекшего столетия.

Немало таких рифмованных списков породила и школьная латинская грамматика XVIII–XIX вв.; их подборку можно найти в учебнике С. И. Соболевского, который бережно воспроизвел образцы гимназического фольклора своего детства.³ Затверженные в классах, стишки оседали в головах бывших учеников и нет-нет да прорывались в “большую” литературу. К примеру, герой “Золотого тельца” (1931; ч. 2, гл. 17) одолевает католическую экспансию с помощью двустишия “*Puer, socer, vesper, gener, / liber, miser, asper, tener*”: безобидный и даже стыдливый⁴ перечень слов на *-er*, при склонении удерживающих *-e-*, выполняет таким образом роль универсального магического оберега — каковым, должно быть, и казался читателям Ильфа и Петрова в эпоху, когда латынь окончательно вышла из моды.⁵ В эссе Б. К. Зайцева “Похвала книге” (1970) мелькает, в ряду школьных воспоминаний, список предлогов с аккузативом: “*Ante, apud, ad, adversus...* — собьешься, можно двойку получить”.⁶ Тень еще одного такого стишка, посвященного прилагательным III склонения трех окончаний (“*Acer, saluber, equester, / Celer, paluster, pedester, / Celeber et alacer / И крылатый volucer*”), различима, как кажется, в первой главе набокковского “Дара” (1938).⁷

Львиная доля этой прикладной поэзии посвящена “исключениям по роду”: всякий гимназист знает, как нелегко подчас запомнить родовую принадлежность того или иного латинского существительного. Памятником этой трудности, равно как и бес-

страшной готовности грамматиков бороться с ней невзирая на любые обстоятельства, остался легендарный рассказ об императоре Священной римской империи Сигизмунде I (1368–1437). В латинской речи на церковном соборе в Констанце — том самом, который приговорил к сожжению Яна Гуса, — Сигизмунд будто бы произнес: “*Videte, patres, ut eradicetis schismam Hussitarum...*”, после чего был немедленно перебит кем-то из ученых монахов: “*Serenissime rex, schisma neutrius generis est*”.⁸ Раздраженный ответ Сигизмунда “*Ego sum rex Romanus et supra grammaticos sto*” едва ли говорит в его пользу — в морфологии, как и в геометрии, царских путей не бывает.

Перечни таких “коварных” существительных (*nomina dubia*) принялись составлять уже древнеримские грамматик: пристальное внимание уделялось им в учебнике Флавия Капра (II в. н. э.), фрагменты которого дошли до нас (*GL V*, 571–594). В свой черед их стали зарифмовывать, и не всегда успешно (“*Vulgus, «чернь, простой народ», / Имеет чаще средний род...*”; “*Os же «кость» и os «уста» / Рода среднего всегда...*” и т. п.). Так появился, в частности, знаменитый список из 32 слов на *-is*, вопреки общему правилу относящихся к *masculina*:

Много есть имен на *-is*
 Masculini generis:
 Panis, piscis, crinis, finis,
 Ignis, lapis, pulvis, cinis,
 Orbis, amnis et canalis,
 Sanguis, unguis, glis, annalis,
 Fascis, axis, funis, ensis,
 Fustis, vectis, vermis, mensis,
 Postis, follis, cucumis,
 Cassis, callis, collis,
 Sentis, caulis, pollis.

Судя по всему, эти бойкие хорей возникли в немецкой школьной традиции: во всяком случае, напев “*Viele Wörter sind auf -is / Masculini generis...*” знаком немецкой литературе не в меньшей степени, чем русской⁹ (ответом германских школяров стало двустишие “*Panis, piscis, crinis, finis — / So ochst man weiter, bis man hin is'...*”).¹⁰ Самое раннее свидетельство о них нам удалось отыскать в воспоминаниях роман-

тического поэта, прозаика и критика Жан-Поля (Иоганна-Пауля Фридриха Рихтера; немцы, кстати, произносят его псевдоним как “Жан-Пауль”). На рубеже 1760–1770-х гг. отец писателя, сам бывший школьный учитель, нещадно заставлял сына зубрить ненавистные и непонятные *panis, piscis* и т. д. — неудивительно, что учебник “*Orbis pictus*” Яна Амоса Коменского, где латинские слова предлагалось запоминать с помощью занимательных картинок, показался после этого мальчику “живительным родничком в духовной пустыне”.¹¹

Как бы то ни было, своей широкой популярностью эти стихи, бесспорно, обязаны “Элементарной латинской грамматике Кюнера”, впервые увидевшей свет в 1841 г. Рафаэль Кюнер (1802–1878), который учился в Гёттингене в одни годы с Ленским, а потом всю жизнь прослужил в Ганноверской гимназии — сперва учителем, затем директором, — был глубоким знатоком обоих древних языков. Для всякого филолога-антиковеда донныне незаменимы научные грамматики греческого (“Кюнер-Бласс”, а особенно синтаксическая часть — “Кюнер-Герг”) и латыни (“Кюнер-Штегман”), сказочно подробные и отчетливые в описании тончайших языковых явлений. Между тем Кюнер прославился и как автор школьных пособий, ставших классическими учебниками гимназистов второй половины XIX в.¹² По Кюнеру занимались не только в Германии, но едва ли не по всей Европе — он проник даже в традиционно чуждую континентальным влияниям Англию. В ранцах русских гимназистов внятно и компактно изложенная *Elementargrammatik der lateinischen Sprache* появилась в результате педагогической реформы 1848 г.; ее многочисленные переводы и переработки выходили у нас в течение шестидесяти с лишним лет (1852–1918), пока экипаж “парохода современности” не счел за лучшее плыть дальше без школьной латыни. Вместе с учебником Кюнера обрел каноническую форму и стишок про “*panis, piscis, crinis*”, оттеснив другие, подчас более изысканные попытки ритмизовать исключения из III склонения;¹³ тогда же началась и его жизнь в русской изящной словесности.

Вот Д. С. Мережковский (выпускник петербургской Третьей гимназии) с содроганием рисует картину мертвящей скуки школьного урока, своеобразно переосмысляя евангельский стих о птицах небесных (повесть в стихах “Вера”, 1890):

...Как бедный мозг такую пытку вынес,
Непостижимо. “*Panis, piscis, crinis*” —
Вот вся наука... Иногда весной
Он ласточкам завидовал: не учат
Они аорист первый и второй,
Грамматикой латинской их не мучат...¹⁴

А вот В. В. Розанов в “Опавших листьях” (1915) вспоминает, как гулял с сыном и дочерью в лесу под Териоками: на-

брали грибов, проникли в чашу, под конец даже заблудились немного — сколько впечатлений сразу! “Чего же, в образовательном отношении, стоит один такой вечер; и неужели его можно заменить знанием: «Много есть имен на *-is / Masculini generis: / Panis, piscis, crinis, finis*? О, черт бы их драл!!”¹⁵

В споре о классическом образовании, охватившем русское общество на рубеже XIX–XX вв., наша считалка стала излюбленной мишенью. “Король фельетона” Влас Дорошевич в очерке “Маленькие чиновники” (1896) сформулировал приговор современной ему гимназии, которая на всю жизнь приучает выполнять бессмысленные задания под страхом единицы, исключения и крушения карьеры. От Дорошевича достается и школьной истории (столбики мертвых дат, похожие на телефонный справочник), и географии, и словесности; однако древние языки с их отчаянной, вызывающей непрактичностью оказываются здесь на первом месте. “Зачем непременно нужно знать, — восклицает публицист, — что глагол «керанньюми» употреблялся древними греками для обозначения «смешивать» вино с водой? Когда древние греки смешивали муку с песком, они прибегали для этого к другому глаголу. Зачем знать это, когда и греки эти уж давным-давно померли, да и вина этого нет <...>. Зачем? Никто в целом мире не даст на это ответа пытливному уму маленького мальчика”.

(Мы не можем удержаться от того, чтобы сто лет спустя принять этот вызов. При правильной постановке дела греческая параллель поможет школьнику осознать, что русский глагол *смешивать* содержит в себе два разных значения: *μειγνυμι*, когда сочетаемые элементы остаются различимы (“смешивать карты”), и *κεράννυμι*, когда они гармонически соединяются, растворяясь в некоем целом (“смешивать краски”); по-русски для этого второго случая тоже есть особый глагол — *сливать(ся)*, употребляемый метафорически отнюдь не только о жидкостях (“смешаться с толпой” и “слиться с толпой” — чувствуете разницу?). Разве не учим мы тем самым сознательному отношению к слову, пониманию относитель-

ности лингвистических явлений, навыкам наблюдений в том числе и над собственным языком? А ведь заодно можно объяснить, что от корня глагола *κεράννυμι* произошло название сосуда для смешения вина с водой — *кратёр*, а от него, в свою очередь, — известный каждому “пытливному мальчику” *кратер* вулкана или Луны; что грамматический термин *красис* с завидной точностью отражает суть соответствующего явления; что вино по-новогречески донныне именуется *κрасί*, хотя смешивать его с водой уже не нужно, — пример того, как слово может рассказать о предыстории вещи; и мн. др.)

Д. С. Мережковский
Рис. Т. Н. Гунтуис. 1910 г.

В. М. Дорошевич

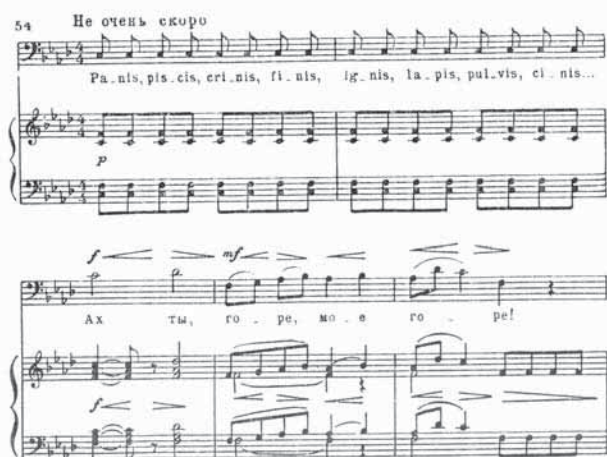
Но вернемся к словам на *-is*, тем более что в фельетоне Дорошевича им уделено почетное место. Сперва демонические исключения являются матушке измученного гимназиста в ночном кошмаре:

Ей, наслушавшейся, как зубрит сын, <...> снится, что она идет за 1000 лет до Рождества Христова (стало быть, задолго до основания Рима! — В. З.) по римскому форуму, а кругом гуляют неправильные глаголы и сплетничают про последние исключения из третьего склонения: “Слышали, *panis*-то, оказывается, мужского рода!” — “Ах, и не говорите! Такое бесстыдство. Быть мужского рода и носить женское окончание!” — “Изнеженность и испорченность нравов!” — “*Piscis* тоже мужского рода и даже *cucumis*!” — “Да, много есть имен на *-is masculini generis*! Ничего не поделаешь!” В это время раздаются междометия, и на форум въезжает Цезарь, Кай Юлий Caesar, мужского рода и третьего склонения. Бедная мать кидается к его колеснице: “Сжальтесь!...” и т. д.

Далее Дорошевич от сновидений обращается к реальности:

Я знаю только один случай, когда исключения из третьего склонения принесли пользу. Это было 4 декабря, в маленьком городке, населенном, кажется, исключительно Варварами. По крайней мере, собравшись на именины к одной из Варвар, мы никак не могли в целом городе найти ни одного музыканта. Хоть бы дворника с гармоникой! Все были разобраны по именинникам. Тогда решили танцевать под какие-нибудь общеизвестные стихи, которые все будут петь на какой-нибудь общеизвестный мотив. Оказалось, что все гости — классики по образованию и что все мы помним лучше всего исключения из третьего склонения. И мы танцевали кадрили, напевая на мотив “Пропaday моя телега”: “*Amnis, orbis, glis, annalis, / Fascis, ensis, cucumis*”. И при слове “*cucumis*” какой-то семинарист, я помню, выкидывал даже какое-то особое антраша, которое называл “чисто парижским” и которого я потом в Париже не видал.¹⁶

Ключевые слова “мотив” и “семинарист” отсылают к звездному часу нашего стишка. 27 сентября 1866 г. М. П. Мусорг-

Ноты “Семинариста” М. П. Мусоргского

ский, проснувшись утром и начав сочинять еще в постели, написал песню для баса “Семинарист” на собственные слова. Это монолог бурсака, который влюбился в красавицу-поповну Стёшу и загляделся на нее во время молебна; заметив неладное, поп “благословил” его указкой и — в ка-

честве *remedium amoris* — засадил зубрить исключения. По ходу песни отчаянно-торопливый речитатив “*панис, пис-цис, кринис, финис... орбис, амнис эт каналис... и каналис, и каналис!*” то и дело прерывает изливания героя, создавая комический и вместе с тем мрачный контраст его любовному томлению. Ноты “Семинариста” поначалу не были пропущены цензурой, так что их пришлось печатать в Лейпциге; тем не менее песня обрела широкую популярность и, в частности, была коронным номером Шаляпина.

Знакомясь с приведенными свидетельствами, осознаешь парадокс. Стишки вроде бы призваны оживить тягостный процесс запоминания исключений, превратить его в веселую игру — иными словами, ориентированы на передовые, гуманные педагогические идеи. Вдохновенный филолог Ф. Ф. Зелинский в своем цикле лекций “Древний мир и мы” (1903) — донныне лучшей апологии классической гимназии — говорит о них даже с известной гордостью: “Опираясь на <...> облегчающую, специально мнемоническую силу ритма и склонность детей к заучиванию ритмического набора слов, классическая школа нашла выход из затруднительного положения, в которое она была поставлена наличием исключений: желая по возможности облегчить своим питомцам их усвоение, она составила те знаменитые стихотворные правила, которыми нас постоянно попрекают наши противники...”¹⁷ А между тем благие намерения очевидно пропали втуне: звонкая считалка стала эмблемой нудной рутин. Даже значения первых слов в этом

Ф. Ф. Зелинский

перечне, panis и piscis, зазвучали насмешкой: “хлеб и рыба” на поверку оказываются для детских умов не только неудобоваримы, но и прямо ядовиты.

Репутации мнемонических стихов пошло во вред именно то, что они слишком хорошо выполняли свою роль. Рифмованные исключения действительно запомнились, и намертво, но запомнились как непонятное заклинание — ведь перевод соответствующих слов (среди которых есть и вполне редкие; см. ниже) удержать в памяти уже гораздо труднее. Бывшие выпускники гимназий, не открывавшие с тех пор латинской книги, годы спустя осознали, что от многолетних и пристальных занятий языком Цицерона и Овидия в их голове осели только исключения из третьего склонения — в этом с досадой признаются и художник М. В. Добужинский,¹⁸ и востоковед Н. И. Конрад.¹⁹

В самом деле, имеет ли смысл вообще говорить о *правиле*, если оно немедленно обрастает таким количеством оговорок? А ведь перед нами только часть длинного “правила рода III склонения” — в нем еще с десяток пунктов и столько же списков исключений. Систематическое заучивание новых слов — бесспорно, необходимый элемент усвоения языка: отрицать это было бы или прекраснотушим, или, того хуже, лукавством. Однако экзотические *fustis* (“дубинка”), *caulis* (“кочерыжка”) и *glis* (пусть эти зверьки и служили, увы, любимым лакомством римских гурманов) явно не имеют здесь приоритета. Кроме того — и это уже более серьезный упрек, — стишок создает обманчивое впечатление незыблемого закона там, где на деле нужно вести речь о прихотливо-изменчивых процессах (это видно уже на примерах из русского языка, где слово *лебедь* перебежало от *feminina* к *masculina*, зал сравнительно недавно потеснил *залу*, в свою очередь сменившую *залю*, *пролитое кофе* встречается еще у Набокова, а биологам никто не препятствует говорить *метаморфоз*). Даже оставаясь в пределах норм “золотой” латыни, нельзя не заметить, что те же *pulvis* и *cinis* порой трактуются как *feminina* у римских поэтов, а *callis*, наоборот, — у прозаиков; что касается *pollis* (редкий морфологический вариант к *rollen*), то оно и вовсе с примерно равной частотой относится и к женскому, и к мужскому роду. Филолог, который на основании заученного когда-то списка исключений станет исправлять мнимо-неправильные формы в текстах античных авторов, совершит ошибку, а это уже тревожный симптом: школа имеет право сколь угодно упрощать и (в лучшем, этимологическом смысле слова) вульгаризировать данные “большой” науки, но не имеет права им противоречить.

Впрочем, будем справедливы: не у всех роковой стишок вызывал столь же беспросветные ассоциации. В “яр-

ко-певучих” бессмысленных сочетаниях есть своя притягательность, и недаром ими полны детские считалки. Лучшие учителя латыни всегда умели это использовать — от Л. И. Поливанова (в мемуарах Андрея Белого есть восторженное описание его урока у малышек с хоровым выпеванием *hic-haec-hoc*, переходившим в дикарское действие)²⁰ до А. И. Доватура (чье задорно-петушиное “*curo-cucurri-cursum-currere!*” навсегда впечатывалось в память учеников).²¹ Так, беллетрист В. В. Вересаев (1867–1945), бывший в тульской гимназии отличником и не переставший им быть на всем протяжении своего долгого литературного пути, вспоминает встречу с исключениями на *-is* совершенно иначе, чем Мережковский:

Или вот. Учить наизусть латинские исключения. Это была интереснейшая игра. <...>

— Воины, за мной!

Страшная, неприступная крепость. Враги валят на нас со стен камни, льют кипяток, расплавленную смолу, мечут копьё, осыпают стрелами. Мы, закрывшись щитами, ползем по обрывистым скалам, приставляем к отвесным стенам лестницы... Panis, piscis, cinis, finis... Молодцы! Уже влезли на стену! Ignis... А дальше как? Дальше как? <...>

Валятся, валятся! Сколько перебито! И никто дальше не приходит на помощь. А тех, кто уже наверху, враги теснят, нападают на них, сбрасывают щитами в пропасть. Полный разгром! Жалкие остатки отрядов собираются ко мне...

— Вар, Вар! Отдай мне назад мои легионы!

Формирую новую армию, стараюсь ее вооружить покрепче: ignis, lapis — lapis — lapis, pulvis — pulvis, cinis!

— Воины, вперед! Отомстим за наш позор! <...>

Я лихорадочно шагаю по большой аллее, готовлю легионы к новому приступу. Вот особенно эта когорта ненадежна. Fascis, axis — axis — axis... Funis, ensis... Funis, ensis... И опять в бой. Правы оказались мои опасения. Не выдержала ненадежная когорта: на ней враги разрезали нашу армию пополам и отбросили от крепости.

И опять и опять обучение войска. И наконец — торжество! Нигде не поколебались, ни одного шага никто не

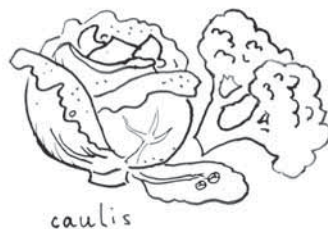
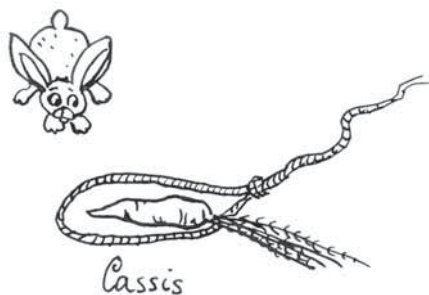
сделал назад. Ура! Ура! — несется по всему саду. Крепость взята. <...> До вечернего чая мною завоевано десять крепостей — и выучен трудный, огромный урок, беспощадно заданный учителем латинского языка, грозным Осипом Антоновичем Петрученко.²²

Действительно, крепость пала, но кто ее взял? Воображение ребенка, сумевшего оживить скучную тарабарщину; школе тут гордиться нечем — она нисколько не помогла ему в этом. Характерно, что гимназист в своей игре даже не пробует опереться на *смысл* зазубриваемых слов: его фантазии представляются не хлеба и рыбы, не фасции римских консулов и не симпатичные орешниковые сони, а строй одинаковых легионеров. Иными словами, набор исключений по-прежнему остается заумной скороговоркой, ничем не отличаясь от бессмертного “уна, дуна, рэс, квинтер, финтер, жэс” (тоже, вероятно, восходящего к школьной или бурсацкой латыни).²³ Твердо знать грамматический род слова, которое ты никогда не сумеешь употребить, — в этом, пожалуй, есть что-то обидное.

Как же все-таки быть с исключениями? Первые попытки превратить длинный перечень слов на *-is* в осмысленное правило представлены уже в римской грамматической традиции. Так, Квинтилиан (I в. н. э.; *Inst.* I, 6, 5–6) советует учителям уповать на принцип аналогии (“забыл, какого рода *funis* — вспомни похожее *ranis*”) или использовать подсказки, связанные с уменьшительными (об этом см. ниже). В VI в. н. э. грамматик Присциану удается свести все исключения к единой формуле: “Слово на *-is* относится к мужскому роду, если перед *-is* идет *n* или две согласных, принадлежащих тому же слогу, либо двойная согласная, либо если предпоследний слог оканчивается на плавный” (*GL* II, 160). Как шедевр систематизаторской изощренности это построение восхищает, но в дидактическом отношении, увы, бесполезно: недаром грамматика более позднего времени, при всей их зависимости от Присциана, считают за лучшее вернуться к списку исключений (см., напр., *GL* VIII, 117). В самом деле, искусственно вводя призрак строгой логики туда, где бушевали “броуновские” процессы живого развивающегося языка, учитель рискует достичь прямо противоположного результата. Об этом напоминает эпизод из автобиографического романа немецкого писателя Бруно Вилле (1860–1928): раздумывая за шахматной партией над все теми же “*ranis, piscis, crinis*”, два гимназиста приходят к выводу, что прославленная “ло-

В. В. Вересаев
через год после окончания гимназии. 1885 г.

гичность” латыни, о которой им каждый день твердят в школе, — сущий обман. “Я еще могу понять, — размышляет герой, — почему к *masculina* относится *piscis*: ведь и у нас, немцев, слова *карп, окунь, сом* мужского рода. Но как быть с *crinis*? С чего это вдруг оно остается *masculinum*, даже когда обозначает *женские* волосы — это одним богам ведомо!”²⁴

В последние десятилетия XIX в. наш перечень подвергается затяжной и успешной атаке педагогических мыслителей. Вильгельм Шрадер (1817–1907) — крупный филолог и школьный реформатор, ученик великого Августа Бёка — настоятельно требует выбросить из него все малоупотребительные слова.²⁵ Замечания его последователей подчас напоминают фрон-

товые реляции. Так, Ю. Ротфукс, “чтобы не показаться какому-нибудь учителю сексты слишком радикальным, согласен из 36 слов на *-is* мужского рода оставить 16”; русский переводчик его брошюры снабжает эти слова победным примечанием: в новейшей грамматике Штегмана их еще меньше!²⁶ Наконец, после изобретения спасительной формулы “*Masculina* суть на *-is* / Все слова на *-cis, -nis, -guis*” и изгнания редких существительных стишок съезживается до минимума: “*Lapis, pulvis, collis, / Mensis, также orbis*”;²⁷ как видим, по дороге потерялись даже *ensis* и *axis*, с которыми на каждом шагу сталкива-

ются читатели латинских поэтов. Параллельно осиротели и другие списки — причем в их новых “прогрессивных” версиях звучит интонация стыдливой недоговоренности, способная только раззадорить любопытного школьника: “Рода среднего на *-or* / Важно только слово *cor*” (а чем хуже *aequor*?) или “Рода женского на *-ex* / Надо помнить только *lex*” (а *peh* не надо?) и т. д. и т. п. Это ли желанный результат многолетней борьбы?

Выход, который мы хотим предложить на суд содружества латинистов, лежит в иной плоскости. Не лучше ли вообще отказаться от услуг мнемонической музыки и с самого начала настроить учеников на то, что слова III склонения на *-is* надежней выписывать и запоминать “вместе с родом”, а при обратном переводе непременно проверять себя по словарю? В дальнейшем, когда дело дойдет до авторов, роль грамматической подсказки, действительно, могут исполнить стихи — но стихи совсем другие, несравненно более питательные и не отягощающие память мертвым грузом. То, что *ignis* “*masculini generis*”, не составляет трудности для того, у кого крутятся в голове знаменитые строки о влюбленной Дидоне из начала IV книги “Энеи-

ды”: “Vulnus alit venis et caeco carpitur igni...”; в роде ensis не ошибется тот, кто знает классический зачин Тибулла (I, 10, 1) “Quis fuit, horrendos qui primus protulit enses?...”; для finis поможет хотя бы горацанское “Est modus in rebus, sunt certi denique fines...” (Sat. I, 1, 106), а для pulvis — его же, и ничуть не менее хрестоматийное, “...Sunt quos curriculo pulverem Olympicum / Collegisse iuvat...” (Carm. I, 1, 3). В связи с panis можно припомнить латинскую версию “Отче наш” (“Panem nostrum cotidianum da nobis hodie...”), в связи с orbis — уже упоминавшийся “Orbis pictus”, а в связи с annalis — симпатичный анекдот о каламбуре Цицерона (“Dic, M. Tulli, si quid potes, de Sexto Annali...”; Quint. VI, 3, 86). В других случаях на помощь приходит внимание к внутреннему устройству языка, которое, право же, ценнее зубрежки. Так, если мы понимаем, что названия Ianuarius, Februarius, Martius и др. суть прилагательные с подразумеваемым mensis, нам никогда не придет в голову специально заучивать род этого последнего слова (то же можно применить и к annalis <sc. liber>); уменьшительные lapillus, fasciculus или vermiculus известны многим, а ведь из них с очевидностью следует, что lapis, fascis и vermis — masculina; наконец, sanguis, cinis, cucumis и еще ряд слов в нашем стихе, будучи *неравносложными*, вообще не имеют никакого отношения к тому морфологическому типу, “исключениями” из которого их почему-то предлагается считать.²⁸ Привычка к составлению собственных словосочетаний, фраз и текстов по-латыни, необходимость *употреблять* в письменной и устной речи идиомы вроде “quem ad finem?” или “tenero ab ungue” поможет запомнить род (а заодно и значение) соответствующих слов вернее, чем рифмованные списки. Как сформулировал славный эллинист Август Наук (1822–1892) — кстати сказать, много лет проработавший в Петербурге и воспитавший там плеяду ученых-классиков, — “цель других учебных предметов клонится к тому, чтобы ученик *знал*, а цель древних языков — к тому, чтобы он *мог*”.²⁹

¹ Своды античных эпиграмм — т. н. “Палатинская антология” и “Латинская антология” — включают немалое число дистихов, в которых перечисляются то семь городов, споривших за право считаться родиной Гомера, то содержание всех 12 книг “Энеиды” или имена первых римских императоров. Мнемотехника как особая практическая дисциплина была отлично знакома древним: ее легендарным “первым изобретателем” считался поэт Симонид. Подробнее об античных упражнениях на тренировку памяти см. поучительное исследование: J. P. Small. Wax Tablets of the Mind: Cognitive Studies of Memory and Literacy in Classical Antiquity. London; NY, 1997 (гл. 7–9).

² Переосмысленная калька с лат. “pons asinorum” — что исходно обозначало трудный материал, позволяющий отличить способных учеников от неспособных (т. е. не “переправу для ослов”, а наоборот, “мост, где ослы застревают”). На средневековом учительском жаргоне “ослиным мостиком” называли пятую пропозицию Евклида — первое по-настоящему сложное доказательство в его учебнике.

³ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка: Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. М., 1948³ (репринт — СПб., 1998). С. 16, прим. 3; 18, прим. 1; 28 и прим. 1; и мн. др.

⁴ Нельзя не заметить, что в нем отсутствует вполне частотное adulter.

⁵ Так и латинское “mutabor” (“Я превращусь”) из сказки Вильгельма Гауфа “Калиф-аист” получило в послереволюционной

русской традиции ударение на последнем слоге и тем самым окончательно превратилось в колдовскую абракадабру.

⁶ Цит. по: Б. Зайцев. Дни / Сост., подгот. текста и прим. А. К. Клементьева. М.; Париж, 1995. С. 452 (указано нам Д. О. Торшиловым).

⁷ Когда герой романа, поэт Федор Годунов-Чердынцев, подходит к дверям берлинской кухмистерской, в его голове мгновенным озарением возникает двустийное: “Благодарю тебя, отчизна, / За чистый и та-та-та дар”. “Второе прилагательное я не успел разглядеть при вспышке, — рассуждает Федор сам с собою, — а жаль. Счастливый? Бессонный? Крылатый? За чистый и крылатый дар. Икры. Латы. Откуда этот римлянин?” В самом деле, откуда — тем более что голые икры с поножами ничуть не меньше пристали греку? Набоков, правда, окончил Тенишевское училище, где латынь не преподавали (отец писателя, хоть и объяснялся впоследствии с лакеями афинского отеля по-древнегречески, сохранил об уроках древних языков в строгой Третьей гимназии настолько травматические воспоминания, что детям подобной участи не пожелал); однако перед самой эмиграцией, в Ялте, будущий автор “Дара” занимался с учителем латинской грамматикой (см.: Б. Бойд. Владимир Набоков. Русские годы: Биография / Авторизованный пер. с англ. Г. Лапиной. М., 2001. С. 181) —

и как раз с прицелом на биологическую терминологию, для которой чрезвычайно важно умение правильно употреблять слова вроде paluster и volucer, silvester и campester (попутно отметим, что известный псевдолатинский пассаж в “Лолите” [ч. I, гл. 27] тоже стилизован под биологическую латынь). Кроме того, Набоков вообще был чуток к такого рода “поэзии грамматик” — вспомним “Это ложь, что в театре нет лож” из диктанта маленького Лужина или эпиграф к тому же “Дару”.

⁸ Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. Словарь латинских крылатых слов. М., 1999⁴. С. 178; 695.

Это — бесспорно самый знаменитый, но не единственный конфуз, связанный с ошибками в роде слов III склонения: так, В. Ф. Ходасевич вспоминал об эксцентричном поэте А. И. Тинякове, который в 1912 г. задумал по-брюсовски озаглавить свой сборник стихов *Navis niger* — “и благодарил меня очень истово, когда я разъяснил ему, что следует сказать *navis nigra*” (В. Ф. Ходасевич. Коллеблюмый треножник: Избранное. М., 1991. С. 443).

⁹ К примеру, Арно Хольц (1863–1929; *mutatis mutandis* его можно назвать немецким Сашей Черным) начинает так боевое стихотворение “Anathema sit!”, в котором скопом перечисляются ненавистные ему вещи — от тронов и казарм до кринолинов и шапокляков.

¹⁰ См., напр.: Leicht lernen mit Eselsbrücken / Hrsg. von E. Wörtmann. Zürich, 2003. S. 33 (впечатляющая коллекция “ослиных мостиков” по самым разным дисциплинам).

¹¹ Русский перевод соответствующих отрывков автобиографии Жан-Поля доступен в кн.: Г. де Бройн. Жизнь Жан-Поля Фридриха Рихтера / Пер. с нем. Е. Кацевой. М., 1978. С. 32–33.

¹² Древние языки в этом отношении вообще выгодно выделяются среди других школьных предметов: ряд стандартных учебников XIX в. вышли из-под пера выдающихся ученых (exempli gratia назовем датчанина Й. Н. Мадвига, немца Г. Курциуса и француза С. Рейнака). Чехов, в чьем раннем фельетоне “Календарь «Будильника» на 1882 г.” есть фраза “30, вторник. <...> В сей

день произошло великое переселение народов, а Кюнер сочинил латинскую грамматику”, вероятно, немало изумился бы тому, что 150-летие “большого” греческого синтаксиса Кюнера было отмечено международной конференцией (см.: In the Footsteps of Raphael Kühner / Ed. by A. Rijksbaron et al. Amsterdam, 1988).

¹³ К примеру, не менее популярная грамматика Карла Цумпта (1818; пять изданий в России с 1832 по 1847 г.) в соответствующем месте предлагала правильные гекзаметры: “Mascula sunt panis, piscis, crinis, cinis, ignis, / Funis, glis, vectis, follis, fascis, lapis, amnis, / sic fustis, postis, sic axis, vermis et unguis...”; при этом “список Цумпта” на четыре слова длинней, чем у Кюнера. “Мы, старики, и доселе носим с собой эту цумптовскую поэзию, как никогда не утрачиваемое сокровище”, — без всякой гордости констатировал один из немецких учителей-реформаторов (Ю. Ротфукс. К вопросу о методике древних языков, в особенности латинского / Пер. с нем. В. Глазкова. М., 1897. С. 9).

¹⁴ Д. С. Мережковский. Собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 308.

¹⁵ Цит. по: В. В. Розанов. Мысли о литературе. М., 1989. С. 412. Схожие проклятия в адрес нашего стишка произносит один из героев романа Болеслава Пруса “Кукла” (1889; ч. 2, гл. 17), вынужденный одолеть весь гимназический курс древних языков за один месяц перед выпускным экзаменом.

¹⁶ Цит. по: В. М. Дорошевич. Рассказы и очерки. М., 1962. С. 194; 196.

¹⁷ Ф. Ф. Зелинский. Древний мир и мы. СПб., 1911³ (репринт — 1997). С. 30. Ср. ехидный отклик на это рассуждение: В. Б. Шкловский. Гамбургский счет. М., 1990. С. 52–53 (указано нам Н. Н. Казанским).

¹⁸ М. В. Добужинский. Воспоминания / Изд. подгот. Г. И. Чугунов. М., 1987. С. 98. Как сообщается в комментариях к этому же изданию, в архиве семьи Добужинского сохранилась магнитофонная запись, на которой восьмидесятилетний художник читает наизусть по-гречески басню Эзопа “Мухи” — тоже, очевидно, затверженную в гимназические годы.

¹⁹ Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове (1896–1969) / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина. М., 2005. С. 127 (письмо к П. Н. Беркову от 29 ноября 1962 г.).

²⁰ Андрей Белый. На рубеже двух столетий / Вступ. ст., подгот. текста и прим. А. В. Лаврова. М., 1989. С. 276.

²¹ Устный рассказ Н. М. Ботвинник, опирающийся на воспоминания ее отца, историка античности М. Н. Ботвинника.

²² В. В. Вересаев. Воспоминания // Собр. соч.: В 5-и тт. Т. 5. М., 1961. С. 40–42. Благодарим В. Б. Жижину, обратившую наше внимание на этот текст.

²³ Уна, duae, tres и т. д. См.: Г. С. Виноградов. “Страна детей”: Избранные труды по этнографии детства / Сост. А. В. Грунтовского, подгот. текстов и комм. А. Ф. Некрыловой. СПб., 1999. С. 238 (в ряду других, значительно менее убедительных реконструкций).

²⁴ В. Willie. Der Glasberg: Roman einer Jugend, die hinauf wollte. Berlin, o. J. S. 136 (кн. 1, гл. “Ikarus”).

²⁵ В. Шрадер. Гимназии и реальные училища. Ревель, 1890. С. 402.

²⁶ Ю. Ротфукс. Указ. соч. С. 89.

²⁷ С. И. Соболевский. Указ. соч. С. 28.

²⁸ Об этом принципиальном методическом недостатке школьных “правил рода” писал И. М. Тронский, подытоживая: “Исторических связей, установившихся между словообразовательными морфемами и родом, эти правила не раскрывают” (И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. 2-е изд., доп. / Под общ. ред. Н. Н. Казанского. М., 2001. С. 318).

²⁹ А. К. Наук. Несколько замечаний о педагогическом значении древних языков. СПб., 1865. С. 14 (отд. оттиск из “Месяцеслова на 1866 г.”).

Рисунки Полины Гармаи, 9 класс

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Богдан Мороз

6 класс

ШЕСТЬ ДРЕВНИХ МУЖЕЙ

I

В сводах подземных, у вод, увлекающих вдаль все живое,
Муж печальный сидит, и его безнадежны стенанья
Вместе с рекой увлекаются дале, куда — неизвестно...

II

Муж у судна родного прилег отдохнуть ненадолго.
Мачта скрипит и валится, и мужа с собой погребает;
Так и слились воедино муж и любимый корабль.

III

Юноша с мужем, на крыльях поднявшись, летят из неволи
К стану родному; но юноша мудрому мужу не внемлет,
Падает камнем к воде и скрывается в волнах пучины.

IV

Муж, прогневив олимпийцев, от них непомерно наказан:
Катит он камень на гору, но камень, у верха срываясь
Вместе с надеждой его, вниз скатившись, мужа ждут снова.

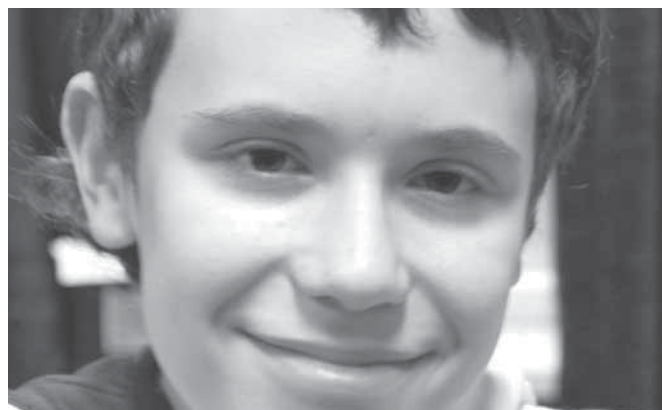
V

Муж из храбрейших с тщеславным ахейцем сражается
в страшной
Битве; он бьется за город родной — не за славу людскую,
Как мздоблюбивый ахеец, чья сила дана лишь богами.

VI

Муж, благодарен тебе я за песни твои неземные,
Сладко звучащие сказы о славных героях ахейских:
Их воспевал ты недаром, ведь это они заслужили!

Фото: В. Б. Жижина, выпуск 2002 г.

ΚΟΝΚΟΥΡΣ ΠΕΡΕΒΟΔΟΥ

Μελεαγρ Γαδάρσκιυ

Влюбленный комару (ΑΡ V, 152)

Πταίης μοι, κώνωψ, ταχύς ἄγγελος, οὔσσι δ' ἄκροις
 Ζηνοφίλας ψάσας προσφιθύριζε τάδε·
 “Ἀγρυπνος μίμνει σε· σὺ δ' ὦ λήθαργε φιλοῦντων,
 εὔδεις'. Εἶα, πέτευ· ναί, φιλόμουσε, πέτευ·
 ἦσυχά δὲ φθέγξαι, μὴ καὶ σύγκοιτον ἐγείρας
 κινήσης ἐπ' ἐμοὶ ζηλοτύπους ὀδύνας.
 Ἦν δ' ἀγάγης τὴν παῖδα, δορᾷ στέψω σε λέοντος,
 κώνωψ, καὶ δώσω χειρὶ φέρειν ῥόπαλον.

Ο быстрокрылый посол! Полети, комар, и до слуха
 Милой моей донеси тихим касанием весть:
 “Ты, Зенофила, легко тех, кто любит тебя, забываешь,
 Нежась в постели, — а он вынужден, бодрствуя, ждать!”
 Ну же, лети, парнасских богинь легкокрылый питомец,
 Эти слова ей тайком, слышно едва, передай.
 Не потревожь ненароком того, кто спит с нею рядом:
 Ревность его, разбудив, против меня ополчишь...
 Друг, приведи мне ее, и тебя награжу я по-царски:
 Шкуру львиную дам, палицу в руки вложу!

Περεβод Наташи Кузнецовой, 9 класс

Быстрый посланник, комар, возвращайся скорей от любимой,
 Но не забудь прошептать так Зенофиле моей:
 “Ты отдыхаешь, забыв, что влюбленный бессонницей мучим?”
 Музы любимец, лети ветра морского быстрее!
 Тихо шепни, а супруга смотри не буди, потому как
 Если проснется — конец: ревность обрушит на нас.
 Если же ты приведешь ко мне Зенофилу, получишь
 Львиную шкуру, еще — палицу будешь носить.

Περεβод Ксении Егоровой, 9 класс

Φοτο: Β. Β. Жижина, выпуск 2002 г.
 Ρисунок Жени Симановского, 5 класс

А. К. Гаврилов

Последний дар Изоры

Памяти Н. М. Ботвинник

Для обвинения Антонио Сальери (1750–1825) в отравлении Моцарта не только не хватает улики, но и само по себе преступление мало правдоподобно. Депрессия и некие самообвинения престарелого Сальери не довод; зато очевидно, что близкое окружение Моцарта не мыслило себе такого, даже и не числа Сальери среди друзей гения.¹ Констанца отдала своего и Моцарта сына учиться у знаменитого итальянца. Положение, творческая жизнь, семейственность Сальери не вяжутся с образом убийцы. Примечательны и триумфы Сальери у публики — как раз незадолго до смерти Моцарта была поставлена его опера “Тарара” (нем. *Tarara*, франц. *Couronnement de Tarare*) по либретто Бомарше, текстами которого пользовались оба композитора; как напоминает Пушкин устами Моцарта, эта опера имела в 1787 г. шумный успех в Париже и в других столицах.² Свою известность Сальери приобрел хоть и не ребенком, как Моцарт, но весьма молодым человеком: показательно, что уже в 1774 г. его “Армида” была поставлена в Петербурге.

В “Моцарте и Сальери” Пушкин выступает не как историк (хотя это ремесло автор “Истории Пугачева” тоже знал); он как поэт принимает, будто отравление имело место,³ и ему необходимо объяснить, (а) почему не только даровитый, но и успешливый Сальери⁴ смертельно завидует Моцарту; (б) откуда у Сальери, который и у Пушкина не выведен простым убийцей, взялся первостатейный яд. Тут-то и появляется некая таинственная возлюбленная Сальери со звучным именем Изора:

Вот яд, последний дар моей Изоры,
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой,
И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю...

Мысль Сальери, как видим, легко переносится с врагов, к которым он — ввиду своей склонности, как сказал кто-то из критиков, к “даровитой зависти” — не раз готов был применить яд, к себе самому: ибо в часы неверия в себя жизнь казалась ему нестерпимой, но он все откладывал и, наконец, почувствовал, что время действовать пришло:

Тогда не пропадешь ты, дар Изоры,
И я был прав! И наконец нашел
Я моего врага...

Большинство читающих эти слова склоняются, кажется, к представлению, что Изора умерла, умерла давно и молодою. И хотя Пушкин не говорит об этом прямо, здесь действует не только похожий рассказ Дон Гуана о рано умершей Инезе из другой “маленькой трагедии”, но и подспудное соображение: станет ли даже романтический герой восемнадцать лет хранить чувство к возлюбленной, которая предпочла ему другого? И хорошо ли, уходя к другому, давать в руки романтическому влюбленному смертельный яд? Это был бы не знак любви, а скорее умышленное убийство. Как бы то ни было, дар Изоры таинствен. Откуда он у нее? За-

М. А. Врубель. Сальери бросает яд в стакан Моцарта. 1889 г.

чем она передала возлюбленному отраву? Наконец, была ли Изора или ее аналог в жизни исторического Сальери?

Первая биография итало-австрийского композитора была издана вскоре после его смерти австрийским государственным секретарем Мозелем,⁵ и с ней мог — хотя бы по откликам — быть знаком Пушкин. Похоже, однако, что ни там, ни впоследствии об увлечениях молодого Сальери и тем более о женщине с экзотическим именем Изора не сообщалось.

Отравление почти наверное не исторично, а персона, снабдившая талантливого и ревнивого итальянца ядом, вымышлена подавно. И что это за имя — Изора? Акад. М. П. Алексеев в своем комментарии к “Моцарту и Сальери” говорит, что оно южно-французское, не высказываясь о том, сам ли Пушкин подобрал его или у композитора-итальянца действительно была подруга, происходившая из этих краев.⁶ В качестве исторической персоны, носившей это имя неясного происхождения,⁷ энциклопедические словари называют обычно Клеманс-Изору (по-франц. Clémence-Isaure, на ме-

Е. И. Колосова-старшая

Е. И. Истомина

стном наречии Doña Clemenza Isaura). Личность этой дамы, жившей, как рассказывают, в XIV–XV вв. в Тулузе, обросла легендами, вошедшими в историю провансальской поэзии. Из Collège (или Académie) du gai s(ç)avoir, куда она входила, выросли знаменитые Jeux floraux на юге Франции.⁸ Умирая, пятидесятилетняя Клеманс-Изор оставила капитал, из которого с XVI в. берутся средства для устройства поэтических состязаний в Тулузе: в награду победители получают венки из всяческих цветов.⁹

Область, где Изоры жилали всего чаще, — это театральные подмостки с конца XVIII в. до начала XX в. Так, до времени создания пушкинского “Моцарта и Сальери” (начато в Михайловском в 1826 г., завершено в Болдино в 1830 г.) обнаружим в музыкальном театре Европы следующие пьесы, имевшие героинь с этим именем: (а) Леблан (Leblanc), феерия “Зачарованный лес, или Изора и Флорестан” (*La Forêt enchantée, ou Isaure et Florestan*; Париж, 1800); (б) Джоаккино Россини, “Танкред” (1813, переработка одноименной пьесы Вольтера; Изора – верная подруга героини); (в) Джакомо Мейербер, “Маргарита Анжуйская” (1820; жена влюбленного в королеву полководца Изора спасает и его, и королеву); (г) “Изора” Адольфа Адана (Adam), поставленная в Па-

Большой театр в Петербурге. Акварель первой четверти XIX в.

риже в 1829 г. и едва ли успевшая обратить на себя внимание Пушкина — в отличие от перечисленных выше пьес, которые, как правило, незамедлительно появлялись на сценах главных европейских столиц, а значит, и Петербурга.¹⁰

Особого внимания заслуживает (д) произведение популярнейшего в пушкинское время композитора. Друг Вольтера и поклонник Руссо, Андре Эрнст Модест Гретри (1741–1813) был автором множества опер (среди прочих “Петр Великий”) и замечательных записок.¹¹ Его поставленная в Париже в 1789 г. опера “Рауль Синяя Борода” (*Raoul Barbe Bleue*) послужила основой и для балета, именовавшегося “Рауль де Креки (Синяя Борода)”. Либретто “комической оперы” следовало тексту Мишеля Седена (1719–1797),¹² ко-

торый много способствовал расцвету этого жанра во Франции. Сказанного достаточно, чтобы почувствовать, что Изора в начале XIX в. — живое сценическое имя, несущее с собой атмосферу женственности, свежести, верности,¹³ впоследствии, как водится, эволюция пошла в направлении иронии.¹⁴ Возможно, на Седена, который ввел имя в сюжет Синей Бороды, повлияло то, что героя начали отождествлять со средневековым и югом Франции: Barbe Bleue это, будто бы, Жиль де Рэ (Gilles de Rais, Retz и т. п.; †1440).¹⁵ Поскольку в Тулузе была жива память Клеманс-Изоры, последней жене Синей Бороды это имя и подошло.

Героиня “Синей Бороды”, которая у Шарля Перро (1628–1703) была безымянной, пожалуй, примечательнее прочих Изор: она стоит в центре действия, черты ее запоминаются. Любопытство и запретный ключик, ведущий в комнату, где уже наказаны шесть прежних жен; спасение, в последнюю минуту приходящее от близких; сестра Анна стоит на башне, чтобы высмотреть, скадут ли на выручку братья: “Ma sœur, ne vois-tu rien venir?..”¹⁶

Шарль Перро был рыцарем новой Европы, вызвавшим на поединок самую классическую древность.¹⁷ Его героиня — воплощение женственности. Обратим внимание на то, что

сказку в изложении Перро обогащает — как ни старался он их ниспровергнуть — переключка с шедеврами древних: имя и образ преданной сестры взяты из “Энеиды” Вергилия (IV, 9), где *Anna soror* — хрупкая опора гибнущей Дидоны.¹⁸ При этом впечатление парадоксальным образом едва ли не увеличивается из-за того обстоятельства, что у Перро представленная только в эпизоде сестра получила имя, между тем как героиня остается женщиной вообще. Пружинной действия является, если вдуматься, не столько любопытство (вспомним Аглаву аттических мифов), сколько готовность нарушить запрет, которая, как у Евы, Лотовой жены, Пандоры и Психеи, ведет к строгим испытаниям.¹⁹

Не так у Седена. Волшебная сказка подана социально: Французская революция стояла у ворот. У Изоры есть возлюбленный, Вержи, но дворянству его каких-нибудь пятьсот лет, а братья героини хотят выдать сестру за

настоящего дворянина, Рауля де Креки, род которого “теряется во мраке веков” (“se perd <...> dans la nuit des temps”). Изора видит роскошные подарки, колеблется. После заключения брака старый друг, Вержи, появляется в замке, переодетый покойной сестрой Анной. Изора заходит в таинственный кабинет... Затем угроза смерти и вопрос Изоры “Ma sœur, ne vois-tu rien venir?”, а пока скинувший женскую одежду Вержи бьется с Раулем, являются защитники Изоры, и народ, славя любовь между полами, приветствует падение тирана.

В опере или балете о Синей Бороде на музыку Гретри (которая, видно, исправляла то, что было испорчено в либретто), Изору на русской сцене исполняли многие балерины и певицы задолго до того, как Пушкин появился в театральном кресле.²⁰ По-французски “Рауля” давали в Петербурге уже в 1798 г.: в опере “Рауль (де Креки) Синяя Борода” Изору пела м-м Шевалье из французской труппы и другие. В русской обработке²¹ эту партию в январе 1815 г. исполнила Е. С. Сандунова, а в 1817 г. — А. С. Лебедева.

В пантомимном балете “Рауль де Креки” Изору долго и с успехом танцевала Е. И. Колосова-старшая (1780–1869), ученица великого Дидло и И. И. Вальберха.²² Хотя с Изорой в 1817 г. дебютировала А. А. Лихутина, Колосова еще в 1819 г. поражала зрителей своей игрой. Эту роль она исполнила и на своем бенефисе в 1823 г.; одиннадцать лет спустя С. Т. Аксаков находит “Рауля” избитым, но все еще сносным. Появлялись на сцене и другие Изоры: так, Нимфодора Семенова-мелкая выступала как Изора в опере “Волшебный лес, или Спящая красавица” (1821), а певица Монруа (М. Ф. Шелехова) — в водевиле “Дом сумасшедших” на текст и музыку А. Н. Верстовского (1822).

Бурная юность и артистическое становление Пушкина пришлись на ярчайшее время русской сцены. Поэт был то, что с европейской галантностью называлось “почетный гражданин кулис”. Искусство молодых исполнительниц пробуждало страсти и нередко приводило к дуэлям. Пушкин воспел Авдотью Истоминову (1799–1848) в известных строфах “Евгения Онегина”; пока он был в ссылке, она танцевала в балетах по его произведениям. Пушкин не мог, конечно, забыть *partie carrée* (дуэль с четырьмя участниками),²³ которая состоялась из-за Истоминовой: В. В. Шереметев был убит в первом поединке, а Грибоедову бретер А. И. Якубович пулей повредил кисть во втором, отложившемся.

В 1817–1819 гг., едва ли не каждый божий вечер бывая в театре, Пушкин увлекается многими исполнительницами. Это Катерина Семенова-ст. (р. 1786), мать и дочь Колосовы и другие. Мы видели, однако, что на протяжении этих трех лет различных Изор исполнил целый ряд актрис. Трудно выбрать ту постановку и ту исполнительницу, которая явилась воображению Пушкина болдинской осенью, когда он передал вымышленной им возлюбленной Сальери это имя. Возможно, что, говоря о “моей Изоре”, он вспоминал какую-нибудь из них, но образ мог рисоваться ему без отчетливости. Тем менее возможна определенность для нас. Несомненно лишь то, что, вводя

в свою пьесу имя Изора, Пушкин оживлял свою театральную юность. Обдумывал ли он, какую роль приписать Изоре в судьбе Сальери? Пушкин точно чувствовал, что эстетические предметы обладают избирательной, зато глубинной реальностью.

Теперь подумаем: чему служит указание, что разлука Изоры и Сальери имела место, будто бы, восемнадцать лет назад? Ведь Пушкин не пренебрегал деталями такого рода:²⁴ Моцарт умирает в 1791 г., Сальери в это время сорок один год; если у него была возлюбленная, то легче всего представить себе его раннюю

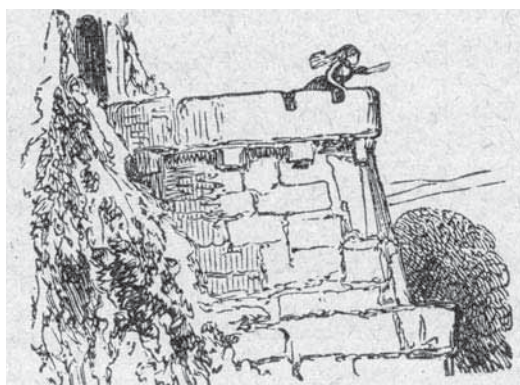
молодость, например, когда ему было немного за двадцать. Важен *порядок* цифры “осмнадцать”, как бы ни соблазнительно было пойти на арифмологические вычисления ради отождествления исторических лиц. При этом число 18 нравилось поэту, как заметно из ряда пушкинских пассажей.²⁵

Исследователи, исходящие из мысли, что Изора умерла в юности, выделили у Пушкина мотив умершей подруги.²⁶ Из биографии поэта известно, что в пору формирования замысла и до 1830 г. его не оставляло впечатление от смерти Амалии Ризнич.²⁷ Умершая молодая возлюбленная представлена, как уже упоминалось, и в “Каменном госте”, завершено то же болдинской осенью: “Бедная Инеза! / Ее уж нет! Как я любил ее!..” (и далее подробно о судьбе Инезы, очень похожей на обстоятельства Ризнич). Сравнение Изоры из “Моцарта и Сальери” с Инезой “Каменного гостя” наводит на следующие соображения: (а) в мотиве ранней смерти Изоры присутствует воспоминание о Ризнич; (б) не обрисована ли Изора “Моцарта и Сальери” столь кратко как раз оттого, что ее аналог в “Каменном госте” получила характеристику едва ли не избыточную для фигуры второго плана?²⁸

Кроме ранней смерти, Изору характеризует обдуманый дар возлюбленному при прощании.²⁹ Если первое ско-

Е. К. Воронцова
Рисунок Пушкина

Ж. Дезандре. Иллюстрация к “Синей Бороде”
Шарля Перро

Амалия Ризнич
Рисунок Пушкина

рее всего идет от судьбы той же Ризнич, то второе напоминает Е. К. Воронцову, которая передала поэту, вынужденному (в немалой степени из-за нее же) оставить Одессу, перстень-талиман против несчастной любви.³⁰ Это была вторая травма одесского периода жизни Пушкина, и было бы естественно для алхимии артистического духа превратить это в золото творчества.

Что касается трагико-романтической окраски “дара” Изоры, то от одноименных театральных героинь это не идет и на Медею или Деяниру с их ядовитыми одеяниями (“покров, упитанный язвительно кровью”) также не похоже. Между тем есть (по наблюдению М. П. Алексеева) небольшое, но прославленное произведение, где мотив последнего подарка при расставании с другом — на всю его жизнь в конце краткой своей — составляет самую суть повествования. Это славная баллада Гете *König in Thule*, вошедшая в “Фауста”, а потому особенно широко усвоенная во всех европейских литературах.³¹ Общее не только то, что молодая подруга умирает раньше возлюбленного, а то, что он свято хранит ее дар и что дар этот, связанный с испытанием из кубка, венчает его судьбу (а как иначе в *Ultima Thule*?).

Итак: благодаря тяжкому, но артистически преодоленному опыту в Пушкине жил образ ушедшей подруги и, наряду с сомнениями в любви, вера в ее величие. То, что Пушкин уступает Сальери этот опыт, придавая метафизическому завистнику нечто романтическое помимо его завистливой страсти, делает героя более человеческим. В одной этой едва заметной черте, введенной в сюжет “Моцарта и Сальери” Пушкиным, обнаруживаются, можно сказать, инкрустации как из всемирной литературы, так и из жизненного опыта автора. Литературно это Гете со своей балладой и — более отдаленно — традиция, связанная с сюжетом о Синей Бороде.³² Экзистенциально в одной только рассматриваемой здесь детали из квази-биографии Сальери ощущается, как будто, память рано умершей Амалии Ризнич, а рядом с этим воспоминание о Е. К. Воронцовой-Браницкой (“Элизе”) — двух именах, стоящих рядом в так называемом “дон-жуанском списке” Пушкина.

И уж вполне надежно то, что само имя героини идет из “волшебного края” петербургских театральных подмостков. В итоге подтверждается, что в рассматриваемом узелке мотивов Пушкин не ищет исторического знания о Сальери, а создает художественные детали, взятые из собственного — жизненного или литературного — опыта. Зачем мы так вглядываемся в эту артистическую мозаику *in statu nascendi*? На подобный вопрос сам же Пушкин ответил известными словами (VIII, 1, 13): “Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная”.³³

Г. Доре. Иллюстрация к “Синей Бороде” Шарля Перро

¹ Защита Сальери против сюжета пушкинской “драмолеты” — такое имя немцы применяют иногда к жанру “маленьких трагедий” Пушкина: *V. Braunbehrens. Salieri: Ein Musiker im Schatten Mozarts. München, 1989.*

² Другой, очень близкий вариант известен под названием *Axur, re d’Ormus*. Влюбленный царь пытается отнять у полковника Тарары жену (мотив Давида и Урии из Второй Книги Царств), однако народ наконец возмущается, царь наказан, а Тарара коронован революционной толпой где-то на Персидском заливе.

³ Обвинение Сальери в убийстве Моцарта связывают с публикацией, как выразился Пушкин, в “некоторых немецких журналах” — что, надо думать, отразилось в богатой франко- и немецкоязычной петербургской прессе (о поисках источников, из которых эта легенда могла стать известна Пушкину, см. детальную сводку в комментариях М. П. Алексеева к “Моцарту и Сальери”: *А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1935. С. 525 слл.*). Об исторической стороне отношений Сальери и Моцарта см.: *А. Г. Горнфельд. “Моцарт и Сальери” // А. С. Пушкин. Собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 3. СПб., 1909. С. 120.*

⁴ *R. Angermüller. Antonio Salieri: Sein Leben und seine weltlichen Werke unter besonderer Berücksichtigung seiner “großen” Oper. München, 1971. Bd 1–3.*

⁵ *I. F. Edler von Mosel. Über das Leben und Werke des Antonio Salieri. Wien, 1827.* У Б. Л. Модзалевского (Библиотека Пушкина. СПб., 1910) такой книги не числится; следует учитывать, впрочем, что круг чтения владельца библиотеки не всегда совпадает с составом его домашних книг.

⁶ *М. П. Алексеев. Указ. соч. С. 537–538.*

⁷ *A. Dauzat. Les noms de personnes: Origine et évolution. Paris, 1925* (и множество переизданий). Имя *Isaure*, указывавшее на Исабрию в Малой Азии, было сперва мужским и один святой носил его. Затем имя стало женским. Надежной этимологии нет, но правдоподобно происхождение от малоазиатского топонима / этнонима, распространившегося в Средиземноморье.

⁸ См. статью “Изора” в словаре Брокгауза — Эфрона; *Biographie universelle. Т. 8. Paris, 1854. P. 386–388; La Grande Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences (1751–1780). Т. 11. P. 62–63* (эта энциклопедия, творами которой были энциклопедисты, у Пушкина была — он выиграл ее в карты).

⁹ *V. Poitevin-Poitavi. Mémoires pour servir à l’histoire des Jeux floraux. Vol. 1–2. Toulouse, 1814.*

¹⁰ В 1839 г. Адан посетил Петербург, где в 1842 г. была поставлена прославившая его и русский балет “Жизель”.

¹¹ *А. Гретри. Мемуары, или Очерки о музыке. Т. 1. М.; Л., 1939* (в оригинале три тома). Может быть, из-за Гретри с его Изорой и сегодня в Бельгии имя *Isaura* носят шоколадные конфеты. Гретри известен у нас благодаря песенке старой графини в “Пиковой даме”, взятой Чайковским из его оперы “Ричард Львиное Сердце” (в СПб. поставлена в 1795 г., по-русски — в 1815 и 1817 г.).

¹² *M. Sedaine. Œuvres choisies. Vol. 3. P. 243–297.* Об истории создания и постановки см.: *G. Brandstetter. A.-E.-M. Grétry // Pipers Enzyklopädie des Musiktheaters. Bd. 2: Werke. München; Zürich, 1987. S. 576–579.* Ср. также “Письма русского путешественника” Н. М. Карамзина (письмо от 29 апреля 1790 г.).

¹³ Изоры мелькают на подмостках и позже: Верди, “Иерусалим” (1843); оперетта Оффенбаха “Ritter Blaubart” (1866); у Галлеви — Мейлака в оперетте “Barbe-Bleue” так именуется одна из первых жен. На грани XIX–XX вв. Изору танцевали лучшие балерины этого времени. В русском художественном обиходе имя Изоры появляется в драме Блока “Роза и крест”.

¹⁴ Анатоля Франса этот сюжет вдохновил на пародийное исследование “Семь жен Синей Бороды по подлинным документам”. Опереточную традицию обыгрывает и молодой А. П. Чехов (“Сапоги”; “Мои жены: Письмо в редакцию Рауля Синей Бороды”).

¹⁵ *Abbé Bossard. Gilles de Rais, maréchal de France, dit Barbe bleue. Paris, 1886.*

А. П. Глушковский в роли Рауля де Креки *Конец 1820-х гг.*

¹⁶ Старый русский перевод: *Перольт*. Волшебные сказки, или Приятное занятие от нечего делать / Пер. с фр. Баранов. М., 1825.

¹⁷ Спор о древних и новых / Сост., вступ. ст. В. Я. Бахмутского. М., 1985.

¹⁸ Эта деталь имела власть над воображением Тютчева, как показывает письмо поэта к дочери Анне (см.: *Ф. И. Тютчев*. Стихотворения. Письма / Вступ. ст., подгот. текста и прим. К. В. Пигарева. М., 1957. С. 457); то же относится к Анне Ахматовой (1922): “Как седьмая всходила на лестницу / Как сестру молодую звала...”.

¹⁹ Тайну впечатления, которое оставляют на детей всего света сказки Перро, пробовали объяснять некоей архетипичностью — происхождением из глубин человеческого сознания. Не обошлось без солярной теории: Синяя Борода это, конечно, солнце (*lucus a non lucendo!*); семь жен, наверно, семь планет и т. п. Есть, наоборот, и обыденные объяснения: синяя борода оттого, что персонаж всегда был чисто выбрит.

²⁰ *Л. П. Гроссман*. Пушкин в театральных креслах: Картины русской сцены 1817–1820-х гг. СПб., 2005² (1926¹). Незаменим, конечно, труд П. Н. Арапова “Летопись русского театра” (М., 1861).

²¹ Опера “Рауль”, пер. либретто Ар. Лукницкого (1808); танцы в опере ставили те же балетмейстеры (*П. Н. Арапов*. Указ. соч. С. 275; ср. с. 235, 253, 348, 305 и др.).

²² “Рауль де-Креки, или Возвращение из крестовых походов”, балет в 3-х действиях (Петербург, 1807 г.); “Рауль Синяя Борода, или Опасность любопытства”, муз. Гретри и К. Кавос (Петербург, октябрь 1807 г.; Москва, февраль 1808 г.). Описание игры Колосовой-Изоры: *А. П. Глушковский*. Воспоминания балетмейстера. Л.; М., 1940. С. 186.

²³ О наброске “Две танцовщицы” (*Les deux danseuses*, 1834–1835) см.: *Л. П. Гроссман*. Указ. соч. С. 78–83.

²⁴ Ср. авторское прим. 17 к “Евгению Онегину”: “Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю”.

²⁵ Лауре в “Каменном госте” “осмнадцать лет”, как она сообщает в сцене с Дон Карлосом; ср. “Роман на Кавказских водах” (1831): “В эту минуту девушка лет восемнадцати...” (VIII, 1, 413); кабинет Онегина описан, когда тому было “осмнадцать лет” (гл. I, стр. 23), а Ленскому именно столько в момент действия (гл. II, стр. 10; гл. VI, стр. 10); другие примеры см. в “Словаре языка Пушкина”, ss. vv. *осмнадцать, осмнадцатый*.

²⁶ *О. С. Муравьева*. Образ “мертвой возлюбленной” в творчестве Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 24. Л., 1991. С. 17–28.

²⁷ *П. Е. Щеголев*. Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина (1904) // *П. Е. Щеголев*. Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931³. С. 255–275; ср.: *П. К. Губер*. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. Пб., 1923. С. 102–114.

²⁸ Героиня с именем Инезы выступала в опере “Бакалавр саламанский” (*П. Н. Арапов*. Указ. соч. С. 337). Был и балет “Инесса де Кастро” (поставлен в 1802 г.).

²⁹ Мотив отыскивается и в литературе, его можно назвать буколическим (*Verg. Ecl. 2, 38*; ср. *Theocr. 1, 128 sqq.*).

³⁰ Об этом перстне см.: *П. К. Губер*. Указ. соч. С. 136. О границах циклов, посвященных Ризнич и Воронцовой, пушкинисты спорят.

³¹ Музыкальных обработок баллады у композиторов, включая и русских, к 1830 г. было множество; особенной известностью пользовался романс К. Ф. Цельтера (1812). В 1816 г. музыке к этому тексту написал Шуберт (*В. М. Жирмунский*. Гете в русской литературе. Л., 1937. С. 213).

³² Яд в концовке “Ромео и Джульетты”, хоть и служит средством развязки, играет, мне кажется, более прагматическую роль; влияние Шекспира на “Моцарта и Сальери” сказалось скорее в сцене коварства мнимого друга из “Отелло” (акт III, сц. 3).

³³ Сведения по истории западноевропейского театра автору сподручно было собирать в библиотеке Wissenschaftskolleg (Берлин), пользуясь помощью Frau G. Bottomley и ее сотрудниц.

Шарль Луи Дидло

Carmina Rutenica

Перевод на латынь Дениса Кейера, выпуск 1996 г.

А. С. Пушкин

“Город пышный...”

Aedes beatas inter et indigas
iam non morabor: sub Iove pallido
innixa linquantur superbis
mox iuga servitii columnis.

Languore torpens urbs igitur vale,
quam frigus atque strata premit silex,
unius ob flavam puellae
cara comam teretesque suras.

Е. А. Баратынский

Ропот

Undique cur volitans, aestatis pestis amoena,
nunc os nunc digitos, musca molesta, meos
vexas? Unde tibi, qua rumpis inulta puellae
amplexus avidos Pegasidumve modos,
cuspis? Mollitiae Graiae modo mitis alumnus
iam Scythia letifero Marte frui propero.

В. Я. Брюсов

“О, закрой свои бледные ноги”

Protinus, obtestor, pallida crura tege!

В. В. Маяковский

“Ешь ананасы...”

Poma vel Hesperidum turdis epulatus obesis
mande: suprema dies iam tibi, dives, adest.

И. А. Бродский

Из “Писем римскому другу”

Hic iacet ex Asia nostras advectus in oras
mercator, latuit qui bene lucra ferens.
Occubuit subita consumptus febre. Quid ergo?
Hinc iter extremum ut pergeret, huc ierat?
Quem iuxta scabri veteranus pondere saxi
innumeris premitur motus in arma locis.
Exitio totiens aversum cana premit
aetas: nulla regit, Postume, lex obitum.

Гораций. “Сатиры”, II, 1

Коллективный перевод Лизы Арыслановой, Наси Ваньковой, Эли Гребенкиной, Тани Климониной, Даши Парфеновой, Иры Разумовской, Рены Словесной, Ани Фатеевой, 11 класс

— “Много таких, кто считает, что слишком в сатире я резок
И из законных границ выхожу самовольно; а прочим
Все, что я ни пишу, покажется жизни лишенным:
Дескать, такие стихи сочиняют по тысяче за день.
Что же мне делать, Требаций, скажи?” — “Оставаться в покое”.
— “То есть совсем не писать?” — “Не пиши”.

— “Провалиться мне, если

Это не лучший совет; но как я с бессонницей слажу?”

— “Ежели кто желает уснуть, пускай, умастившись,
Трижды плывет через Тибр, а после на ночь желудок
Чашей вина ублажит — и сон глубокий обрящет.
Если же хочешь писать, посвяти себя лучше иному:
Цезаря подвиги пой, и за труд получишь награду”.

Царь и отец мой Юпитер! Пусть меч погибает без дела,
Ржавчиной съеден: себе и другим я мира желаю!
Тот же, кто тронет меня (заявляю, что лучше не трогать),
Горько будет рыдать, станет притчею в городе целом!
Цервий обидчику в гневе грозит законом и урной;
Медленным ядом — Канидия; Турий-судья — приговором.
Стало быть, каждый на свете врагов отгоняет, как может:
Это веленье природы. Давай-ка вместе рассудим:
Волк нападает клыком, а вол бодается рогом;
Кто подсказал им использовать это оружие? Природа.
Сцеве-кутиле отдай под опеку старую маму —
Руку, конечно, свою от убийства удержит прямого
(Волк не лягает копытом, а вол не укусит зубами) —

— “Я и рад бы, отец; да не каждому, видно, дается
Воинский строй описать со стеною трепещущих копий,
Галлов в зияющих ранах, чьи сломлены древки, и парфов,
Сбитых с коней...” — “Если так, то лучше Цезаря стойким
И справедливым предствав, как Луцилий-мудрец —
Сципиона”.

— “Дело не станет за мной, коли выдастся случай; иначе
Флакковы строки, боюсь, не дойдут до ушей августейших.
Он как конь норовистый: некстати погладишь — брыкнется”.

— “Лучше уж так, чем сварливо срамить Номентана-лентяя
И Пантолаба-шута. О себе беспокоится каждый:

Тот, кого ты еще даже не тронул, — уже ненавидит”.

— “Что же мне делать прикажешь? Милоний пляшет,

чуть только

Голову хмель одурманит и лампы в глазах задвоятся;
Кастор любит коней, его близнец — потасовки,
Радует разное всех: что голов, увлечений на свете!
Мне же милее слова заключать в соразмерные стопы;
Тем же грешил и Луцилий, когда сравненья уместны...
Вышла удача в делах или промах какой совершил он —
Все доверял одним лишь стихам, товарищам верным:
Как на обетной табличке, вся жизнь пожилого поэта
Явлена в книгах его. Я Луцилию следую в этом —
Хочешь, луканцем меня назови, а то апулийцем
(Ибо меж двух границ земледелец Венузии пашет,
Посланный в эти края, как гласит неложно преданье,
После изгнания сабеллов — затем, чтоб чрез земли пустые
Не налетели на римлян враги, если вдруг возжелает
Род апулийский, а может, луканский, померяться силой).
Но никогда никого не уколует первым мой стилос:
Пусть охраняет меня, как клинок, таящийся в ножнах.
Стану ль его обнажать, если нет от злодеев угрозы?

С медом смешает цикуту и живо получит наследство.
Скажем короче: ждет ли меня безмятежная старость
Или же смерть чернокрылая над головою кружится,
Жалкий, всевластный ли, в Риме, в изгнании —

как доведется —

Жизнь во всех ее красках описывать буду.” — “Мой мальчик,
Ты не дотянешь, боюсь, до седин и в скорое время
Холодность знатных друзей испытаешь”. — “Но как же

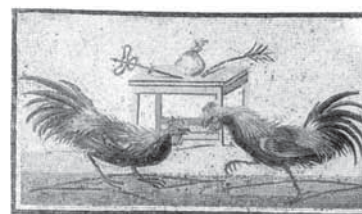
Луцилий,

Первым сатиры начавший писать, отважился смело
Маску сдирать с того, кто под ней безобразен? А Лелий
Или герой, получивший прозвание от стен Карфагена, —
Гневались разве они, когда Метелла и Лупа
В едкой сатире Луцилий дразнил оскорбительным слогом?
Нет, порицал он свободно и знать, и народ без разбора,
Лишь справедливость щадя и ее друзей благородных.
Кроткий Лелий-мудрец, Сципион, добродетелью славный,
Скрывшись от шумной толпы и глаз народа, любили
Запросто с ним поболтать, пока не сварилась похлебка.
Пусть не сравнюсь я с Луцилием ни дарованьем, ни родом,
Славных мужей собеседником быть доводилось и Флакку.
Даже завистники это едва ли оспорить возьмутся:
С виду я хрупок, но если укусишь — наткнешься на камень.
Хочешь поспорить, ученый Требаций?” — “Да нет, соглашаюсь.
Только, прошу, берегись, чтоб незнание священных законов
Не довело до беды и чреватой расходами тяжбы:
Если поэт сочинит дурные стихи про кого-то,
Тотчас сходитсся суд, чтоб к ответу призвать виршеписца”.
“ — Если дурные — пускай; но если напишет он складно,
Так, что и Цезарь похвалит? Если, сам без порока,
Будет позорить лишь тех, кто и вправду позора достоин?”
“ — Смехом окончится суд, и домой возвратишься оправдан”.

AGONALIA

Артеми́й Григо́рьев

11 класс

ТРУБА-В-ТРУБЕ: Игра, за которой будущее

Про наш класс нельзя сказать, что он отличался примерным поведением или особым прилежанием в учебе. Ни того, ни другого у нас никогда не было. Зато мы моментально загорались различными идеями и делали все возможное для их воплощения. Так, одним из первых наших увлечений была газета “610”, которую мы выпускали еще в далеком пятом классе. Были там ошибки и опечатки, мало кому интересная информация про “Маленьких угонщиков”, первые навыки работы с MS Word... Потом мы решили замахнуться на мировое пространство: создали и долго мучили сайт газеты в интернете, меняя дизайн чаще, чем содержимое. Это доставляло нам неописуемое удовольствие, и теперь ни один наш “проект” не обходится без своего кусочка всемирной паутины.

Как-то раз, желая присвоить переводы Цезаря, сделанные альфа-классом, мы приписали под ними, что все права принадлежат betacompany. Это название настолько укрепилось в наших головах, что с тех пор все наши затеи проводятся под эгидой betacompany. После газеты были победа на этническом фестивале, сайт класса, чемпионаты по футболу и настольному хоккею, магнитофон и *System of A Down* каждую переменную, различные видеоролики, неудачное участие в конкурсе сайтов и еще многое, о чем я забыл. Но почти все из перечисленного заканчивалось так же стихийно, как и начиналось: не было ничего, что могло бы привлечь абсолютно всех. И наконец оно появилось.

Дело было во время урока русского языка 23 октября 2007 г., когда мы смотрели фильм “Бег” по пьесе Булгакова. Смотрели, конечно, не все. В 35-м кабинете после этнического фестиваля в углу аккуратно лежали загадочные сантехнические снасти: две длинные (по два метра) пластмассовые трубы и небольшой обрезок меньшего диаметра. Сначала две большие трубы стали саблями в руках оставленных без присмотра гимназистов: сражались по-дружески, но яростно, используя стулья в качестве импровизированных щитов. На смену поединкам пришел “танк” — большая труба исполняла роль дула, а об-

резок — снаряда. Запускать его руками оказалось совсем не интересно. А тут еще и книга Остера “Вредные советы” попала на глаза. Нет, советов мы там не нашли, зато бита из нее получилась хорошая. Наконец, обстреливаемому надоело пассивное положение и, вооружившись вторым томом, он стал накрывать вылетающий снаряд с противоположного конца трубы.

Pipe-in-pipe (труба-в-трубе, пайп) — официальное название игры.

Большой пайп — большая труба, внутри которой перемещается маленькая.

Малый пайп — маленькая труба.

Деки (2 шт.) — “биты”, при помощи которых игроки направляют малый пайп внутрь большого.

Пайп-мэн — игрок в пайп.

Подача — начало розыгрыша: подающий ударяет деком по малому пайпу, вставленному на часть своей длины внутрь большого.

Пайп-аут — игровая ситуация, когда малый пайп вылетает из большого со стороны одного из игроков.

Эйс — пайп-аут при подаче; малый пайп при этом не касается дека соперника подающего.

Пайп-ин — игровая ситуация, при которой малый пайп “застревает” внутри большого.

Εύρηκα! Одна и та же мысль появилась в умах нескольких человек. А что, если “дуло” положить на парту, вооружиться книгами и гонять маленькую трубу внутри большой? Сказано — сделано. Новое изобретение захватило всех; мы играли, так и не сформулировав толком правил, только ради того, чтобы играть. Каждый хотел ощутить себя частью нового творения.

Казалось бы, идея игры есть, все остальное должно пойти само собой, без особых трудностей. Мы даже название придумали броское, запоминающееся — pipe-in-pipe (англ. “труба-в-трубе”). Однако без проблем не обошлось. Самым тяжелым оказалось переместить инвентарь из 35-го в наш 23-й кабинет. Это заняло без малого три месяца! Но наконец все формальности были улажены и настала пора браться за дело. Были придуманы несложные правила и терминология. “Вредные советы” были заменены “деками” — фанерными дощечками, обмотанными тканью для уменьшения шума от ударов. Мы начали чемпионат: согласно регламенту, каждый из десяти пайп-мэнов должен был сыграть с каждым по две игры (один раз подавая первым). Играли мы на переменах, а в остальное время с жаром обсуждали возможные исходы ближайших матчей и турнирное положение.

Пайп захватил не только наш класс, но множество других гимназистов (и даже некоторых учителей). Как это бывает в любом уважающем себя виде спорта, появились видеозаписи матчей, интервью с болельщиками и игроками. Наконец, был создан официальный сайт, теперь расположенный по адресу pipeinpipe.info: там вы можете найти подробное описание

Увенчание эфеба
Фрагмент мраморного рельефа.
Афины, II в. до н. э.

Игра начинается с подачи одного из игроков. Дальнейшая задача каждого пайп-мэна — направить малый пайп обратно в сторону соперника так, чтобы тот не смог его отбить, и остерегаться при этом пайп-ина.

За эйс и пайп-аут начисляется по одному очку; за пайп-ин начисляется одно очко сопернику.

Следующим подает тот игрок, ближе к которому расположен малый пайп после предыдущего розыгрыша.

Игра идет до 5 очков. Если на момент получения игроком пятого очка его перевес составляет хотя бы 2 очка (победные счета: 5:0, 5:1, 5:2, 5:3), он становится победителем матча. Если же разрыв меньше вышеуказанного (счет 5:4) и следующее очко выигрывает тот же игрок (6:4), победа присуждается ему. Наконец, если счет сравнивается (5:5), то далее игра идет по теннисному принципу “баланса”.

Напр., после серии 5:5 → 5:6 → 5:5 → 6:5 → 9:5 победил первый игрок. (Число 9 в таком случае является показателем не количества выигранных очков, а победы.)

игры, календарь событий, видеоролики матчей, статистику и др. Прерванный на лето чемпионат betacompany должен возобновиться в ближайшее время. Сейчас он находится на стадии полуфинальных игр “Финала четырех лучших” по итогам регулярной части. Возможно, что на тот момент, когда статья выйдет в свет, эти матчи будут уже сыграны. Это не важно. Важно то, что пайп продолжает развиваться. Продолжает существовать игра, сочетающая в себе азарт и сосредоточенность, авантюризм и тонкий расчет. Игра, всю красоту и простоту которой невозможно описать словами.

Федерико Гарсиа Лорка

Песня всадника

Перевод с испанского Александры Горбовой, выпуск 2005 г.

Кордова.
Вдали, одинокая.

Черен конь, луна огромна,
горсть маслин в седельной сумке.
Хоть и знаю я дорогу,
не быть никогда мне в Кордове.

По равнине и по ветру —
черен конь, луна багрова,

смерть глядит не отрываясь
на меня со стен высоких Кордовы.

Ай, далёко же мне ехать!
Ай, норовист конь мой быстрый!
Ай, и смерть ждет не дождется
Меня по дороге в Кордову!

Кордова.
Вдали, одинокая.

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Денис Кирьянов

10 класс

Боевая колесница у Гомера: такси или тачанка?

В этой статье речь пойдет о тактике колесничного боя, описанной у Гомера. Изначально предполагалось сравнить функции боевых колесниц у разных цивилизаций бронзового и железного веков; конечной целью, однако, стал детальный анализ смысла одного пассажа из четвертой песни “Илиады”.

Агамемнон устраивает смотр войска перед битвой. Когда он подходит к Нестору, тот строит своих воинов и отдает им распоряжения (II. IV, 297–309):

Ἴππηϊας μὲν πρῶτα σὺν ἵπποισιν καὶ ὄχεσφι,
πεζοὺς δ' ἐξόπιθε στῆσεν πολέας τε καὶ ἐσθλοὺς
ἔρκος ἔμεν πολέμοιο· κακοὺς δ' ἐς μέσσον ἔλασσεν,
ὄφρα καὶ οὐκ ἐθέλων τις ἀναγκαίῃ πολεμίζοι.
Ἴππεῦσιν μὲν πρῶτ' ἐπετέλλετο· τοὺς γὰρ ἀνώγει
σφοδρὰ ἵππους ἐχέμεν μηδὲ κλονέεσθαι ὀμίλῳ·
μηδὲ τις ἵπποσύνην τε καὶ ἠννορέφῃ πεποιθὼς
οἷος πρόσθ' ἄλλων μεμάτω Τρῶεσσι μάχεσθαι,
μηδ' ἀναχωρεῖτω· ἀλαπαδνότεροι γὰρ ἔσεσθε.
Ὅς δέ κ' ἀνὴρ ἀπὸ ὧν ὄχεων ἕτερ' ἄρμαθ' ἵκηται
ἔγχει ὀρεξάσθω, ἐπεὶ ἡ πολὺ φέρτερον οὕτω.
᾿Ωδε καὶ οἱ πρότεροι πόλεας καὶ τείχε' ἐπόρθεον
τόνδε νόον καὶ θυμὸν ἐνὶ στήθεσσιν ἔχοντες·

Сначала он расставил колесничих¹ с лошадьми и колесницами, а позади них многочисленных отличных пеших, чтобы были оплотом на войне; плохих же загнал в середину — дабы всякий даже и против воли вынужден был сражаться. Сперва он отдавал приказ колесничим, побуждая их сдерживать коней и не тесниться толпой: “Пусть никто из вас, понадеявшись на свое искусство управлять колесницей и на доблесть, один впереди других не спешит сражаться с троянцами и не отступает — ведь <от этого> вы будете слабее. А муж, который со своей колесницы достигнет другой колесницы, пускай разит копьем: ведь так оно гораздо лучше. Так и наши предки разрушали города и крепости — с таким расчетом и с таким боевым духом в сердце”.

Этот отрывок вызывает сразу несколько вопросов. Кто такие “плохие воины” (κακοί) и как следует понимать слова “загнал в середину”, было непонятно уже древним. У схолиаста читаем: μεταξὺ δὲ δύο ἀνδρείων ἕνα κακὸν ἔβαλεν (“между двумя мужественными воинами он поставил одного плохого”).² Получается, что воины в боевом строю располагались, так сказать, *по принципу бутерброда*: между сильными ставили более слабых или трусливых. Так, в “Меморабилиях” Ксенофонта (III, 1, 8–9; пер. С. И. Соболевского) некий юноша после урока у Дионисодора, преподавателя военного искусства, говорит Сократу: “На войне тоже надо ставить в первые и последние ряды лучших солдат, а в середине — худших, чтобы одни их вели, а другие — подталкивали”. На что Сократ с улыбкой замечает: “Хорошо, если Дионисодор научил тебя также и отличать хороших от плохих!”

Иначе понимал гомеровское место Аристотель: по свидетельству, сохранившемуся в комментарии Евстафия (I, р. 474, 38 Van der Valk), он считал, что κακοί — это не трусы, а легковооруженные воины.

Бой Нестора с Акторионами. *Аттика, ок. 700 г. до н. э.*

Современный ученый Й. Латач в монографии, посвященной военной тактике у Гомера и лириков,³ добавляет еще одно толкование: *κακοί* и *ἑσθλοί* могут быть поняты как социальные термины, характеризующие, соответственно, знатных и рядовых граждан. Еще более оригинальный взгляд принадлежит британской исследовательнице Х. Л. Лоример: *слабые* — это иностранцы, *сильные* же — коренные представители державы.⁴

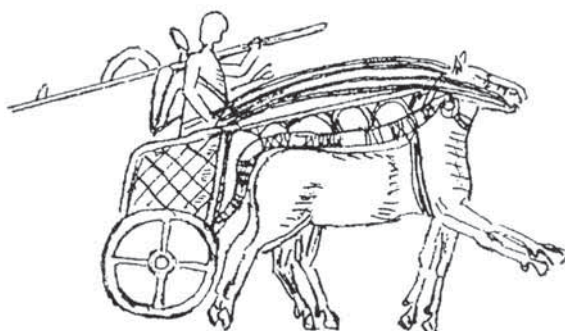
Не меньше разногласий вызывали и сами советы Нестора. Уже упоминавшийся Евстафий Фессалонийский (XI в.), автор подробнейшего комментария к “Илиаде”, дает для стт. 306–307 (“Муж, который со своей колесницы достигнет другой колесницы, пусть разит копьем”) четыре взаимоисключающих толкования.⁵ Вслед за У. Лифом мы можем принять только первое из них: “Едва лишь колесница врага попадет в поле досягаемости копья ахейца, пусть он немедленно направит свое копьё в ее сторону — «ведь так оно гораздо лучше»”.⁶ Надо сказать, что “длиннотенные” копья гомеровских героев не были метательными снарядами: они походили на пики средневековых рыцарей, которыми противника именно *разили*, не выпуская из рук.

Наш отрывок интересен еще в одном отношении. Обычно у Гомера боевые колесницы изображаются как *транспортное* средство: их роль сводится к тому, чтобы доставить на поле боя царя или знатного героя, который затем сходит на землю и начинает сражаться.⁷ Таким образом, они оказываются чем-то вроде символа царского статуса, власти и могущества; А. И. Зайцев показывает, что обычай “транспортировки героя на поле и с поля боя” восходит еще к праиндоевропейской эпохе.⁸ С другой стороны, в “Илиаде” есть два места (IV, 297–309; XI, 737–749), где колесницы выступают как полноценная боевая сила. Оба раза упоминание о них вложено в уста старца Нестора. На эти места указывает и Зайцев, однако не разбирает их подробно — замечая лишь, что в стт. IV, 308–309 Нес-

тор прямо называет такую тактику способом ведения боя в древние времена.

Действительно, в XI, 748–749 Нестор вспоминает о том, как в своей юности он совершал геройские подвиги. Во время похода на эпейцев он, будучи пешим, сразил копьём колесничего — предводителя врагов, захватил его колесницу и на ней “взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца / Землю грызли зубами, сраженные пикой моею” (пер. Н. И. Гнедича). Здесь нет описания тактики: представлен лишь один эпизод сражения. Иное дело наш случай (IV, 297–309), где Нестор дает наставления *перед боем*.

Поскольку это единственное место у Гомера, в котором ахейцы под Троей используют колесницы в качестве боевой силы, сама подлинность его текста подвергалась сомнению. Так, Лиф считал его *аттической интерполяцией*, т. е. вставкой времен Писистрата, что будто бы доказывается его “слабостью” (*weakness*). По (на наш взгляд, излишне педантичному) замечанию Лифа, конница не может разрушать города — поэтому инструкции Нестора в стт. 308–309 годились бы скорее для пеших, а не для конных воинов. Кроме того, весь этот пассаж кажется Лифу неуместным, да и вообще наставления Нестора — “тактический

Боевая колесница. *Гемма. Лаконика, ок. 1500 г. до н. э.*

бред” (*tactical lucubrations*), поскольку “стиль описания сражения не характерен для эпоса, так как гомеровские герои, как правило, используют колесницы только для передвижений с места на место и спешиваются непосредственно перед боем”.⁹ Наконец, доказательством интерполяции Лиф считает употребление в ст. 308 слитной аттической формы *ἑπόρθουιν* вместо ионийской *ἑπόρθεον*. Впрочем, из аппарата последнего издания “Илиады” видно, что если большая часть рукописей действительно дает аттическую форму, в лучших рукописях (А — Венецианской и Т — Таунлеанской), а также в Женевской (G) засвидетельствована форма неслитная.¹⁰

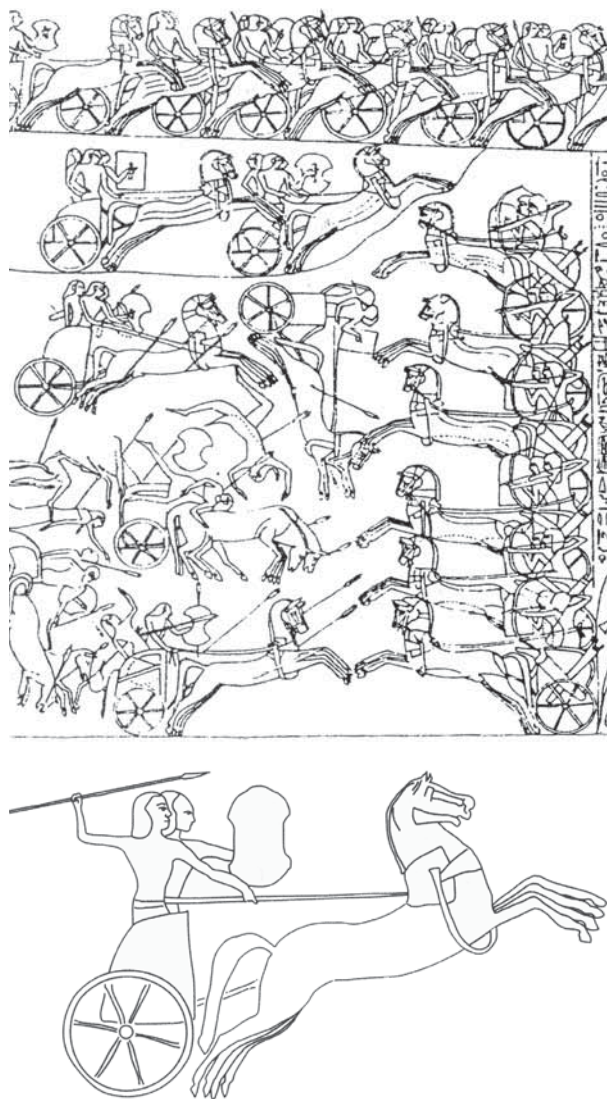
Лиф, однако, не отвечает на главный вопрос: зачем? Для чего было афинским интерполяторам вкладывать

подобные слова в уста владыки Пилоса? Стоит прислушаться к мнению ассиролога Маргарет Римшнайдер, которая, характеризуя гомеровские представления о битве колесниц как вполне курьезные, замечает далее: “Вставками позднего редактора можно объяснить <...> все что угодно”.¹¹

В 1980-е гг. другой британский ученый, Дж. Кёрк, предложил сразу две, причем диаметрально противоположные, интерпретации этого места. По Кёрку, его уникальность может объясняться либо, опять-таки, интерполяцией, либо *реминисценцией микенской эпохи*.¹² Об использовании боевых колесниц в Микенах мы можем судить по их упоминаниям на табличках линейного письма В из Пилоса и Кносса. В этих хозяйственных документах мы, разумеется, не найдем описаний битв — лишь перечни колес, кузовов или целых колесниц, выданных такому-то и такому-то. Таблички из “Комнаты колесничных таблиц” Кноссского дворца показывают, что там был колоссальный склад (вернее будет сказать, гараж), в котором хранилось отдельно друг от друга большое количество колес, кузовов и других комплектующих частей колесниц. Гористый ландшафт Крита плохо пригоден для колесничных боев, охоты и ристаний; поэтому некоторые ученые (в их числе петербургский востоковед В. Б. Ковалевская)¹³ предположили, что на Крите производили колесницы на экспорт, снабжая ими египтян и хеттов.

Сохранились и изображения микенских колесниц. Так, на стеле 5 (ок. 1550 г. до н. э.) из шахтовой гробницы круга А в Микенах мы видим колесничного, который настигает пешего воина. В правой руке у колесничного вожжи, а в левой либо меч, либо копье. Есть и другие сходные изображения — из которых, однако, трудно понять, имеется в виду сцена охоты или же битвы.

Чтобы разобраться, что может стоять за словосочетанием “микенская реминисценция”, обратимся на Восток II тысячелетия до н. э. — эпохи расцвета бое-

Битва при Кадеше
Фрагменты рельефа из Абу-Симбела
(ок. 1300 г. до н. э.),
изображающие хеттские колесницы

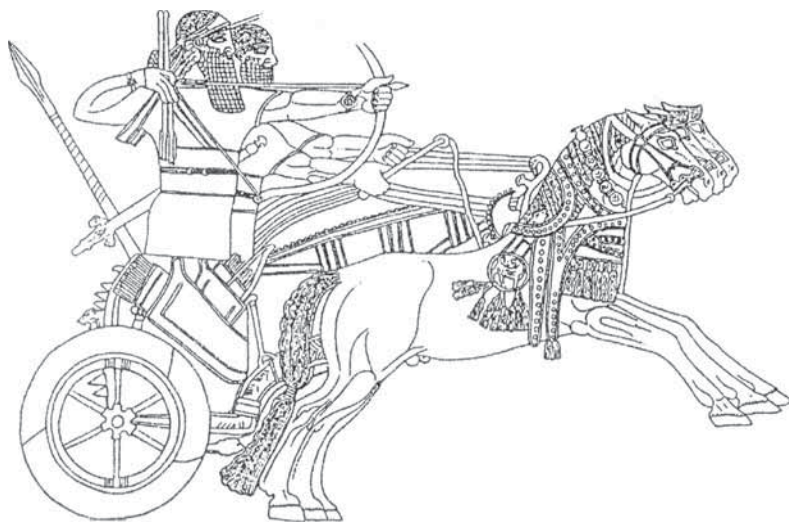
вых колесниц: в ту пору они использовались шумерами, ассирийцами, египтянами, хеттами, хурритами, индийцами, китайцами и другими народами. Боевые колесницы упоминаются в эпосах некоторых из них, а также в хвастливых отчетах о победах ассирийских царей и египетских фараонов. Так, ассирийский правитель Синаххериб говорит метафорически о своей колеснице, что он “плывет на ней по крови врагов” (*OIP* II, col. 6, ll. 30–32).

Многочисленны и изображения колесниц: в частности, панорама знаменитой битвы при Кадеше между египтянами и хеттами (произошла в 1300, 1286 или 1275 г. до н. э.), в которой только с хеттской стороны сражались три с половиной тысячи колесниц, представлена египетским художником на рельефе из Абу-Симбела. На хеттских колесницах изображено по три человека. Один — возничий с поводьями в руках, второй держит щит, а третий, если его вообще изображают вооруженным, разделяется копьем. Лишь в ко-

леснице царя хеттов можно увидеть колчан со стрелами.

В упомянутой работе Х. Лоример на этом основании высказывается гипотеза о том, что пассаж о колесничном бое у Гомера является именно хеттской реминисценцией. В самом деле, колесничие всех других народов обычно изображаются с луками — как, напр., египтяне на том же рельефе из Абу-Симбела; в “Махабхарате” воины на колесницах осыпают друг друга стрелами.¹⁴ Гомеровскую колесницу, напротив, никак нельзя назвать предшественницей тачанки: в “Илиаде” с колесниц сражаются всегда только копьем. Так, Афина, поднимаясь на колесницу, “ополчилась копьем” (*Il.* V, 745), а знаменитый стрелок Пандар в такой же ситуации *откладывает* лук и берет копье (*Il.* V, 166 слл.); о том же свидетельствует и формула $\epsilon\upsilon\chi\epsilon\iota\ \theta\prime\ \iota\pi\pi\omicron\sigma\upsilon\nu\eta\ \tau\epsilon$ (букв. “(сражаться) копьем и колесницей”: *Il.* XI, 503; XVI, 809).

Версия Лоример подтверждается целым рядом данных. В XIV в. до н. э. у хеттов появилось знаменитое руководство по подготовке колесничных лошадей, написанное Киккули из Митанни. Этот текст объемом 1080 строк, сохранившийся на четырех табличках, был дешифрован и издан в 1931 г. чешским ученым Б. Грозным. Семимесячный курс выездки излагается в нем буквально по дням: суровое голодание, физическая нагрузка, поэтапные тренировки, упражнения для каждой стадии обучения. Трактат Киккули содержит самые ранние упоминания индоевропейских коневодческих терминов, многие из которых дожили до наших дней. Так, к примеру, современный тренер никогда не скажет жокею, что тот должен проехать

Ассирийская боевая колесница
Деталь рельефа Ашшурназирпала II (884–858 гг. до н. э.)

столько-то метров: дистанция измеряется в кругах. Так и у Киккули слово “круг” (*wartanna*) используется как единица расстояния.

Государство Митанни, родина Киккули, располагалось к юго-востоку от Хеттского царства; его населяли хурриты, однако правящая верхушка носила арийские имена. Митанни было известным в то время центром по подготовке колесничных лошадей. Захватив Митанни в XIII в. до н. э., хетты переняли у митаннийцев колесницы новой конструкции: легкие, на двух колесах со спицами, — самое передовое средство ведения войны того времени. Хетты перевели инструктаж Киккули на свой язык, однако некоторые термины оставили на угаритском, так как, очевидно, не сумели подобрать им соответствия.

Могли ли отголоски хеттской традиции попасть в гомеровский эпос? О контактах хеттов с микенскими греками стало больше известно после того, как в 1924 г. хеттский архив был дешифрован Э. Форрером. В статье об упоминаниях ахейцев в хеттских клинописных текстах Форрер отождествил царство Аххиява хетт-

ских клинописных документов с Грецией.¹⁵ На Форрера обрушилась волна критики. Скептикам особенно не понравилось сближение местных названий и личных имен в текстах об Аххияве с топонимами, представленными в греческих памятниках, и с греческими именами: *Ahhajivā* — Ἀχαιῖα; *Tavag(a)lavaš* — Ἐτεφὸκλέφης (Этеокл, царь Аххиявы); и т. д.¹⁶ Решительный поворот в этой дискуссии связан с появлением в 1980-е гг. нескольких работ известного хеттолога Г. Гюттербока. Он упрекнул противников микенской Аххиявы в том, в чем они сами обвиняли Форрера — а именно в произвольных коньектурах и выборе предпочтительных чтений. В результате Гюттербок пришел к однозначному выводу: “Великий царь Аххиявы, равный по рангу царям других великих держав того времени, не мог быть правителем какой-то страны в Анатолии, где нет места ни для одной великой державы, кроме страны Хатти. Невозможно поместить его и на каком-либо из островов. Я думаю, что заключение может быть только одно: он управлял материковой Грецией так же, как и островами и колониями в Анатолии”.¹⁷

Есть основания предполагать, что в искусстве ухода за лошадьми ахейцы ориентировались на опыт хеттов, так же, как сами хетты — на опыт жителей Митанни.¹⁸ Об этом свидетельствует так называемое “Письмо Тавагалавы”, написанное хеттским царем владыке Аххиявы и приблизительно датированное 1270 г. до н. э.¹⁹ Хеттский царь говорит о своем вознице *Dabala-Tarhunta*: “Не знатный ли это человек? Ведь он еще юношей ездил со мной на колеснице в качестве возницы. Ездил он и с твоим братом Тавагалавой” (пер. с англ. наш). Из этого пассажи ученые делают вывод, что Тавагалава, брат царя из Аххиявы, приезжал к хеттскому царю, чтобы учиться искусству править колесницей.²⁰

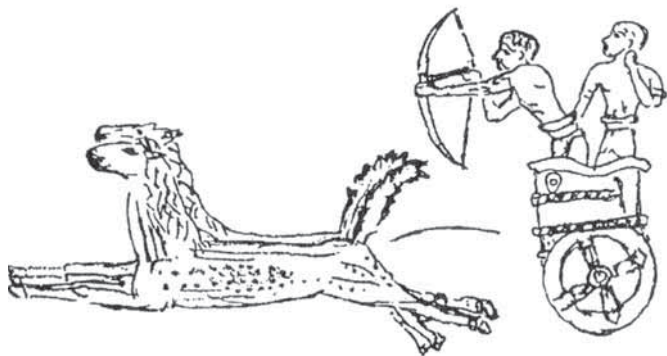
У Киккули описывается процесс *потнения* лошади: “Цель здесь была одна — сбросить лишний вес лошади и наладить дыхание. Утром после скачки четвертого дня тренинга лошадь распрягали, покрывали попоной и приводили в жарко натопленную конюшню. Затем она получала ведро соленой воды и солода, после чего ее вели к реке купаться. Весь этот и следующий день лошадей многократно выводили к реке. После подсушивания, поскольку оно представляло собой наиболее сильную нагрузку на организм, лошадям предоставлялся отдых: только на седьмой день их выводили из конюшни, кормили ячменем, травой, мыли горячей водой и умащивали маслом”.²¹ К этому месту В. Б. Ковалевская приводит параллель из “Одиссеи” (IV, 39–42), где как будто бы также упомянуты и голодание, и потнение, и отдых лошадей, и, наконец, колесница (пер. В. А. Жуковского):

Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили,
К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем,
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.²²

Эта заманчивая идея могла бы послужить для нас дополнительным аргументом в пользу хеттской реминисценции в “Илиаде”, однако принять ее невозможно: ведь у Гомера речь идет не о тренировке, а о том, как слуги Менелая разнуздывают лошадей Телемаха и его спутника Писистрата, утомившихся после долгого пути.

Подведем итог. В “Илиаде” боевые колесницы используются не в качестве *тачанки*, а по большей части как *такси*: они подвозят знатных воинов к месту сражения. Если с колесниц и сражаются, не спешиваясь, то лишь на близком расстоянии, разя противника длинным копьем. Только на хеттских и микенских изображениях боевых колесниц воин всегда вооружен копьем, а не луком; при этом между хеттами и микенскими греками существовали тесные контакты (в частности, связанные с колесницами).

Все это позволяет, пусть и с большой долей осторожности, оценивать наставление Нестора в четвертой песни “Илиады” как микенскую реминисценцию, корни которой восходят к хеттской тактике колесничного боя и к хеттской же практике тренинга колесничных лошадей.²³

Охота с колесницы. Микены, ок. 1550 г. до н. э.

Напоследок скажем несколько слов о дальнейшей судьбе колесниц. Битва при Кадеше оказалась апогеем колесничного боя. Впоследствии колесницы постепенно стали уступать свое место куда более маневренной кавалерии, однако некоторые функции за ними все же остались: они сопровождали торжественные процессии, участвовали в спортивных состязаниях, были и транспортным средством (напр., для охоты), и катафалком, и свадебной каретой. Дольше всех боевые колесницы использовали кельты: еще в I в. до н. э. Цезарь с изумлением наблюдал за тактикой их колесниц и даже оставил ее описание (BG IV, 24, 26, 32, 34; V, 16).

¹ Слово ἵππεύς у Гомера значит “колесничий”, а ἵπποσύνη — “искусство править колесницей” (J. Wiesner: *Fahren und Reiten*. Göttingen, 1968 [= *Archaeologia Homerica*. Bd 1, F]. S. 26–27).

² *Scholia Graeca in Homeri Iliadem* / Ed. H. Erbse. Vol. 1. Berolini, 1969, ad IV, 299.

³ J. Latacz. *Kampfparänese, Kampfdarstellung und Kampfwirklichkeit in der Ilias, bei Kallinos und Tyrtaios*. München, 1977. S. 144.

⁴ H. L. Lorimer. *Homer and the Monuments*. London, 1950. P. 324.

⁵ Наиболее подробно это свидетельство Евстафия разобрано в монографии: А. К. Нефедкин. *Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.)*. СПб., 2001. С. 159–163.

⁶ *The Iliad* / Ed. with app. crit., notes and append. by W. Leaf. Vol. 1. London, 1900². P. 176.

⁷ J. Wiesner. *Op. cit.* S. 97.

⁸ A. Zajcev. *Zur Vorgeschichte des mykenischen Streitwagens // Hyperboreus*. 1994. Vol. 1. Fasc. 1. S. 4–8; рус. пер. Л. Я. Жмудя: А. И. Зайцев *Избранные статьи*. СПб., 2003. С. 259–261.

⁹ *Iliad* / Ed. <...> by W. Leaf. Vol. 1. P. 176 (ad v. 303).

¹⁰ *Homeri Ilias / Rec., testimonia coll.* M. L. West. *Stuttgartiae; Lipsiae*, 1998. Vol. 1. P. 127, in app.

¹¹ М. Риминайдер. *От Олимпии до Ниневии во времена Гомера* / Пер. с нем. Л. П. Суздальской. М., 1963. С. 50.

¹² *The Iliad: A Commentary* / Gen. ed. G. S. Kirk. Cambridge, 1985. Vol. 1. P. 362.

¹³ В. Б. Ковалевская. *Конь и всадник*. М., 1977. С. 39.

¹⁴ См. “Парашурама”, текст 30; ср. также шестую книгу “Махабхараты”: великий лучник Арджуна осыпает Хишму потоком точенных стрел и сбивает его с колесницы.

¹⁵ E. Forrer. *Die Griechen in den Boghazköi-Texten // Orientalische Literaturzeitung*. 1924. Jg. 27. S. 113–118.

¹⁶ *Ibid.* S. 114.

¹⁷ Цит. по: Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. М., 1996. С. 46.

¹⁸ Д. К. Андерсон. *Древнегреческая конница* / Пер. с англ. М. Н. Серафимова. СПб., 2006. С. 16.

¹⁹ Английский перевод см.: <http://www.hittites.info/translations.aspx?text=translations/historical1%2fPiyama-radu+Letter.html>.

²⁰ А. К. Нефедкин. *Указ. соч.* С. 122.

²¹ В. Б. Ковалевская. *Указ. соч.* С. 55–56. Исследовательница указывает на аналогичную практику в Англии и России XIX в.

²² В. Б. Ковалевская. *Древнейший в мире документ о тренинге лошадей // Ахалтеке-информ*. М., 2005 (мы пользовались электронной версией: <http://www.maak.ru/inform.php3?id=119>).

²³ Кстати, высказывалось мнение, что под Κήτειοι в *Od.* XI, 521 следует понимать хеттов (A. Heubeck, A. Hoekstra. *A Commentary on Homer's Odyssey*. Oxford, 2006. Vol. 2. P. 108).

Руководитель доклада — Е. Л. Ермолаева
Фото: В. Б. Жижина, выпуск 2002 г.

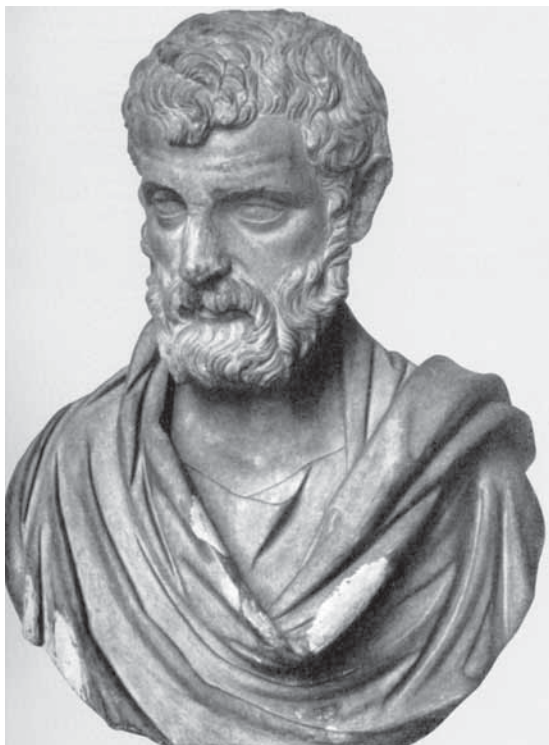

ЖИЗНЬ ГЕРОДА

Перевод с древнегреческого и комментарий

Федора Беневича, Арсения Ветушко-Калевича и Арины Резниковой, выпуск 2007 г.

Редакция и вступительная заметка Е. Г. Рабинович

Герод Аттик. Ок. 150 г. Лувр

Небольшой, всего в две книги, биографический сборник “Жизни софистов” был опубликован Флавием Филостратом между 230 и 238 гг., когда сам Филострат давно уже был знаменитым софистом, наставником двух императоров и автором “Жизни Аполлония Тианского”. По недостоверности “Жизни софистов” далеко уступают, конечно, “Жизни Аполлония”, но даже при поверхностном взгляде видно, как много в них путаницы и ошибок — тем не менее остается лишь согласиться с замечанием Саймона Свейна, что за отсутствием других подобных источников самым достоверным остается все же сочинение Филострата,¹ так как софисты обычно не писали биографий, а несофисты о софистах вообще не писали, разве что софист был философом, как Горгий, или политиком, как Эсхин, и жизнь его оказывалась описана вместе с жизнями других философов или политиков.

Филострат подразделяет софистику в целом на древнюю, философскую, и новую, риторическую, так что в первой книге “Жизней” можно найти (безо всякого хронологического порядка) Горгия, Протагора и других собеседников Сократа, хотя тут же Эсхин и другие демагоги македонских времен и тут же знаменитые софисты века Антонинов, иные из которых учили Герода, нередко поэтому поминающиеся в их жизнеописаниях, — а вторая книга открывается жизнью Герода и продолжается биографиями его современников и преемников. Поэтому понять способ деления “Жизней” на две книги проще не по декларации Филострата, а по признаку “до Герода / от Герода”, пусть первая (до Герода) книга обнимает больше пяти веков, а вторая — чуть больше ста лет, потому что Герод умер в 177 г., когда Филострат уже умел читать.

Герод Аттик родился в 101 г., был в дружбе чуть ли не со всеми хронологически доступными Антонинами, учил риторику Марка Аврелия и Луция Вера, сделал должностную карьеру, в 143 г. был консулом, назывался “царем красноречия”, не раз выступал в суде, со многими переписывался, а вдобавок был сказочно богат и охотно тратился на украшение родных Афин и всей Греции роскошными постройками. Из построенного кое-что хуже или лучше сохранилось, а вот из написанного не дошло ни строки — образцовые произведения Герода в качестве школьных образцов почему-то не использовались. Это тем более странно, что Герод был не только великим софистом, но и выдающейся личностью, а по мнению многих, выдающимся злодеем (Фронтон писал Марку: “Ты с ним поосторожнее”), а злодеев предание любит, — но случилось, как случилось, и почти вся систематическая информация о Героде содержится в предлагаемой читателю биографии, хотя упоминания о нем есть, конечно, и у других авторов, известных и безымянных.

О Героде до сих пор пишут статьи и целые книги, самая известная — Поля Грэндора;² в последнее время появились еще несколько.³ Перевод и реальный комментарий выполнены тремя выпускниками гимназии, ныне студентами классического и новогреческого отделений филфака СПбГУ, под моим (в основном модерирующим) руководством. Полный комментированный перевод “Жизней” мы надеемся подготовить и издать в не слишком отдаленном будущем.

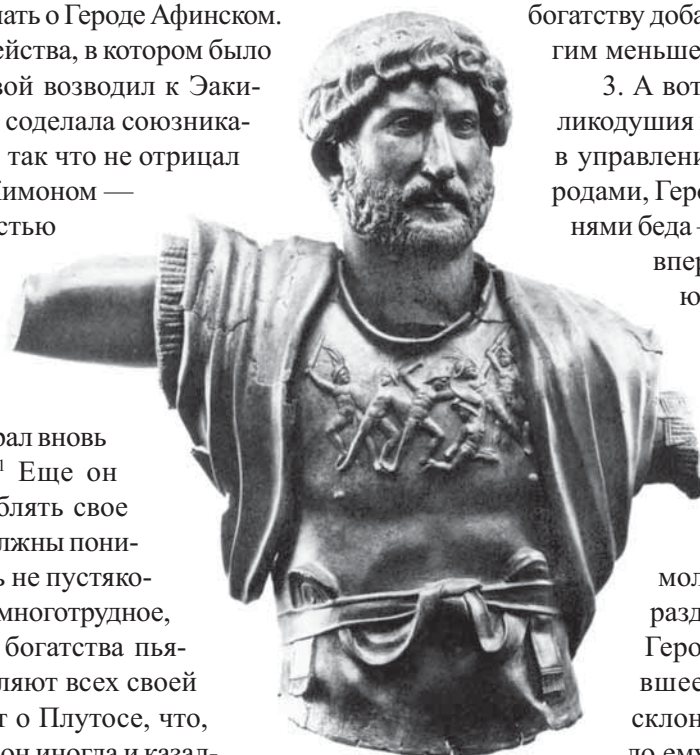
¹ S. Swain. The Reliability of Philostratus' *Lives of the Sophists* // *Classical Antiquity*. 1991. Vol. 10. P. 148–163.

² P. Graindor. Un milliardaire antique: Hérode Atticus et sa famille. Cairo, 1930.

³ См., напр.: W. Ameling. Herodes Atticus. Hildesheim, 1983; J. Tobin. Herodes Attikos and the City of Athens. Amsterdam, 1997; F. Skenteris. Herodes Atticus Reflected in Occasional Poetry of Antonine Athens. Stockholm, 2005; S. B. Pomeroy. The Murder of Regilla: A Case of Domestic Violence in Antiquity. Cambridge (Mass.), 2007.

1. А вот что надобно знать о Героде Афинском. Софист Герод был из семейства, в котором было двое консулов, род же свой возводил к Эакидам, коих Эллада некогда соделала союзниками своими против Перса, так что не отрицал родства с Мильгиадом и Кимоном — оба были отличны доблестью и весьма почитаемы афинянами и прочими эллинами за персидские войны, ибо один положил почин победам над персами, а другой засим покарал вновь обнаглевших варваров.¹ Еще он умел лучше всех употреблять свое богатство, а об этом мы должны понимать, что дело сие отнюдь не пустяковое, но многохлопотное и многотрудное, ибо чаще всего люди от богатства пьянеют и прямо-таки затопляют всех своей гордыней. Хоть клеветают о Плутосе, что, мол, слеп,² да только если он иногда и казался слепым, на Героде прозрел, ибо узрел и друзей, и города, и племена, и всех, о ком сей муж имел попечение, созидавая сокровищницы богатства своего в душах единомышленников. Недаром ведь говорил он, что при надлежащем управлении богатством нуждающимся надобно помогать, чтобы более не нуждались, а не нуждающимся — чтобы не оказались в нужде; а богатство под спудом скупости и не идущее оттого в оборот называл он мертвым; а ларцы, в коих иные держат деньги, называл узилищами Плутоса; а тех, кто еще и считает нужным ради накопления денег приносить жертвы, — Алоадами, совершающими жертвоприношение Аресу, коего сами же и заточили.³

2. Источники его богатства были многие и от многих семейств, но по большей части от отца и от матери. Правда, дед его Гиппарх был лишен состояния по обвинению в посягательстве на тиранию: хотя афиняне хода этому делу не дали, однако же кесарю оно было небезызвестно.⁴ А вот сыном его Аттиком, отцом Герода, Удача не пренебрегла, но, когда соделался он из богача бедняком, указала несметный клад в одном из купленных им близ театра домов; он же, ввиду огромности сокровища обнаружив больше осмотрительности, нежели радости, обратился к кесарю с посланием и написал так: “Государь, я нашел в принадлежащем мне строении клад; как велишь поступить?”, а кесарь — правил же в ту пору Нерва — отвечал: “Вот и тять, что нашел”, а когда Аттик с прежней осмотрительностью написал, что сокровище для него великовато, отвечал: “Вот и тять без оглядки нежданную находку, ибо она — тебе”.⁵ Тогда-то Аттик и возвеличился, а сын его Герод и того пуще, ибо к отцовскому

Император Адриан
Бронзовая статуя из Тель-Шалем
(Иудея)

богатству добавилось материнское, немногим меньшее.

3. А вот блистательный пример великодушия все того же Аттика. Вступив в управление вольными азийскими городами, Герод увидел, что в Троаде с банями беда — воду черпают из колодцев вперемешку с землей и даже роют хранилища для дождевой воды. Итак, он написал кесарю Адриану, чтобы тот не позволил древнему и для мореплавания удобному городу пропасть из-за грязи,⁶ но дал бы три миллиона на воду, а сам-то он, мол, уже выделил деревням гораздо больше. Кесарь похвалил Герода за послание, согласовавшееся и с собственными его склонностями, и поручил это дело ему же. Когда расходы достигли семи миллионов, азийские наместники стали писать кесарю, что, мол, неслыхано взимать налог с пятисот городов ради ко-

лодца в одном, и кесарь попрекнул этим Аттика, а тот с отменным великодушием “Государь, — говорит, — не тревожься из-за малости, я же все, что уйдет сверх трех миллионов, подарю сыну, а сын подарит городу”. Да и завещание, в коем оставил он афинскому народу по мине⁷ в год на каждого, свидетельствует о его великодушии, не раз явленном и по другим поводам: так, нередко жертвовал он богине по сто быков за день, угощая афинский народ по филам и фратриям,⁸ а когда наступали Дионисии и кумир Диониса приносили вниз, в Академию,⁹ он поил в Керамике равно горожан и гостей, устроив ложа на подстилках из плюща.

4. Раз уж я помянул завещание Аттика, надобно объяснить, почему афиняне обиделись на Герода. Об афинянах в завещании было так, как я сказал, а вписано было сие по совету ближних отпущенников, которые, видя природную суровость Герода к отпущенникам и рабам, споспешествовали сделать таковой подарок афинскому народу, в коем намеревались обрести затем заслуженное убежище,¹⁰ — а каково было между Геродом и отпущенниками, о том свидетельствует обвинительная речь,¹¹ в коей вполне наострил он против них стрекало языка своего. По обнародовании завещания афиняне сошлись с Геродом на том, что он откупится от них однократной выплатой в пять мин, а потом больше ничего платить не станет. Однако, когда стали они являться к менялам за условленным, им зачитывали долговые расписки их отцов и дедов родителям Герода и выдвигали встречные требования,

так что иным насчитали какие-то крохи, иным вообще ничего, а иных и вовсе задержали на агоре, покуда не расплатятся. Это так раздосадовало лишенных подарка афинян, что они не переставали ненавидеть Герода, даже когда тот мнил себя их благодетелем, — потому что и говорили, что, мол, ристалище его не даром зовется Панафинейским,¹² оно ведь и впрямь построено на средства, отнятые у всех афинян.

5. А дело было так. Когда исполнял он у афинян должность эпонима¹³ вместе с должностью попечителя Панэллинских торжеств¹⁴ и принимал венки за Панафиней, он объявил: “Вам, афиняне, а из эллинов тем, кто придет, а из атлетов тем, кто будет состязаться, предоставлю я беломраморное ристалище”. Сказавши так, он за четыре года возвел на том берегу Иллиса стадион, добавив сие создание к чудесам света, ибо никакой театр не мог с ним равняться. А вот что я еще слышал об описываемых Панафинейях. Вознесенное на корабле одеяние¹⁵ было краше картины и наполнено попутным ветром, а влекли корабль не тягловые скоты, но подземные машины. Выйдя из Керамика на тысяче колес, корабль достигнул Элевсиния, обогнул его, миновал Пеласгикон и прибыл в Пифий,¹⁶ где и ныне стоит. На другом конце стадиона находится святилище Удачи, которая всему управительница, с изваянием ее слоновой кости.

Меликерт на дельфине
Слепок коринфской монеты. 160-е гг.

Одежда афинского эфеба. С аттической вазы

А еще изменил он одежду афинских эфебов на нынешний лад, первым нарядив их в белые хламиды, ибо прежде они заседали в собраниях и участвовали в праздничных шествиях, облаченные в черное, — в знак общей скорби афинян по глашатаю Копрею, которого сами же и убили, когда тот пытался оттащить Геркалидов от алтаря.¹⁷ А еще возвел он для афинян в память Региллы¹⁸ театр, крытый кедровой кровлей, притом что древесина эта хороша и для ваяния. Описанные строения оба в Афинах, и таких больше

нигде в державе римлян нет, однако стоит упомянуть также крытый театр, построенный Геродом в Коринфе — пусть он заметно уступает афинскому, но в прочих местах среди немногих достохвальных, — а еще истмийские изваяния и колосс Истмийского бога, и кумир Амфитриты, и прочие кумиры, коими заполнил он храм, да к стати и дельфина Меликерта.¹⁹ Еще он устроил в Пифо стадион ради Пифийского бога, а в Олимпии ради Зевса водопровод, а в Фермопилах для фессалийцев и для эллинов близ Малийского залива купальни с целительной для болящих водой.

Еще он заселил запустелые к тому времени Орик в Эпире и в Италии Канусий, снабдив его столь потребным ему водоснабжением, да и другим городам так или сяк помог — и на Евбее, и в Пелопоннесе, и в Беотии.

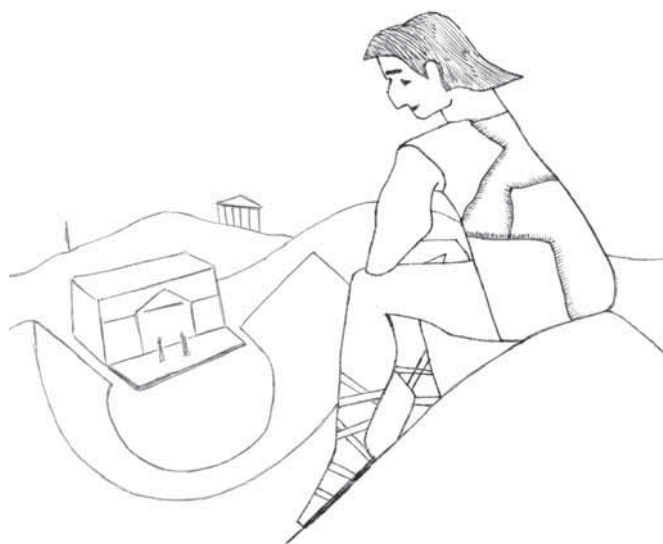
6. Но при всех этих великих делах сам он полагал, что не свершил ничего великого, поскольку не прорыл насквозь Истм, ибо почитал блистательным рассечь материк, соединить два моря и сократить плавание из одного в другое до двадцати шести стадиев. Он страстно сего желал, но так и не посмел попросить у кесаря, опасаясь быть обвинен в покушении на дело, которое даже Нерону оказалось не по силам.²⁰ А проболтался он об этом так. Как я слышал от Ктесидема Афинского,²¹ ехали они однажды в Коринф и, когда проезжали Истм, Герод сказал в присутствии бывшего рядом Ктесидема: “О Посейдон, я хочу, но никто не позволит!” Когда же удивленный Ктесидем спросил о смысле сих слов, он отвечал: “Я давно уже бьюсь оставить потомкам знак, самым замыслом своим обнаруживающий, что я за человек, но, думаю, не случилась мне пока таковая слава”. Тут Ктесидем принялся пересказывать все хвалы словам и делам его, которые, мол, никому не превзойти, а Герод: “Все перечисленное тленно и изничтожится временем, да и речи мои разбирают по кусочкам, порицая за то и за это, а прорыть Истм — дело бессмертное и вопреки природе, ибо кажется мне, что рассечь сей перешеек скорее Посейдону по силам, нежели человеку”.

7. А тот, кого многие именовали Геродовым Гераклом, был юноша “в первом пушке”,²² ростом с дюжего

кельта, то есть почти в восемь футов. Герод описывает его в одном из посланий к Юлиану:²³ мол, кудри у него расчесаны надвое, а брови густые и сросшиеся, а сверкающие глаза выдают некую задорность нрава, а нос горбатый, а шея толстая, но скорее от трудов, нежели от питания, а грудь крепкая и по-юношески стройная, а голени чуть выгнуты наружу, что придает поступи его устойчивость; а одет он, мол, в сшитую из волчьих шкур рубаху и мерился, мол, силою с дикими кабанами, с шакалами, с волками и с бешеными быками и показывает рубцы от сих схваток.

Кое-кто говорит, будто сей Геракл — земнородный и явился на свет в беотийской стране, однако Герод сообщает, что, по собственным словам юноши, у матери его доставало силы пасти коров, отец же из Марафона и там его изваяние, ибо он герой, покровительствующий земледельцам. Герод спросил, бессмертен ли он, а тот: “Смертен, но живу дольше”. Еще Герод спросил, чем он кормится, а тот: “По большей части молоком, а кормят меня и козы, и стада коров, и недавно ожеребившиеся кобылицы, да и вымена ослиц порой дают нежное и вкусное молоко. А когда достается мне ячмень, я съедаю десять мер, собирают же мне таковой обед марафонские и беотийские земледельцы, прозвавшие меня Агафион, ибо для них я доброе знаменье”.²⁴ А Герод: “А что же твой язык? Кто и как воспитал тебя? Право, мне ты не кажешься неучем!” А Агафион: “Аттическая глушь — отличное училище для того, кто хочет складно изъясняться. Афиняне у себя в городе принимают за деньги тьму фракийской, и понтийской, и от прочих варварских племен молодежи и этим портят собственную речь куда больше, нежели способствуют улучшению чужой, а сердце страны не затронута варварами — речь там здоровая и в звуке языка слышна аттическая высота”.

А Герод: “А случалось тебе бывать на великих праздниках?” А Агафион: “Был на Пифийских играх, но не мешался с толпою, а слушал с вершины с Парнаса мусические состязания — и когда Паммен²⁵ вызвал восхищение трагедией, показалось мне, что мудрые эллины ведут себя недостойно, с удовольствием слушая о злодействах Пелопидов и Лабдакидов, ибо сказки, если им доверяют, доводят до ужасных дел”.²⁶ Видя его любомудрие, Герод спросил также его мнения о гимнастических состязаниях, а тот: “Это мне еще смешнее — наблюдать, как люди селятся одолеть друг друга во всеборье,²⁷ и в кулачном бое, и в беге, и в борьбе, да еще получают за такое венки! Венчать надобно бегу-

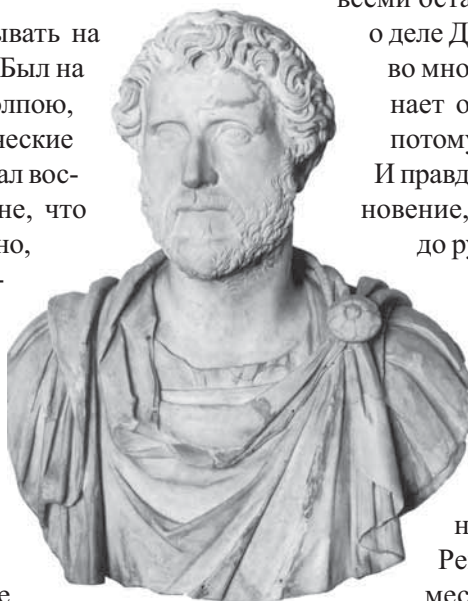

на, обогнавшего коня либо оленя, или тяжеловеса, поборовшего быка либо медведя, — я-то каждый день это делаю, раз уж отняла у меня судьба великое состязание, ибо в Акарнании более не водятся львы”. Герод, подивившись, пригласил его разделить трапезу, и Агафион отвечал: “Завтра в полдень я приду к тебе в храм Канопы,²⁸ а у тебя пусть будет жбан, из имеющихся в храме наибольший и полный молока, не женщиною надоенного”. Назавтра он явился в условленный час и, приняв жбану, объявил: “Молоко нечисто, смердит рукою женщины!” — и с этими словами ушел, даже не отведав. Герод, призадумавшись о сказанном насчет женщины, послал на скотный двор разведать правду, а когда узнал, что точно так оно и было, понял, что знакомец его не чужд божественной природы.

8. Что до взводящих на Герода навет, будто на горе Иде поднял он руку на Антонина²⁹ — в ту пору, когда сам правил в Азии вольными городами, а тот всеми остальными, — они, полагаю, не знают о деле Демострата против Герода, в коем тот, во многом обвиняя Герода, даже не упоминает о сем непристойном происшествии, потому что ничего подобного не бывало. И правда, хотя случилось между ними столкновение, какие бывают в тесноте и неудобье, до рукоприкладства не дошло — а иначе

Демострат не преминул бы задержаться на этом в судебной речи, в коей столь злобно нападает на Герода, что винит его даже за достохвальные поступки.

А еще против Герода было возбуждено обвинение в убийстве, и вот на каком основании: будто жена его Регилла была примерно на восьмом месяце, а он, мол, велел отпущеннику Алкимедонту поколотить ее за какой-то неважный проступок,

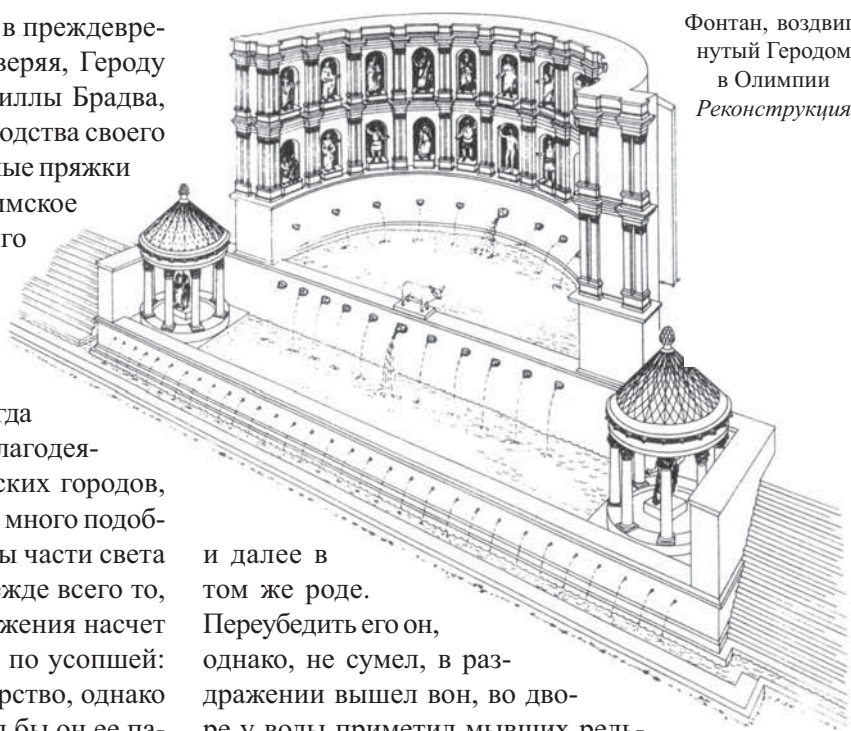
Император Антонин Пий

и женщина после удара в живот умерла в преждевременных родах. Итак, вполне этому доверяя, Героду вчинил обвинение в убийстве брат Региллы Брэдва, меж консулов славнейший и знак благородства своего носящий на сапогах, а были то серповидные пряжки слоновой кости.³⁰ Однако, явившись в римское судилище, Брэдва не привел ни единого доказательства по им же возбужденному обвинению, но лишь пространно расхваливал свою родовитость, так что Герод с издевкою заметил: “Да у тебя благородство даже на щиколотках!” А когда обвинитель стал распространяться о благодеяниях, оказанных им одному из италийских городов, Герод с достоинством возразил: “Уж я-то много подобного мог бы рассказать о себе, в какой бы части света ни судился”. В защите ему помогло прежде всего то, что он не отдавал упомянутого распоряжения насчет Региллы, а также безмерная скорбь его по усопшей: пусть клеветали, что и это, мол, притворство, однако же истина возобладала, ибо не посвятил бы он ее памяти такой театр и не отложил бы ради нее вторую жеребьевку своего консульства,³¹ когда бы не был чист от вины, да и не посвятил бы ее украшения Элевсинским богиням, будь осквернен убийством, ибо это скорее побудило бы богинь не простить его, но покарать за убийство. А еще он изменил ради нее убранство дома, сделав внутренние помещения черными с помощью занавесей и красок, и лесбосского камня, камень же сей уныл и черен.

Говорят, Луций,³² муж мудрый, приступил к Героду с советом на сей счет и, не сумевши переубедить, посмеялся над ним — нельзя обойти это происшествие стороной, раз уж удостоилось оно упоминания сведущих писателей, (9) ибо названный муж был из знаменитых ученых, любомудрию приобщился у Мусония Тирского³³ и отличался меткостью ответов и умением высказаться изящно и уместно. Будучи весьма близок с Геродом, он был при нем и в часы глубочайшей скорби, увещевая таковыми словами: “Все потребное, Герод, ограничено серединою — много слышал я рассуждений о том Мусония, сам много о том рассуждал, да и тебя слышал, когда ты расхваливал то же самое пред эллинами в Олимпии, даже рекам повелевая струиться по самой середине русла. Куда же все это подевалось? Ты ведешь себя с самою прискорбной несдержанностью, подвергая опасности мнение о тебе!” —

Остатки акведука Герода в Олимпии

Фонтан, воздвигнутый Геродом в Олимпии
Реконструкция

и далее в том же роде. Переубедить его он, однако, не сумел, в раздражении вышел вон, во дворе у воды приметил мывших редьку слуг и спросил, для чьего это обеда, а те отвечали, что для Геродова. А Луций им: “Обижает Герод Региллу — ест белую редьку в черном доме!” О сих словах доложили Героду, он же, едва услышал, удалил из дома черноту, дабы не соделаться для ученых мужей посмешищем.

А вот и другое примечательное словцо того же Луция. Кесарь Марк весьма благоволил Сексту, беотийскому любомудру:³⁴ посещал его занятия и даже домой к нему хаживал. Итак, по прибытии в Рим Луций спросил собравшегося в дорогу кесаря, куда он идет и зачем, а Марк ему: “И на склоне лет полезно поучиться, вот и иду к любомудрому Сексту изучить то, чего пока не знаю!” — а Луций, воздев руку к небесам, возгласил: “Зевес! Римский царь, хоть старится, а все ходит к учителю со связкой писчих дощечек, а мой-то царь Александр в тридцать два уже умер!” Рассказанного довольно, чтобы объяснить, какого рода было любомудрие Луция, ибо подобное обнаруживает человека столь же полно, сколь один глоток — вкус вина.

10. Вот так исчерпалась скорбь по Регилле, скорбь же по дочери Панафинаиде умерили афиняне, похоронив ее внутри города и особо постановив изъять день ее смерти из года.³⁵ Но когда умерла и другая дочь, коей дал он имя Элпиника, он пал на землю, бия по ней и вопия: “Что посвятить тебе, дочь моя? Что положить к тебе в могилу?”, на что любомудр Секст, случившийся тогда рядом, возразил: “Великим даром для нее будет, ес-

ли обуздаешь твою скорбь”. Причиною столь чрезмерной скорби Герода о дочерях было отвращение, питаемое им к сыну, Аттику, коего ругали, что, мол, тупица и бестолочь и памяти никакой — потому-то, когда оказались ему не по силам даже начатки грамоты, Герод придумал воспитывать вместе с ним две дюжины его одногодков, назвав их по двадцати четырьмя буквам, дабы вместе с именами рабов он поневоле выучил азбуку. Замечал он также, что сын привержен пьянству и разврату, а посему, пока был жив, часто применял к семейству своему известный стих:³⁶

Только один дурак посреди просторного дома, —

а по смерти завещал сыну лишь материнскую долю, остальное же имение отказал другим наследникам.

Афиняне, однако, сочли сие бесчеловечным, отнюдь не вспомнив об Ахиллесе, и Полидевке, и Мемноне, питомцах его, коих оплакивал он наравне с родными, ибо благодаря его воспитанию в высшей степени отличались они добротой, и лепотою, и благородством нрава, и прилежанием к наукам. Изваяния, изображающие их — кого на охоте, кого после охоты, кого по пути на охоту, — воздвигнул он иные в дубравах, иные в полях, иные близ родников либо под сенью платанов, да не скрытно, а с проклятиями всякому, кто повредит их или сдвинет с места; а ведь не почитай он их достойными восхваления, не стал бы так превозносить. А когда Квинтилии, в бытность свою правителями Эллады,³⁷ корили его, что, мол, слишком много понаставлено этих мальчишек, он отвечал: “Вам-то какая забота, если я забавляюсь моими собственными камушками?”

11. А началом раздора его с Квинтилиями были, как говорят многие, Пифийские игры, когда он разошелся с ними во мнении о слышанном на мусических состязаниях; но кое-кто передает так, что он подшутил над ними перед Марком, ибо видя, как они, хоть и троянцы,³⁸ стяжают у государя великие почести, сказал: “А я даже Зевса у Гомера порицаю за приязнь к троянцам!” Правдоподобнее, однако, вот какая причина. Когда эти двое управляли Элладой, афиняне призвали их в народное собрание, заявили, что подпали под гнет тирана, а именно Герода, и к тому же просили донести все сказанное до слуха кесаря, а так как Квинтилии проявили к народу сочувствие и с готовностью доложили о слышанном, Герод стал утверждать, что они строят против него козни и ради того подстрекают афинян — и верно, после того самого собрания воспрынули

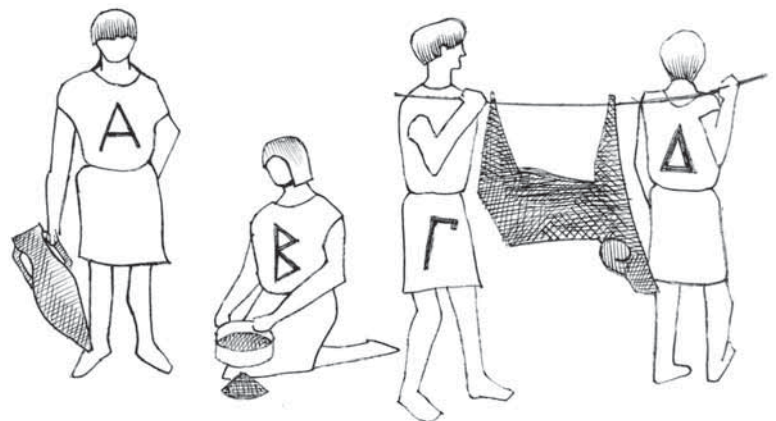
в городе все эти Демостраты, и Праксагоры, и Мамертины, и еще многие его противники. Герод письменно обвинил их, что они, мол, мутят против него народ, и привлек их к высочайшему суду,³⁹ однако же они скрылись и бежали к кесарю Марку, полагаясь отчасти на присущую ему дружественность к народу, а отчасти на тогдашние обстоятельства, ибо Марк еще не простил Герода за соучастие в замыслах справителя своего Луция, против коего питал подозрения.⁴⁰ Ставка кесаря была тогда в Сирмии, в землях пеонийцев,⁴¹ и вот Демострат со товарищи поселился рядом с Марком, а тот снабжал их припасами и часто справлялся, не нужно ли чего, ибо и сам был убежден, что должен быть к ним доброжелателен, и жена⁴² убеждала его в том же, и даже дочурка, едва умеющая говорить, весьма умилительно припадала к коленам отца и просила спасти ради нее афинян.

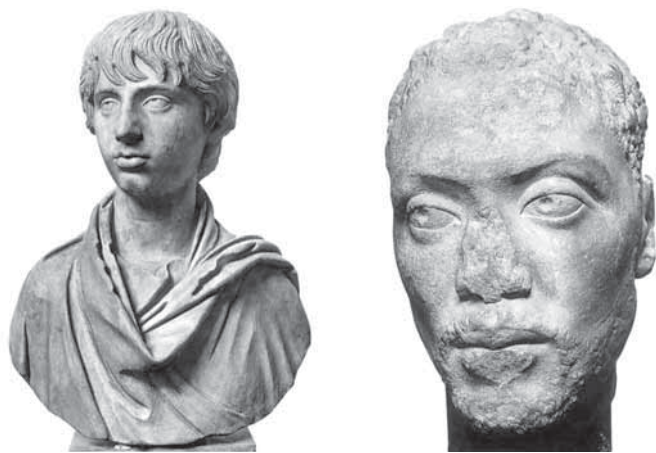
Между тем Герод расположился в предместье, где были понастроены башни и башенки, а с ним прибыли девицы-двойняшки в расцвете брачного возраста и восхитительной наружности — Герод воспитал их с малых лет и назначил готовить себе еду и смешивать вино, называя дочурками и соответственную питая к ним любовь; а по рождению были они дочерьми Алкимедонта, а Алкимедонт — тот самый отпущенник Герода. И вот ночью, когда спали они в одной из

названных башен, в самой крепкой, их обеих убил налетевший грозовой удар. От такового несчастья Герод утратил самообладание и в государево судилище явился не в себе и жаждая смерти, а приступив к речи, набросился на кесаря с бранью, даже не пользуясь должными прикрасами, хотя мужу, довольно искусному в сих приемах, не подобает выставлять гнев свой напоказ. Он же, напротив, выражался развязно и напрямик, что, мол, “это мне, стало быть, за радушие, а ведь Луция-то ты сам ко мне прислал! вот он, твой суд! жертвуешь мною прихоти женщины и трехлетнего дитяти!” А когда Бассей, доверенный меченосец,⁴³ заметил, что

Император Марк Аврелий
Римская золотая монета. 169 г.

Полидевк (слева) и Мемнон, воспитанники Герода. 150-е гг.

тут-то, мол, тебе и конец, он отвечал: “Милейший, старики мало чего боятся!” — и с сими словами покинул судилище, оставив еще много неистраченной воды.⁴⁴ Мы же к проявлениям любомудрия Марка можем присовокупить и поведение его в этом суде, ибо он ни бровью не повел, ни глазом не моргнул, как сделал бы другой судья, но обратился к афинянам и сказал: “Защищайтесь, афиняне, пусть Герод вам того и не позволяет!” И затем, слушая оправдание афинян, он часто втайне сокрушался, когда же стали ему читать сказанное в народном собрании с порицанием Героду, что, мол, многим медом заискивает он у правителей Эллады,⁴⁵ то и дело возглашая “о горький мед!”, а после снова “блаженны умершие от чумы!” — тут сердце его было столь потрясено услышанным, что он прилюдно разразился слезами. Однако же, так как оправдание афинян заключало в себе обвинение сразу против Герода и против отпущенников его, Марк обратил гнев свой на сих последних, назначив им, как сам выразился, “сколь возможно умеренное наказание”, и одного Алкимедонта вовсе освободил от кары, ибо хватит, мол, ему и несчастья с детьми. Таково было любомудрие Марка.

12. Тем не менее иные приписывают Героду, в ссылке не бывавшему, будто был он в ссылке, и говорят, будто жил он в эфирском Орике, который сам же и отстроил, дабы условия жизни соответствовали его телесным потребностям. Между тем Герод, хоть жил в названном местечке и, захворавши там, приносил жертвы ради исцеления, отнюдь не был ни приговорен к ссылке, ни принужден претерпеть ее — и в свидетели этого много утверждения приведу я божественного Марка. После событий в Пеонии Герод жил себе в Аттике, в любимейших своих округах, именно в Марафоне и в Кефисии, тесно окруженный молодежью, ради любви к речам его отовсюду слетавшейся в Афины, — и вот, решив испытать, не держит ли на него Марк зла из-за произошедшего в судилище, отправил он ему послание, но не с извинениями, а с упреками: удивительно,

мол, с чего это тот ему не пишет, хотя в былые времена писал так часто, что однажды три письмоносеца явились в один и тот же день, наступая друг другу на пятки! Государь отписал ему в ответ многое и о многом, выражаясь с присущим слогу его обаянием, я же выбрал из этого письма относящееся к нынешнему моему повествованию. Итак, в начале послания “радуйся, друг мой Герод!”, а затем подробно рассказано о зимовке в краях, где Марк в ту пору воевал, и о скорби по только что почившей супруге, а кстати о собственном телесном недомогании, а затем: “Я молюсь о твоём здравии, ты же знай о моем к тебе благорасположении и не мни себя обиженным, если я, обнаружив кое-какие проступки твоих людей, назначил им сколь возможно умеренное наказание. Уж не гневайся на меня за это, если же я тебя огорчил или огорчаю, требуй от меня законного возмещения в городском храме Афины, во время таинств,⁴⁶ ибо в самый разгар войны я дал обет им приобщиться и приму посвящение, если только ты сам приобщишь меня!” — таков ответ Марка, исполненный человеколюбия и недвусмысленной прямоты. Кто обратился бы с такими словами к тому, кого сам же отправил в ссылку? И кто приговорил бы к ссылке того, кого удостоил подобного обращения?

13. Есть и рассказ, будто, когда правивший на востоке Кассий⁴⁷ затеял против Марка заговор, Герод выбрал его письмом, в коем значилось: “Герод Кассию. Ты — сумасшедший!” — и письмо это должны мы расценивать не только как брань, но и как проявление силы мужа, взявшегося ради государя за оружие разумения.

Что до речи, произнесенной Демостратом против Герода, она представляется примечательной: по общему направлению мысли едина, ибо суровость присуща ей от вступления до заключения, а вот способы выражения многочисленны, друг на друга не похожи и достойны внимания — пусть славу сия речь приобрела из-за Герода, среди завистников, потому что этакий муж выслушал о себе дурное. А насколько стоек он был к поношению, это обнаружится из сказанного им однажды в Афинах псу Протею. Названный Протей был из числа столь храбрых любомудров, что в Олимпии кинулся в огонь, а за Геродом ходил следом, ругая его на полудикарском языке,⁴⁸ — и вот Герод, оборотясь к нему, спросил: “Ты меня хулишь, ну и пусть — но почему таким языком?”, а так как Протей продолжал браниться еще пуще, он сказал: “Мы оба уже состарились — ты хуля меня, а я выслушивая!”, тем самым недвусмысленно подразумевая, что хоть слушает его, над ним же смеется, будучи убежден, что ложные хулы не достигают далее слуха.

14. Растолкую также и язык Герода, дабы объяснить особые приметы его речи. Я упоминал уже, что в числе своих учителей почитал он Полемона, и Фаворина, и Скопелиана, но посещал также Секунда

Афинского, а для разбора речей встречался с Феагеном Книдским и с Мунатием из Тралл, а для изучения Платона — с Тавром Тирским. По складу речь его была скорее сдержанной, и сила ее заключалась более во вкрадчивости, нежели в напористости, звуковая же мерность была проста и с отзвуком Критиевой,⁴⁹ а мысли — какие другому и на ум не придут, а шутки меткие и не надуманные, но сообразные предмету, слог же сладостен и со многими прикрасами, и изящен, и искусно разнообразен, а нарастание без чрезмерной пылкости, но мягко и постепенно — в общем же речь его подобилась золотому песку, в серебристых речных токах сверкающему. Привержен он был всем древним, но с Критием неразлучен и ввел его в обиход эллинов, дотоле относившихся к нему с пренебрежением и без должного внимания. А когда Эллада прославила его и назвала одним из Десяти,⁵⁰ он не поддавался похвале, пусть казалась она великой, но весьма остроумно отвечал хвалителям: “Да уж, я получше Андокида”.⁵¹ Быв понятливее всех людей, отнюдь не пренебрегал он прилежным трудом и усердно занимался хоть за вином, хоть по ночам, если случалось на время пробудиться от сна, а потому нерадивые и ветреные называли его “напичканный ритор”. Всяк хорош по-своему, так что всяк и другого превосходит по-своему, ибо тот восхищает речью без подготовки, а этот — тщательной отделкой; Герод же от всех софистов усвоил все наилучшее, а чувствительное собирал не только из трагедий, но и из повседневности.

Осталось после Герода великое множество посланий и бесед, и дневников, и пособий, а также небольшой цветослов подходящих речений чуть ли не из всей древней науки. А вот упрекающие его, что, мол, еще юношей, говоря в Пеонии перед кесарем,⁵² потерпел он неудачу, не знают, по-моему, что то же самое случилось с Демосфеном, когда выступал он перед Филиппом. Демосфен, однако, по возвращении в Афины потребовал себе почестей и венков, хотя

Амфиполь афиняне потеряли,⁵³ — а Герод, претерпев такое же, устремился к Истру, словно намереваясь утопиться, ибо столь сильно желал прославиться речами, что провал почитал за смерть.

15. Скончался он почти семидесяти шести лет, от истощения — и хоть умер в Марафоне и наказал отпущенникам там же его похоронить, афиняне на руках эфэбов принесли его в город: стар и млад в слезах выходили на-

встречу одру и вопияли, словно дети, лишившиеся доброго отца. Похоронили его в Панафинаике, начертан нижеследующую краткую и емкую надпись:

Аттика сын, Герод Марафонский, коего тело

В этой могиле лежит, слава же всюду слышна.

Вот и все о Героде Афинском — частью уже рассказанное другими, частью доселе неизвестное.

Работа выполнена при Греческом институте ИФИ факультета филологии и искусств СПбГУ при поддержке гранта РГНФ 07-04-00286а.

¹ Перед Саламинской битвой (480 г. до н. э.) греки призывали на помощь легендарных царей острова, сына и внука Эака (Эакидов) Теламона и Аякса, а также самого Эака и всех его потомков (Геродот, VIII, 64); Мильтиад, победитель персов при Марафоне (490 г. до н. э.), претендовал быть потомком Аякса; позднее (в 465–466 гг. до н. э.) его сын Кимон изгнал персов из Херсонеса Фракийского и затем разбил их при Евримедонте.

² Плутос, бог богатства, уже у Гиппократа и затем в комедии (напр., в “Плутосе” Аристофана) выведен слепым, т. е. неспособным к справедливому распределению — эта метафора явно относилась к родовым.

³ Сыновья Посейдона близнецы-великаны Алоады, От и Эфиальт, пытались свергнуть богов и успели заточить Ареса (“Илиада”, V, 386), которого затем вызволил Гермес, сами же братья были низринуты в Тартар.

⁴ Состояние Гиппарха было едва ли не крупнейшим в Империи (Светоний, “Веспасиан”, 13); при этом формально в Афинах действовало прежнее законодательство и покушение на тиранию было среди самых тяжких преступлений (ср. ниже, о сходных претензиях к Героду), так что сам Гиппарх не был казнен, но имущество его (по крайней мере, обнаруженное) подверглось конфискации.

⁵ Марк Кокцей Нерва (30–98), основатель династии Антонинов, за два года (96–98) своего правления сделавший многое для смягчения жестоких нравов ранней Империи и прекративший, в частности, присваивать имущество богачей. Для Атики это было новостью, в которую он не сразу поверил; впрочем, находка “клада”, вероятно, была как-то связана с надеждами на всем известную терпимость Нервы.

⁶ В 135 г. или чуть ранее Адриан назначил Герода *корректором* (финансовым инспектором) самоуправляющихся городов провинции Азия; далее речь идет об Александрии Троянской.

⁷ Мина — старинная расчетная единица, примерно равная фунту серебра.

⁸ Фила — избирательное и военное подразделение (афиняне делились на десять фил); фратрия — родовое подразделение.

⁹ Во время Великих Дионисий, когда попевало молодое вино, статую Диониса торжественно переносили из Ленеяского храма в другую, близ Академии; сады Академа расположены ниже Ленея.

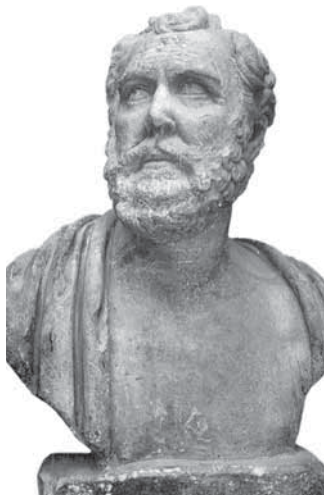
¹⁰ Отпущенники Атики имели римское гражданство, но оставались под “отцовской” властью прежнего хозяина и затем его сына (т. е. Герода) — от которого надеялись избавиться, заработав себе афинское гражданство и, таким образом, словно бы укравшись среди афинян.

¹¹ Эта речь не сохранилась (см. вступ. заметку).

¹² Т. е. “Всеафинским”.

¹³ Т. е. того из девяти афинских архонтов (правителей), который давал свое имя году; Герод был эпонимом в 126–127 гг.

¹⁴ Панэллинские торжества — часть культурного проекта Адриана, желавшего, чтобы хоть одно из общегреческих празд-

Полемон Лаодикейский, учитель Герода. Ок. 140 г.

неств справлялось в дорогах ему Афинах; это произошло в 139 г.

¹⁵ Во главе Панафинейской процессии катился панафинейский “корабль”, “парусом” которого было окрашенное шафраном и богато расшитое новое одеяние (пеплос) Афины.

¹⁶ Элевсиний — храм Деметры на склоне афинского Акрополя, мимо которого всегда проходила Панафинейская процессия; Пеласгикон — остаток древней (ахейской) стены на Акрополе, справа от Пропилеев (“пеласгами” греки называли совершенно не известных им строителей как минойских, так и микенских городов); Пифий — святилище Аполлона (Пифийского бога), но из текста не ясно, какое именно.

¹⁷ Копрей — сын Пелопа, глашатай Еврисфея (“Илиада”, XV, 639); когда потомки Геракла (Гераклиды) искали убежища в Афинах, Копрей пытался оттащить их от алтаря и якобы был за это убит (хотя в “Гераклидах” Еврипида он остается жив). Глашатай был священной особью, так что убийство хотя бы и злого Копрея считалось кощунством.

¹⁸ На Аппии Аннии Регилле, родственнице Антонина Пия, Герод женился вскоре после смерти отца, в 139–140 гг.; о ее смерти см. ниже.

¹⁹ Истмийский бог — Посейдон, которому были посвящены Истмийские игры; Амфитрита — его супруга. Меликерт — малолетний фиванский царевич, в страхе перед обезумевшим царем Афамантом бросившийся вместе с матерью в море и превращенный в божественного помощника терпящих бедствие моряков; в одном из поздних преданий перенесен дельфином на Истм (Коринфский перешеек).

²⁰ В конце своего правления Нерон задумал прорыть канал через Истм и успел приступить к исполнению замысла (Филострат издевается над этим в “Жизни Аполлония”), но после его смерти работы прекратились; в настоящее время канал прорыт и приносит много пользы.

²¹ Ктесидем Афинский из других источников не известен.

²² Намек на стих “Одиссеи” (X, 279): “юноша с девственным пухом на свежих ланитах” (пер. В. А. Жуковского).

²³ Считается, что речь идет о Клавдии Юлиане, корреспонденте и приятеле Фронтона, тоже принадлежавшем к ближнему кругу Марка Аврелия. Впрочем, есть еще два или три более или менее подходящих современника Герода с таким именем (напр., правовед Сальвий Юлиан), так что точная идентификация невозможна.

²⁴ Агафион — от греч. ἀγαθός (добрый); Лукиан упоминает об этом юноше в “Демонакте” (1), но именует его Состратом.

²⁵ Паммен — трагический поэт, из других источников не известен.

²⁶ Речь идет о литературных произведениях (прежде всего трагедиях) на сюжеты мифов об аргосском и фиванском “проклятых домах”, т. е. об Атрее, Фieste, Оресте, Эдипе и его детях и пр.; нельзя не отметить, что мысль о вредности этих и подобных им мифов почерпнута в “Государстве” Платона.

²⁷ Всеборье (панкратион) — нечто вроде современных “боев без правил”; популярное в Греции состязание, включенное в Олимпийские игры.

²⁸ Возможно, речь идет о храме Сераписа, иногда смешиваемого с Канопом (или Канобом), умершим в Египте кормщиком Менелая, по которому затем был назван город в Дельте.

²⁹ Ида — лесистая горная гряда на северо-западе Малой Азии; Антонин — будущий император Антонин Пий (86–161), вскоре

Одеон Герода Аттика в Афинах.
Слева — кирпич из Одеона

усыновленный Адрианом и бывший проконсулом Азии, когда Герод был там же корректором. Наверяд ли имело место серьезное столкновение (немногим позже Герод женился на родственнице Антонина и был наставником его сыновей), но, судя по всему, на узкой горной дороге Герод не посторонился перед проконсулом, хотя был моложе его не только годами, но также должностью и званием (Антонин уже побывал в консулах, а Герод был в звании претора и стал консулом лишь через восемь лет).

³⁰ Аппий Анний Атилиус Брэдва, консул 160 г. Сенаторы вообще нередко носили сапоги с застежкой в виде полумесяца (над этим подсмеивался уже Ювенал), однако в одной из надписей в память Региллы “звездные сандалии” упомянуты как семейная примета: род Атилиев был древний и славный, имел в числе своих предков знаменитого героя Регула и даже использовал редкое личное имя “Аппий”, обычно ассоциируемое с Клавдиями.

³¹ Обязанности (в эпоху империи в основном почетные) распределялись между консулами по жребию.

³² Кто это, мы не знаем: в других источниках он не упоминается, а личное имя “Луций” — очень частое; см. также прим. 33.

³³ Регилла умерла в 160 или в 161 г., стоик Мусоний — не позднее 105 г. Хотя теоретически Луций мог в ранней юности поучиться у Мусония, а в старости встречаться с овдовевшим Геродом и даже с императором Марком (правившим с 161 г.), обе приводимые ниже апофтегмы сомнительны; притом если шутка о редке хотя бы соответствует ситуации и могла бы принадлежать Луцию, то “мой царь Александр” в устах римлянина звучит нелепо, так что Филострат либо придумал этот эпизод, либо некритически позаимствовал его из предания о каком-нибудь греческом философе.

³⁴ Секст Херонейский, философ-стоик, родственник Плутарха, учивший философии Антонина Пия.

³⁵ Т. е. провозгласить “неприсутственным” (dies nefastus), когда нельзя судиться, устраивать собрания и т. д.; в историческую эпоху неприсутственными иногда объявлялись дни национального траура, напр., день разгрома римлян при Каннах.

³⁶ Охотно парафразировавший софистами (в частности, Дионисием Галикарнасским) стих из “Одиссеи” (IV, 498): “Только один живой посреди просторного моря”.

³⁷ Знаменитые своим единодушием братья Секст Квинтилий Кондиан и Секст Квинтилий Валерий Максим, консулы 151 г.; в 173 г. совместно управляли Грецией.

³⁸ Род Квинтилиев был древний, переселившийся в Рим из Альбы Лонги при Тулле Гостилии вместе с Юлиями, Сервилиями и Куриациями; по всей видимости, именно альбанское происхождение дало Героду повод назвать Квинтилиев “троянцами” (по жившим в Альбе потомкам троянца Энея и его дружинников).

³⁹ Эпизод относится к 173 г. (см. прим. 37).

⁴⁰ Луций Аврелий Вер (130–169) был братом Марка Аврелия по усыновлению Антонином Пием и оставался его соправителем до своей смерти в 169 г.; о конфликте, на который намекает Филострат, надежных сведений нет.

⁴¹ Первоначально — обитатели фракийской Пеонии, однако затем некоторые авторы стали называть пеонийцами и их северных соседей, живших на Дунае; римляне именовали эту страну “Паннония”.

⁴² Фаустина Младшая (дочь Антонина Пия и Фаустины), обычно сопровождавшая Марка в походах; умерла в 175 г.

⁴³ Марк Бассей Руф, выходец из низов, в 160-е гг. дослужился до должности префекта претория (в Риме командир императорской гвардии был также чем-то вроде министра госбезопасности).

⁴⁴ Т. е. не израсходовав отведенное для речи время, отмерявшееся с помощью водяных часов (клепсидры).

⁴⁵ Из этого выражения ясно только, что в большинстве случаев Герод умел подарками и иными услугами расположить в свою пользу римских правителей Греции, которые затем в его (а значит, и афинские) дела уже не вмешивались; Квинтилии оказались исключением.

⁴⁶ Речь идет об Элевсинских мистериях, в которые Марк Аврелий действительно был чуть позже (в 176 г.) посвящен при участии Герода; однако Элевсинские таинства справлялись не в Афинах и не в храме Афины, а в городке Элевсине, в храме Деметры и Коры, и Филострат это знал (о чем свидетельствует, в частности, “Жизнь Аполлония”). Вероятно, здесь цитируется подлинное письмо Марка, демонстрирующее его не совсем полную осведомленность даже в хрестоматийных аспектах якобы столь близкой ему греческой культуры.

⁴⁷ Военачальник, совершивший при Марке Аврелии несколько успешных походов; в 175 г. провозгласил себя императором, но через несколько месяцев, так и не сразившись с Марком, погиб от рук собственных воинов.

⁴⁸ Протей — прозвище философа-киника (“пса”) Перегринна (100–165), который во время Олимпийских игр публично сжег себя на костре (этот эпизод подробно описан Лукианом в памфлете “О смерти Перегринна”; демонстративные самоубийства чаще всего случались именно среди киников). “На полудикарском языке” — т. е. без соблюдения столь важных для софистов, а особенно для Герода, аттических и т. п. стилистических норм.

⁴⁹ Критий (460–403 гг. до н. э.) — аристократ и богатый из круга Сократа (в его уста Платон вложил рассказ об Атлантиде), затем один из “тридцати тиранов”; был также талантливым поэтом и выдающимся оратором. Отрывок одной из речей Крития какое-то время приписывался Героду (пытавшемуся, как мы видим, до известной степени подражать не только слогу, но и поведению этого незаурядного и амбициозного деятеля).

⁵⁰ Имеется в виду канон десяти древних аттических ораторов, включавший Лисия, Исократа, Демосфена и др.; изменить канон было нельзя, так что речь идет именно о “похвале”.

⁵¹ Андокид (ок. 440 – ок. 390 до н. э.) — афинский оратор, причисленный к Канону десяти; отличался простотой и чистотой слога, но у современников ценился невысоко (на это и намекает Герод, предпочитающий “неканонического” Крития).

⁵² Имеется в виду Адриан (годы правления — 117–138), в 117 г. находившийся в Паннонии, куда к нему была послана делегация с поздравлениями; в ее составе был совсем еще юный Герод, которого Адриан очень любил и затем всячески содействовал его карьере.

⁵³ Амфиполь — город на фракийской границе, на берегу Эгейского моря; в 357 г. до н. э. был осажден Филиппом Македонским и воззвал о помощи к афинянам, затеявшим с Филиппом безуспешные переговоры; в итоге город достался македонянам. Слова “потребовал себе почестей” — хронологическая ошибка: Демосфен получил венок гораздо позже и за другое, а в 357 г. был еще слишком молод и ни в каких посольствах не участвовал.

Рисунки Софьи Егоровой, выпуск 1997 г.

Константинос Кавафис

Ирод Аттик

Перевод с новогреческого Анны Григорьевой, выпуск 2007 г.

А Ирода Аттического слава такова:

Раз Александр из Селевкии, наш выдающийся софист,
В Афины-город с речью приезжает
И видит их пустыми, ибо Ирод
Находится за городом. А молодежь —
Вся следом, чтобы там его послушать.
И вот, софист Александр тогда
Пишет и посылает письмо,
Где просит Ирода вернуть в Афины греков.
И скромный Ирод тотчас отвечает:
Идем мы, вместе с греками приду и я.

Сколько сейчас молодежи в Бейруте,
В Александрии и Антиохии

(Все — риторы завтрашних дней, которых готовит
Эллада), —

Они, встречаясь на изысканных соборьях,
Где разговор то об изысканной идет софистике,
То о невиданных любовных похождениях,
Внезапно рассеянно замолкают —
Початые чаши отставлены в сторону —
И думают об Иродовом счастье:
Какой другой софист был так прославлен,
Чтоб по его желанью, мановенью
Все греки (сами греки!) шли за ним
Не рассуждая и без лишних слов,
Не выбирая — лишь бы только следом?..

Выпуск 2007 г.

Класс а

1. Борисенко Олег — Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения
2. Бушмакина Любовь — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
3. Видре Дарья — СПбГУ, филологический факультет, отделение общего языкознания
4. Гасилина Лидия — Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова
5. Герм Елизавета — Высшая школа экономики
6. Горубин Лука — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
7. Евлампиева Александра — СПбГУ, филологический факультет, итальянское отделение
8. Иванчей Иван — СПбГУ, психологический факультет
9. Иванюшин Артемий — СПбГУ, юридический факультет
10. Калиниченко Артем — СПбГУ, математико-механический факультет
11. Кан Вита — СПбГУ, факультет международных отношений
12. Капитульский Евгений — СПбГУ, филологический факультет, отделение баллистики
13. Корнеев Иван — Высшая школа экономики
14. Лайус Дмитрий — Высшая школа экономики
15. Марченков Евгений — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО
16. Мосьпанова Маргарита — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
17. Савельева Анастасия — Северо-Западная академия государственной службы
18. Складчиков Иван — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
19. Спиридонова Клавдия — СПбГУ, юридический факультет

20. Хесина Анна — СПбГУ, биологический факультет
21. Эпельбаум Кирилл — Бостонский университет (США)

Класс β

1. Андранович Богдан — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
2. Беневич Федор — СПбГУ, филологический факультет, новогреческое отделение
3. Буций Василий — СПбГУ, исторический факультет, кафедра истории древней Греции и Рима
4. Ветушко-Калевич Арсений — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
5. Визаулин Дмитрий — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО
6. Григорьева Анна — СПбГУ, филологический факультет, русское отделение
7. Гришина Полина — Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия
8. Носарева Мария — Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
9. Резникова Арина — СПбГУ, филологический факультет, новогреческое отделение
10. Смекалов Андрей — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО
11. Сухотин Александр — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
12. Теллинг Элизабет — СПбГУ, философский факультет
13. Торопова Александра — СПбГУ, математико-механический факультет
14. Чените Кристина — Университет экономики и менеджмента (Вильнюс, Литва)
15. Чиковский Николай — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО
16. Шалугин Вадим — СПбГУ, факультет международных отношений

Фото: В. М. Ярош

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФУРСЕНКО (1927–2008)

И КЛАССИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ

В середине этого года, среди такой же, как всегда, напряженной деятельности во время очередной поездки в Москву на заседание Президиума РАН ушел из жизни один из влиятельнейших друзей Санкт-Петербургской классической гимназии, председатель ее попечительского совета, известный историк-новист академик Александр Александрович Фурсенко (1927–2008). Не школьному журналу обсуждать его научные достижения, принадлежность к различным ученым обществам и во многих других отношениях примечательную судьбу. Зато гимназия может и должна помнить то, что сделано для нее Александром Александровичем в трудные годы ее становления.

После основания гимназии в сентябре 1989 г. и мытарств неприкаянного жителя при других школьных организациях (согласие поделиться местом с новым учреждением, впрочем, и считалось, и было на первых порах безусловным благодеянием) жизнь гимназии складывалась нелегко. Иным родителям приходилось с утра пораньше браться за монтировку, чтобы открыть помещения для учащихся и учащихся. С каждым днем делалось яснее: без собственного дома школе не выжить. Летом 1991 г. усилиями тогдашнего гимназического коллектива и друзей гимназии был достигнут успех:

бывший председатель либерального Ленсовета, только что ставший ленинградским мэром, А. А. Собчак распорядился выделить новому учебному заведению здание на Малом проспекте Петроградской стороны. Чтобы это случилось, потрудились многие: Л. Ю. Меньшикова и ее прежний коллега М. И. Башмаков из комиссии Ленсовета по науке и образованию; родители двух тогдашних гимназистов — С. В. Бурячко (тот самый, с монтировкой, который в эти же судьбоносные месяцы стал директором гимназии) и Н. Л. Корсакова (мать Д. Л. Лурье); увлеченные педагогикой ученые А. Ю. и М. В. Русаковы. Наверное, были и другие, неизвестные автору участники этого существенного продвижения гимназии к своему назначению и полному развитию (τέλος). Last, not least: борьбу за здание поддержал один из руководителей Ленинградского научного центра Академии наук (некоторое время академик-секретарь историко-филологического отделения) А. А. Фурсенко.

Городские власти согласились дать школе здание еще зимой; но события, вытекающие из этого согласия, как это нередко бывает в жизни, не происходили. И снова понадобилось участие Александра Александровича, чтобы А. А. Собчак — в качестве первого мэра города, вернувшего себе к этому моменту свое историческое имя, — провел, наконец, в жизнь то решение, которое было принято

им же в бытность председателем Ленсовета. И вот в конце 1991 г. гимназия получила возможность отпраздновать свое вступление в отведенное ей, хотя еще не очищенное от других дидактических институций здание на углу Мало-го пр. (Щорса) и ул. Красного Курсанта (Спасской).

Казалось бы, событие это отраднo, но не обязательно признавать за ним значение прямо всемирно-историческое. Тем не менее неоспоримым фактом является то, что одна из ведущих газет США, *New York Times*, в номере от 2 сентября 1991 г. не преминула отметить факт обретения возобновленной школой собственного “угла” статьей и фотографией гимназического триумфа. Считать ли это случайностью? Примером того, как действуют личные связи? Сказать трудно. Несомненно, однако, что здесь сказался иной взгляд на образование и на факторы цивилизационного развития.

Вспоминая Александра Александровича, коллеги его по сектору всеобщей истории отмечали: почти все, кто долго и увлеченно исследует какую-нибудь страну и эпоху, и вольно, и невольно заражаются ее ценностями и даже привычками. Вот и у Александра Александровича сложилось некое сродство с Америкой (США) — стихийное требование свободы, уважение к предприимчивости, напор в действии, вера в победу лучшего.

Человек авторитетный, начальственный и некоторым образом государственный, он сочувствовал консервативно-революционному росту классического образования и еще не раз выступал на защиту гимназии. В 1995 г. он вместе с А. А. Собчаком вручал аттестаты первым выпускникам, а впоследствии приходил на заседания фонда “Анабасис”, на дискуссии о классическом образовании. В честь тех, кто от Античного кабинета занимался изданием боспорских эпитафических памятников, он однажды сложил мадригал: “Это люди, которые способны вдохнуть жизнь и в камни”.

Александр Александрович правильно понимал, что дело в прорыве, а не в мечтах о прорыве, в новизне, а не в речах про инновации. В его отношении к гимназии было видно уважение к культуре, понимание жизни общества, желание послужить знанию. Шло это и от семьи, из которой он происходил: отец его был крупный биолог, в свое время кончивший гимназию Мая. В поддержке гимназии, пожалуй, больше, чем где-нибудь, обнаружилась едва ли не главная доблесть Александра Александровича: оптимизм применительно к культуре — оптимизм благородный и умный, ибо готовый защищать хрупкое и ценное.

А. К. Гаврилов

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

АЛЕКСАНДРОВ Даниил Александрович — профессор Европейского университета, директор программы фонда Спенсера по исследованию образования

БАЙБУРИН Альберт Кашфуллович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета этнологии Европейского университета

БОРИСОВА Ася Львовна — генеральный директор антикварно-ювелирного дома “Ретро”

ВАВИЛОВ Николай Александрович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и теории чисел математико-механического факультета СПбГУ

ВАХТИН Николай Борисович — доктор филологических наук, профессор, ректор Европейского университета

ВЕРБИЦКАЯ Людмила Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, президент СПбГУ

ВОРОНКОВ Виктор Михайлович — директор Центра независимых социологических исследований, президент Санкт-Петербургской социологической ассоциации

ГАВРИЛОВ Александр Константинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, основатель *Bibliotheca classica Petropolitana*

ДУРОВ Валерий Семенович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ

ЕЛОЕВА Фатима Абисаловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая отделением новогреческой и византийской филологии кафедры общего языкознания СПбГУ

ЖУРБИН Алексей Александрович — генеральный директор ЗАО “Институт «Стройпроект»”

КОБАК Александр Валерьевич — исполнительный директор Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева

НЕУСТРОЕВА Ирина Геннадьевна — начальник управления проектного финансирования ОАО “Банк ВТБ Северо-Запад”

НИКИТИН Алексей Витальевич — президент компании “Эвклид”

ПИОТРОВСКИЙ Михаил Борисович — член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа

РЕЗВАН Ефим Анатольевич — доктор исторических наук, заместитель по научной работе директора Института этнографии РАН

САТАЕВА Елена Юрьевна — главный редактор издательства “Крылов”

ТИКТИНСКИЙ Эдуард Саульевич — генеральный директор холдинга RVI

ФУРСЕНКО Александр Александрович — академик РАН, руководитель секции истории отделения историко-филологических наук РАН, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН

ШАХНОВИЧ Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ